

ИЗБОРСКИЙ клуб

русские
стратегии

№ 9(21), 2014

*Изборцы
о новой
холодной войне
(часть 1)*

*Путин:
до и после Крыма*

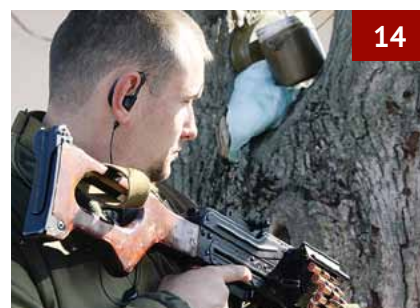
*Евромайдан —
спецоперация США*

Делегация Изборского клуба посетила Новороссию, побывала на фронте, встречалась с политическими, военными деятелями Донбасса и наблюдала за выборами. Фоторепортаж Василия Проханова о поездке мы публикуем как череду фотоснимков, проходящую через все страницы этого номера журнала.

Содержание:

- 2** Александр ПРОХАНОВ.
Змея холодной войны и всадник в золотом доспехе
- 6** Путин: до и после Крыма
(презентация двухтомника Изборского клуба о президенте России)
- 14** Александр НАГОРНЫЙ.
Холодная война: уроки для Кремля
- 24** Шамиль СУЛТАНОВ.
Мировая революция или глобальная война?
- 38** Владимир ОВЧИНСКИЙ, Елена ЛАРИНА.
«Холодная война 2.0»
(доклад Изборскому клубу)
НА ВОЙНЕ КАК НА ВОЙНЕ (стр. 42)
*ГЛОБАЛЬНОЕ ДОМИНИРОВАНИЕ США:
КОНЦЕПЦИЯ, ИНСТРУМЕНТАРИЙ, РЕЗУЛЬТАТЫ* (стр. 45)
ЗАПАД В ПОИСКАХ НОВЫХ РЕШЕНИЙ (стр. 50)
ЕЩЁ РАЗ ОБ «ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЙНАХ» (стр. 55)
ВОЙНА: НОВОЕ ЛИЦО (стр. 56)
СУММА ТЕХНОЛОГИЙ КАК ОРУЖИЕ ПОБЕДЫ (стр. 61)
- 70** Сергей БАТЧИКОВ.
Русский мир и глобализация
- 78** Александр ДОМРИН.
О рычагах новой холодной войны
- 86** Сергей ГЛАЗЬЕВ.
Рубль вместо доллара
- 92** Евгений САВЧЕНКО.
Хватит плестись в хвосте!
- 96** Михаил ДЕЛЯГИН.
Холодная война и модернизация России
- 106** Александр МАСЛОВ.
Холодная война и феномен «украинства»
- 116** Евгений ТАРАСЮК.
Евромайдан — спецоперация США
- 124** Библиотекарь
- 125** Хронология мероприятий клуба
- 126** Стихи Олега БОРОДКИНА.
«Средь наших оставленных богом равнин...»
(вступительное слово Георгия СУДОВЦЕВА)

Общественно-политический журнал **«Изборский клуб»** № 9(21), 2014 год

Главный редактор — Александр ПРОХАНОВ
Заместитель главного редактора — Александр НАГОРНЫЙ
Заместитель главного редактора — Виталий АВЕРЬЯНОВ
Художник — Василий ПРОХАНОВ
Вёрстка — Дмитрий ВЕРНОВ
Корректор — Елена ОЗЕРОВА

1–4-я обложки — Василий ПРОХАНОВ

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Изборский клуб» обязательна

Адрес редакции: Москва, Олимпийский проспект, 16, стр. 1
Офис Изборского клуба. Телефон: (495) 937 78 65
E-mail: redaction@izborsk-club.ru
Адрес для писем: 129110, Москва, а/я 120
Интернет-сайт www.izborsk-club.ru

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-52751

Подписано в печать: 17.11.2014

Отпечатано в типографии ООО «АМА-ПРЕСС»

Тираж 1000 экз. Заказ № 1819

/ Александр ПРОХАНОВ /

Змея холодной войны **И всадник в золотом доспехе**

Запад обрушил на наши головы каскады тьмы. И теперь мы в полную меру понимаем, что значит посткрымский период российской истории. Санкции, дискриминационные списки, отказ в технологиях, эмбарго. С нами не хотят сотрудничать в военной и анти-террористической областях. наших артистов не пускают на зарубежную эстраду, отказывают в концертных залах. «Дело ЮКОСа». «Дело Литвиненко». Диффамация нашей Родины, наших политиков, культурных деятелей колоссальна. Запад представляет нас империей тьмы, империей всемирных катастроф. Всё чаще на Западе говорят, что начинается холодная война.

Холодная война вползает на русский порог. Не отрекитесь от неё, не прячьтесь от неё под кровать, не отводите зрачков от её змеиных глаз.

Холодная война предполагает горячие вспышки. В этих условиях, которые продлятся не день и не два, нашим политикам предстоит проявить длинную волю. А нашему народу — долгое дыхание. В ответ на эти напасти Россия предпринимает беспрецедентные темпы модернизации оборонного комплекса, резко ускоряет «вторую индустриализацию» страны.

Я видел на стапелях знаменитого северодвинского «Севмаша» замечательный «наutilus» «Юрий Долгорукий», который вступил в боевой состав Северного флота. В тульском КБ приборостроения видел восхитительные «Панцири», которые способны на малых высотах поражать армады крылатых ракет. На оборонном заводе Волгограда я видел бесподобные «Искандеры». Во время недавней поездки в Комсомольск-на-Амуре на авиастроительном заводе я видел истребитель пятого поколения. А на судостроительном заводе, который, казалось бы, приказал долго жить, видел, как строятся новые фрегаты, видел поступившую туда на модернизацию подводную атомную лодку.

Однако оборонные усилия не могут до конца обеспечить нам безопасность. Холодная война воздействует на государство-соперника с целью его разрушить, не используя для этого авианосцы, сверхточное оружие и орбитальные группировки. Особым атакам подвергается народное сознание русских. В него вонзаются клинья. Нас хотят перессорить друг с другом. Возродить давнишнюю распрю «красных» и «белых», православных и мусульман, верующих и неверующих, богатых и бедных. И эти зоны, эти трещины, куда вонзаются клинья раскола, мы должны тщательно охранять. Мы не должны поддаться на эти великие искушения и на великие напасти.

Сегодня, как никогда, важна консолидация всего народа вокруг Русской идеи, вокруг государственной идеи, вокруг наших патриотических лидеров, вокруг президента. Он действует в обстоятельствах, которых ещё вчера не было, о которых, быть может, не подозревает никто из нас. Ему сегодня крайне сложно. На него навалились огромные грузы и огромное бремя. Поэтому, ещё раз: консолидация, терпение, длинная воля вождей и долгое свободное дыхание нашего великого народа. Нам не привыкать сражаться, не привыкать выдерживать огромное давление истории. Вся русская история — сопротивление мировой тьме. Русская победа — это одоление этой тьмы.

Советский Союз, обладавший гигантской военной мощью, чья армия была способна достичь Пиренеев и Бискайского залива в течение двух-трёх суток, — распался без единого выстрела. Наш человек оказался нестойким, зыбким, дряблым. Он искусился на великие соблазны, не пошёл защищать свою Родину и отдал её на разграбление и погибель.

Это не должно повториться. Российский гражданин должен обладать целостностью сознания, крепостью воли и духа. Должен верить в высшие смыслы и в высшие ценности, ради которых стоит сражаться и умирать. Эти ценности, высшие смыслы даруются нам верой, даруются религией. Они даруются нашим гражданам великим традиционным исламом. Эти смыслы и ценности даруются нам божественным православием. Каждый алтарь, каждый храм, каждая вновь возведённая обитель — это система обороны, это опорный пункт, который отражает от нашей Родины потоки тьмы, атаки ненависти и негодования. Ибо каждая молитва, каждый выход в небеса возвращает нам потоки света, который омывает души отдельного человека или корпорации, или завода, или гарнизона, или любой, даже самой маленькой, государственной ячейки, наполняя её высшим смыслом. Ракетно-ядерный щит заслоняет нас, обеспечивая целостность и суверенитет нашим великим пространствам. Покров Богородицы заслоняет нас божественным куполом, сквозь который да не проникнет тьма, что посылается на Россию силами мирового зла.

Мы присоединили Крым. А вместе с Крымом присоединили Херсонес. Этот удивительный храм, этот удивительный град, окружённый розами, среди лазурного сияния моря. Здесь «во дни оны» свершилось крещение Руси. Князь Владимир воспринял светоносную энергию, светоносную красоту и божественный замысел, именуемый православием. И от него, Владимира, этот свет хлынул на весь великий Евразийский континент. Присоединение Херсонеса к России является символическим вторым крещением Руси. И второй индустриализации России сопутствует вторая христианизация.

Холодная война создаёт такие колебания и вибрации в стане противника, что столп государства начинает крошиться и рушиться.

Россия, несмотря на множество партий и парламентские процедуры, на калейдоскоп выборов, по-прежнему — централистское государство. Оно персонифицировано Путиным. Путин является замковым камнем государства Российского. Раскрошить этот камень, вырвать его из свода, удалить из купольной кладки — и Россия рухнет, потеряет

своё государство, обрекая народ на ужасы, сравнимые с февралём семнадцатого или с августом девяносто первого года.

На Путина направлены мощные, видимые и невидимые, лучи. Его стараются запугать, увеличивая группировки НАТО по всему периметру русского государства. Хотят сломать его волю, подрывая русскую экономику и финансы. Его ободряют, как ободряли Горбачёва, искусившегося на высокие европейские статусы. Желают сбить с толку, направить на ложные цели. Западные газеты полны клеветы и мерзости, обрушивают на Путина водопады липкой грязи.

Принц Чарльз, представитель старых европейских династий, сравнил Путина с Гитлером. И это не выходка дурацкого борзописца, а приговор, исходящий из глубин европейской аристократии.

Президента России демонизируют, рисуют на него карикатуры. Европейские чиновники высокого ранга позволяют себе в его адрес непристойности. Отставные работники ЦРУ, «рыцари плаща и кинжала», угрожают ему убийством, намекают на ракету «земля-воздух», нацеленную на его самолёт.

В журнале «Шпигель» опубликована «утечка» из секретного доклада немецкой разведки о том, что в России сложился против Путина олигархический заговор. Этот заговор весьма вероятен. После присоединения Крыма к России и войны в Новороссии Запад наносит удар за ударом по российским богачам, замораживая их деньги в западных банках, отсекая их от громадной мировой кормушки.

Заговор просвечивает сквозь статьи и передачи либеральных СМИ, которые пеняют и клочут от ненависти. Поводом для этой ненависти являются не только Крым и восставший Донбасс. Усиление государства Российского, любое его возращание вызывают эту клочущую ненависть. Будь то оборонная политика и создание новых образцов оружия, или защита русской Арктики от возможных посягательств, или строительство заводов и рудников на востоке страны — всё ненавистно, всё возмущает.

Путину не могут простить его виртуозной политики, когда он в разные периоды своей деятельности в смертельно опасной игре обошёл олигархов, приструнил обезумевшее телевидение, подавил террор на Кавказе, разгромил «болотную» фронду. Ненависть, которую питают к нему либералы, — не политическая, не социальная. Эта ненависть — религиозная, метафизическая.

В своей Валдайской речи Путин бросил Западу страшное обвинение, уличил Запад в по-

прании традиционных христианских ценностей. Говоря о сложившейся на Западе фабрике, производящей зло, Путин бросил Западу метафизический вызов, неявно назвал его «Содомом», этим гнусным библейским городом, куда Господь направил ангелов, и развращённые содомиты, одержимые гомосексуальным безумием, хотели их изнасиловать.

Такое не прощают. Путин обнаружил тайник, укрытый в недрах разноцветной западной цивилизации, указал на адскую тьму, наполняющую этот тайник. Призвал народы противиться этой тьме. После Валдайской речи Путин стал духовным лидером той части человечества, которая отрицает либеральный распад, противится родившемуся в западной цивилизации чёрному античеловечеству.

Навязанная нам холодная война — это не только война информационных технологий. Не только война культур и художественных образов. Это война религий, война метафизических смыслов, схватка добра и зла.

Нельзя победить в холодной войне, уповая на гуманитарные технологии, экономические воздействия, информационные удары. В холодной войне победит тот, кто одолеет в схватке метафизических ценностей. Чей образ мира станет образом будущего, чья мечта станет мечтой всего человечества.

После угроз со стороны ЦРУ Федеральная служба охраны усилит свою бдительность. После атак, в которых участвуют чёрные маги, в русских монастырях умножат свои молитвы монахи, окружая Путина непроницаемым Покровом Богородицы. Путин не может сдаться, не может уйти с поля брани, не может оставить Россию, которая для него — судьба.

Россия, которая находится под натиском страшных сил, опирается на две твердыни, на две мощи: на оборонные заводы и алтари. В них — гарантия нашего суверенитета и нашей безопасности. Государство Российское, пережив крушение в девяностые годы, встаёт из праха. Тайнственная сила, возвращающая государство Российское, управляет президентом Путиным, его волей, сознанием. Наделяет прозорливостью, подсказывает выход в самых мучительных международных коллизиях. Замыслы Путина совпадают с замыслом русской истории. Этот великий исторический замысел неодолим и не подвержен распаду.

Змея холодной войны с шипением вползает на русский порог. Навстречу ей мчит всадник в золотистом доспехе, вонзает копьё в её зловонную пасть.

Путин: до и после Крыма

*Презентация двухтомника
Изборского клуба о президенте России*

В феврале-марте 2014 года, еще до воссоединения Крыма с Россией и начала гражданской войны на Украине, наш журнал посвятил два своих выпуска феномену Владимира Путина как своего рода «замкового камня» современной российской государственности. Своё видение действующего президента Российской Федерации изложили все без исключения участники Изборского клуба. Недавно материалы этих выпусков были изданы в форме двух книг: «Путин — замковый камень российской государственности» и «Путин в зеркале Изборского клуба» (издательство «Книжный мир»).

Презентация этого двухтомника прошла в картинной галерее Ильи Глазунова, на фоне картин и с личным участием этого великого русского художника. Здесь же впервые был представлен гимн Изборского клуба. Песню «Кто с нами?» (музыка Александра Морозова, слова Николая Тряпкина) исполнил музыкальный коллектив из Брянска «Бабкины внуки».

Несколько месяцев, прошедших с момента первой публикации, дали изборянам немало новых фактов и мыслей, которые позволили уточнить и дополнить созданный совместными усилиями и отражённый ранее в нашем журнале «образ Путина».

Александр ПРОХАНОВ,

*писатель, председатель
Изборского клуба, главный
редактор газеты «Завтра»:*

— Путин — мировой персонаж, через который проходит огромное количество самых напряжённых силовых линий, как глобальных, так и национальных, российских. Эти линии пересекаются между собой, создавая причудливые узлы, узоры. И это всё формирует путинскую политику, придаёт ей сложнейший, иногда непредсказуемый, рискованный и всегда победный характер.

Вопрос «Кто такой мистер Путин?» актуален по-прежнему. По-прежнему Путин удивляет мир своим поведением: либо своей резкой активностью, либо внезапным бездействием и молчанием.

В этой работе, мне кажется, дан ответ на этот вопрос. Дан не потому, что мы исследовали Путина в контексте внешней политики, внутренней имперской политики, евразийского проекта, возможного индустриального рывка, его представлений о модернизации, о русском сознании и так далее. Нет, мы попытались доказать, что понять Путина можно лишь в том случае, если понять феноменологию государства Российского: таинственного, загадочного, более тысячи лет присутствующего в мировой

истории. Которое то достигает потрясающей красоты, силы и успехов, демонстрируя колоссальное количество культурных школ, военных и политических побед. То вдруг опрокидывается в преисподнюю, оставляя на своём месте «чёрную дыру», с тем чтобы через некоторое время опять восстать, вырваться из этой «чёрной дыры», облакаясь в новые ризы, новые формы, демонстрируя глубинные константы при всём разнообразии очередной своей государственной трансформации.

И вот государство Российское, после 1991 года опрокинутое в чёрную бездну, перестав как будто бы существовать, вновь начинает подниматься в сложной противоречивой динамике. И оно, это государство, формирует своего лидера, своего президента. Оно формирует Путина: его действия, его экспромты, его риски, его победы. Путин является функцией государства Российского — как, впрочем, и каждый из нас, при всём разнообразии наших представлений о мире и государстве. И понять Путина можно, только поняв глубинную феноменологию российского государства: государства всегда имперского, всегда державного, всегда являющего собой симфонию пространств, религий,

народов, верований, языков. Государства, которое в глубине своей таит идею божественной справедливости, идею, которая на разных этапах русской истории выражалась по-разному. Во времена «красной империи» она выражалась через социальную справедливость. В грядущем же она, как мне кажется, будет выражена через справедливость божественную.

И этот набор постулатов, этот набор констант и кодов всегда сопровождался модернизационными рывками, то есть идеей развития.

Сегодняшнее государство Российское, беременное развитием, наполненное огромным количеством сложностей, рудиментов от предшествующей эпохи девяностых годов, — это государство по-прежнему развивается, по-прежнему выстраивается. Понимая его: не обязательно принимая, но понимая, — можно понять феноменологию президента Путина.

Об этом — наша книга, наша коллективная работа. Она заканчивается Крымом — этим крымским счастьем, крымским чудом. В этой книге нет ничего о посткрымском периоде русской истории. Мучительном, сложном, иногда страшном, но неизбежном.

Поэтому наш сегодняшний разговор, наши ремарки, высту-

Александр ДУГИН, Виталий АВЕРЬЯНОВ, Александр ПРОХАНОВ и Александр НАГОРНЫЙ во время презентации

пленения так или иначе коснутся этой новой эры — очень опасной, грозной и всё-таки прекрасной русской эры.

Александр НАГОРНЫЙ,
политолог, исполнительный секретарь Изборского клуба:

— Представляемый нами проект включает в себя работы ведущих учёных, экспертов самых разных направлений. И в этом смысле получилась комплексная работа, которая освещает не только феномен Путина, но и феномен поворота России на новые рельсы.

В самих работах, представленных здесь, нет славословия Путину. Это порой критические замечания, порой творческие предложения. Но все они выстроены на оптимистической платформе, с уважением к нашему государству и нашему народу.

Россия сегодня входит в новый этап своей истории, который в значительной степени чле-

ны нашего клуба предсказали: практически все мы говорили о том, что неизбежен возврат к холодной войне со стороны Соединённых Штатов. Также мы говорили о том, что неизбежен поворот Москвы к стратегическому союзу с Китаем. И мы видим беспрецедентное сближение Москвы с Пекином.

Но мы говорили также о том, что два этих фундаментальных изменения — предвестники другой, внутренней эволюции России. И мы вправе ожидать нового подхода государства и к финансам, и к политике, и к экономике, и к социальным вопросам.

Данная работа является начальным этапом. Нас ожидают большие проблемы: возрождение холодной войны, которую развязал против нас Запад, проблемы Украины и Новороссии...

Этим проблемам, полагаю, будет посвящено продолжение нашей работы.

Виталий АВЕРЬЯНОВ,
доктор философских наук, исполнительный секретарь Изборского клуба:

— Первый вопрос, который задают люди, увидевшие наш двухтомник: это за Путина или против?

В первую очередь — это не искривлённое зеркало, а зеркало суровой правды. В работах наших авторов есть и поддержка Путина, и критика в адрес Путина. В целом, если смотреть в динамике, а не в статике, то это, конечно, поддержка, но это поддержка не фигуры, не личности как таковой, а того становления, того процесса, который сегодня происходит с Путиным, с Россией.

Очень важна здесь скорость событий, скорость течения исторического времени. Потому что в последние три года, начиная с 2012-го, историческое время течёт в России гораздо быстрее, чем в нулевые. Эпо-

ха перед 2012 годом, перед Болотной — была топтанием на месте. И протест на Болотной был апофеозом застоя — неолиберально-богемного застоя, когда антисистема кричала о том, что нужно остановить время. Это были мольбы об остановке истории, о конце истории, о капитуляции России перед метафизическим Фаустом-Фукуямой.

Но вот гипноз, который, как казалось, какое-то время царствовал над Россией, уходит, морок рассеивается. И когда это стало очевидно, раздаются обиженные голоса западных лидеров или украинских олигархов, которые вдруг заговорили о неадекватности Путина. Они хотят представить дело таким образом, что Путин и горстка людей вокруг него сошли с ума. А Россия при этом выносятся за скобки: её как будто бы и нет: серая масса рабов, послушных своим хозяевам. Между тем Россия сегодня в очередной раз доказывает миру сему, что его тотальность не имеет полной силы. В каком-то смысле Россия опровергает закон всемирного тяготения, но не как таковой, а как неизбежность приземления, пресмыкания.

Нам доступны разные объяснения и разные трактовки законов природы — так же как у птиц и ангелов иное представление о законе всемирного тяготения, чем у пресмыкающихся и земноводных.

В Изборском клубе собрались очень разные люди. Есть более радикальные, есть более умеренные. Есть те, кто торопит события, подстёгивает их. И есть те, кто считает самым важным не опрокинуть во время маневра государственный корабль, потому что перестройка системы часто приводит к демонтажу самого государства.

И есть две вещи: скорость и необратимость того консер-

вативного разворота, который сейчас происходит в России. Думаю, необратимость важнее скорости. В этом цикле у многих авторов — замечу, писавших свои материалы задолго до Крыма, до Новороссии, до санкций и всего остального, — присутствует вера в необратимость происходящих изменений.

Россия всю историю своего существования вела битвы за собственную субъектность, за своё «я», за право быть самой собой. И, чтобы выйти из цивилизационного гипноза, сегодня она должна остро ощутить своё «я», неизбежно соотносимое с личностью её политического лидера. В своё время Россия выигрывала неоднократные битвы за Романовых. В XX веке она одержала победу в битве за Сталина. Сегодня Россия ведёт битву за Путина. И эта битва отражается в зеркале Изборского клуба.

Илья ГЛАЗУНОВ,

народный художник России:

— Для меня сегодня особый день, потому что в моей галерее представляют книгу, которую будут изучать не только наши современники, но и историки будущего.

Весь мир ополчился против Путина, против России. И я вспоминаю слова Юлия Цезаря: «Если против тебя все — значит, ты самый сильный». За нашим президентом Владимиром Владимировичем Путиным стоит великая империя — Россия, которая смотрит на нас глазами тех, кто создал великое, неповторимое, мощное государство — Святую Русь. Сегодня меняется многое. И пусть при огромном сопротивлении, но меняется к тому, что мы снова можем говорить о воссоздании великой многонациональной империи: России, Евразии.

Те, кто ругает Россию, ругал и СССР, — они всегда ненави-

дели нашу страну, ненавидят тех, кто старается возродить её величие, кто идёт путём борьбы, воссоздания, творчества, кто ведёт её ввысь.

Единственное спасение для нас — возрождение великой России. Владимир Путин является ведущим политиком в мире, несмотря на то, что чёрные люди сеют злобу, которая так чудовищно разливается в Донбассе.

Спасибо всем, кто продолжает идеи великой православной русской цивилизации, кто борется за то, чтобы Россия вновь была великой исторической православной державой, дающей свет всему миру. В Изборском клубе собрались борцы за русскую цивилизацию, за империю, за то, чтобы мы с гордостью произносили слово «русский». Для меня русский — тот, кто любит Россию. Вы боретесь и побеждаете.

Этот двухтомник — заслуженный венок победы. Он подобен одному, который выражает идею многих: возрождение великой Российской многонациональной империи. Слава России!

Джульетто КЬЕЗА,

журналист (Италия):

— Многие здесь, в России, подходят ко мне и говорят: «Спасибо, что вы защищаете Россию». Это так. Но тем самым я защищаю также Европу. Я делаю это, потому что считаю: Владимир Путин — единственный сегодня разумный политик. Если в мире ещё не идёт широкомасштабная война, то лишь благодаря его пониманию ситуации и умению контролировать её.

У меня есть сильные опасения, что мы видим попытки начать третью мировую войну. Атака на Украину — одна из таких попыток, другого смысла в ней нет. США захватили Украину и очень спешат дальше. Почему? Потому что они хотят опередить

события. В Америке — глубокий общий кризис, который не даёт управлять миром так, как того хотят властители Америки.

Я создал скромный телеканал, который в Италии смотрит всего лишь 200 тысяч человек. Это было единственное средство массовой информации, которое в течение всего этого времени объективно рассказывало итальянцам о происходящем. Ни один итальянский телеканал, ни одна газета не писали правды. И вот я нашёл интервью Владимира Путина от 2004 года. Ещё тогда Путин сказал открыто: у меня такое впечатление, что наши партнёры на Западе не так искренни, как мы думали. И добавил: они не хотят союзников, они хотят вассалов, они хотят командовать. А с Россией это не пройдёт.

И я говорю: смотрите, в 2004 году Путин понял ситуацию. И сейчас совершенно очевидно, что он был прав.

Он в трудной ситуации: его все обвиняют на Западе, нападают, но он сдержан, он постоянно говорит, что Россия и Запад — партнёры. И если Европа ещё не опустилась до нуля, то лишь потому, что Путин, несмотря ни на что, рассматривает Европу как возможного союзника России. И этим он спасает не только Россию, но и весь мир.

Александр ДУГИН,
*лидер Международного
евразийского движения:*

— Данный двухтомник — это, может быть, первая системная оценка Путина с точки зрения патриотического лагеря. Она заканчивается на крымской истории — триумфальной, оптимистической.

Русский Крым, «Крым-наш» был кульминацией очень сложного пути Путина, как по-настоящему национального лидера: он сделал

жест, которого русский народ от него жаждал. Произошло разрежение того мессианского накала, в котором жила Россия. И Путин дал ему выход, ответив на чудовищные вызовы, которые бросил Запад, не только Украина. Украинцы — лишь инструментарий той чудовищной, страшной антихристианской бесовской силы, которую сегодня представляет современный Запад, современный либерализм.

Путин дал крымский ответ на очень фундаментальные вызовы. И конечно, все мы, русские патриоты, тогда ликовали. Мы говорили, что всегда знали, всегда верили. Что сейчас русский мир воспрянет... И мы пошли за Крымской весной, за Русской весной, наши люди тысячами пошли на помощь Новороссии, чтобы освободить великий Русский мир, создавать нашу державу под флагами России, под портретами Путина. И Путин Крымский был вершиной этого патриотического подъёма.

На этом кончается эта книга, и она очень логична: это Путин в его эволюции к Крыму, по дороге к Крыму. И мы — вместе с ним на этом сложном, трудном, кровавом крестном пути, отвечая на вызовы тех, кто является воплощением врага рода человеческого.

А дальше наступает посткрымский период, в котором мы живём сейчас. Крымская история завершается, Русская весна оборвана. Нам говорят, что это очень хитрый план Путина. Надо всё отдать, надо остановить поддержку, чтобы потом наверстать, что киевская хунта сама себя сожрёт...

И здесь начинают разделяться мнения и членов Изборского клуба, и других русских патриотов: так ли хитёр этот план? Действительно ли это способ избежать третьей мировой войны, или это что-то другое? И по мере

того, как Русская весна заканчивается Минской осенью, когда под флагом перемирия продолжается геноцид нашего населения, миллион беженцев, а мы остановились, затаились на этом пути, — возникают новые угрозы.

Только что Путин Крымский воплотил наши чаяния. В Новороссии после Крыма — сначала подъём, конституция со статьями о православии в качестве государственной религии, о запрете гомосексуализма, поддержке семьи, национализации олигархов... То есть конституционально зафиксированы статьи, воплощающие социальную справедливость. Потом одного лидера в Новороссии убрали, другого изгнали... И мы видим — что-то здесь не то. У нас появляются вопросы.

Кто вы, мистер Путин? Крымский герой? Да, это было выражение наших надежд и чаяний. Но что сейчас? Хотелось бы разгадать, но очень загадочен наш президент.

Путин — открытая тема, как открыта наша история, как открыта наша судьба. От нас будет многое зависеть, каким он будет. Потому что он — часть нас. А мы — готовы? Мы — пробуждённый народ или полупробуждённый? Который по-прежнему верит тому, что говорят ему «пятая и шестая колонны»?

Эта книга — зеркало Путина. Путин — зеркало народа. Мы — зеркало Путина. Его проблемы — наши проблемы. Может, не в нём дело, а это мы не готовы? На митинги в поддержку Новороссии приходят тысячи. На антипутинские, проамериканские, проукраинские марши предателей приходит больше. Тогда что мы все от Путина хотим? Что он не защищает Новороссию? А мы-то где? Да, многие уехали в Новороссию, откликнулись, но мобилизации нет.

Опасность в том, что нарастает разочарование патриотов. И оно будет нарастать с каждым днём, и будет инструментализовано врагами Путина, чтобы достичь критической массы недовольства, чтобы нанести удар по нему, а вместе с ним — по всей России.

Путин — это Россия. И мы не должны поддаваться на подлую интригу, мы должны понимать: несмотря на то, что сейчас так трудно, так противоречиво, так нестерпимо больно за всё, что происходит с Новороссией и что это делается руками людей, которые представляют Путина, мы должны сохранять спокойствие, мобилизацию, не должны ослаблять поддержку Новороссии. Потому что это — наш Русский мир. Это судьба мировой истории — Новороссия. Мы должны стоять до конца, даже когда трудно.

Путин — это Россия. Если мы совершим ошибки, преступления, предав его, встав на сторону его противников (понятно, в чьих интересах идёт война против него), мы предадим себя, предадим Россию. Как бы трудно ни было, надо проявить выдержку и своей судьбой писать третий том этого замечательного произведения.

АНДРЕЙ (Новиков),

*протоиерей, настоятель
храма Живоначальной*

Троицы на Воробьёвых горах:

— Для меня было великим счастьем видеть Владимира Владимировича в нашем храме среди людей, которые молятся за Новороссию. И я хочу, чтобы свет свечи, которую он поставил в нашем храме, озарил всю Новороссию, всех людей, которые сегодня защищают её, испытывают на себе беды войны. Не только в Донбассе, где рвутся бомбы и снаряды, но и в Одессе, Харькове, Запорожье, Херсо-

не, Днепропетровске, в других городах Украины ждут освобождения. Уверен, что русская зима не превратится в русскую смерть. Что Русская весна будет подлинной весной России. Что те надежды и чаяния, которые связаны с Владимиром Владимировичем, которые поднимали народ на демонстрации (могу свидетельствовать об Одессе — невиданные за всю историю города, начиная, может быть, с 1917 года), — этот народ не будет обманут в своих ожиданиях.

Я видел лицо Владимира Владимировича, когда он молился. Это было очень трогательное лицо, абсолютно смиренное перед Богом и собранное до высшей степени сосредоточения. И я понял, что все люди Новороссии: убиенные, замученные, сожжённые, и о которых он знал, и о которых он ещё не знал, найденные позже убиенными во рвах, — все прошли через его сердце. Он понимает ответственность и за судьбу России, и за судьбу тех, о ком он молился. Потому что они тоже считают его своим президентом, своим руководителем.

Тепло свечи, тепло душ каждого из вас согревает, и пока эта свеча горит в нашем сердце, в нашем сознании, горит перед Богом, — я верю в то, что Русский мир, который восстал, по-настоящему состоится, что Господь всем нам даст ещё время на этой земле. И даст не только нашей стране, но и всему миру, потому что без России, без победы Русского мира в Новороссии судьба всего человечества будет печальна. Об этой судьбе можно почитать в «Книге откровений» святого Иоанна Богослова: что будет, когда человек сам пойдёт по пути дьявола.

Пока есть удерживающий, тайна беззакония ещё полностью не открылась.

Михаил ДЕЛЯГИН во время своего выступления

Леонид ИВАШОВ,

*генерал-полковник,
президент Академии
геополитических проблем:*

— Когда нужно было браться за эту работу, я взял тайм-аут, чтобы поразмышлять, кто есть мистер Путин. Для меня его портрет далеко не однозначен. Я взялся за эту работу только потому, что видел полное одиночество Путина и его стояние между Россией настоящей и Россией олигархической, чуждой. И эту книгу видел как попытку перетянуть Путина на сторону России.

Я с военных позиций рассматриваю ситуацию в России — если ты командир столько лет, то ты первый несёшь ответственность за всё: и за хорошее, и за плохое. Здесь мы пытаемся подать положительный в целом образ. Но у меня вопросы: или Россия, наш народ,

Народный художник России Илья ГЛАЗУНОВ

продвигает Путина и к православию, и к исторической традиции, и к исторической судьбе России, или он нас разворачивает в какую-то другую сторону. Я сторонник первого: что он разворачивается к России благодаря обществу, народу, а народ отвергает Запад. И Путин возвращается на наш исторический путь, отвергает однополюсные ценности и, как не раз было в истории, берёт судьбу в свои руки.

Путин возглавляет Россию. Но кто возглавляет российский олигархат? Не он ли несёт ответственность? А кто предлагал и утверждал нынешний состав правительства, эту «пятую колонну»? Кто назначал того же Сердюкова на пост министра обороны? Вопросы стоят.

Однако я бы сегодня призывал не хаять Владимира Владимировича, а поддержать его — не похвалой, но, прежде всего, конструктивной критикой, конкретными проектами и трудами по возрождению России. Мы можем поддержать Путина,

чтобы он в этот трудный час (а завтра этот час будет гораздо трудней) не дрогнул. Если он дрогнет — запустятся «демократические выборы», и мы завтра получим власть тех, кого ненавидим, а значит, потеряем Россию и наш народ.

Владимир БОРТКО,
кинорежиссёр, народный артист России:

— Я отношусь к нашему президенту как к гимну и флагу, то есть я уважаю их и горжусь ими. Когда он произносит слова, которые возвеличивают Россию, которые скрепляют её, я горжусь им. Хотя иногда кажется: а тот ли он человек, который спасёт нас, ибо наша страна стоит на переломе, времена суровые? Но я надеюсь на то, что этот человек укрепляет страну. И у нас нет другого выхода, как доверять президенту, надеяться на него и помогать ему.

Михаил ДЕЛЯГИН,
экономист, директор Института проблем глобализации:

— Мы в очередной раз приближаемся, как сейчас любят говорить, к некомфортному периоду жизни, когда нам придётся опять самим отвечать не только за судьбу страны, но и за судьбу всей русской культуры, всей русской цивилизации.

Нам уже открыто говорят: вы были нашими младшими партнёрами, а теперь вы будете сырьём, и мы будем управлять вашим имуществом. Поэтому понятно, почему возникла Украина. Именно поэтому и начался этап новой холодной войны. Это война на уничтожение России. И в этой войне участвует не только Запад, но и — на его стороне! — наша внутренняя «пятая колонна».

И когда мы общаемся с нашими западными «партнёрами»,

мы должны понимать, что в Европу вернулся Гитлер. Коллективный. Когда после расстрела детей 1 октября в Донецке, в школе, нам грозят санкциями за то, что ополченцы могут взять Донецкий аэропорт, это называется — Гитлер вернулся. И он, фюрер, относится к нам точно так же, как он относился к нам в первой половине сороковых годов. И нам придётся пройти через борьбу за выживание — очень тяжёлую. Чтобы это пройти, нужно понимать, кто мы, зачем и чего хотим.

Олег РОЗАНОВ,
предприниматель, руководитель аналитического центра «Копьё Пересвета»:

— Мы вступаем в эпоху масштабирования русского пространства и русского времени. Количество вызовов и угроз, которым подвергается наша страна, увеличивается в геометрической прогрессии. И от масштаба личности нашего вождя, от масштаба личности президента зависит будущее не только России, но и всего мира.

России брошен вызов. И этот вызов принят. Ведь можно было сдать Новороссию, но она не сдана. Да, нам не всё нравится в том, что происходит сейчас и там, и в самой России. Нам хотелось бы самых быстрых и точных решений, быстрых и точных ответов на сложные вопросы, на сложные вызовы современности. Но мы должны учитывать, что против нас — объединённый Запад, объединённый золотой миллиард, а нас всего 150 миллионов, и те далеко не едины.

В 1917 году власть взяли большевики. Они не были большинством, они были меньшинством. Но — меньшинством отмобилизованным. Партия большевиков в 1917 году насчитывала 24 тысячи человек,

партия кадетов — 340 тысяч. Да, на Болотную сегодня выходит больше, чем на Поклонную. Нас — больше, однако мы не отобилизованы, мы ослаблены. В этой ситуации поведение Путина зависит от нас — он должен чувствовать нашу поддержку.

Функция властвования формирует сущность властителя. Если мы окажем поддержку, если мы скажем, что пойдём до конца со своим главнокомандующим, — он будет таким, каким мы хотим его видеть.

Александр АГЕЕВ,

*генеральный директор
Института экономических
стратегий Отделения
общественных наук РАН:*

— Повод, по которому мы здесь собрались, лишь на первый взгляд кажется связанным с текущей политической конъюнктурой. Книга затрагивает нечто фундаментальное. Не с сегодняшним новостным потоком она ведет неявный диалог, а с такими константами, как «Вехи», «Из глубины».

Вопрос «Кто есть Путин?» — это не только о Путине вопросы. Как и, пожалуй, самый важный вопрос: а Путин — Божий человек или нет?

Как мы ответим — от этого зависит масса важнейших следствий, правильных и неправильных оценок.

Бжезинский отказал Путину в наличии трансцендентального начала. В этом году зазвучали новые оскорбительные тезисы. Президент сверхдержавы отнес Россию к региональным державам. Это указание нам на место в нынешней истории — вы, дескать, есть то, что не имеет права смотреть дальше собственного носа. В Совете Безопасности ООН на нас поругивается представитель той же сверхдержавы: «Что вы себе позволяете?!» Все

эти выставления оценок нашей стране есть попытки десакрализации Путина как президента России, подрыва самосознания страны.

Власть имеет сложную архитектуру — тем более в такой исторически протяжённой стране, как Россия. Она похожа на Кремль. Там есть и Государственный Кремлёвский дворец, и здание Большого Кремлёвского дворца, и казармы, но есть и колокольня Ивана Великого, соборы Успенский и Архангельский, есть и руины. Подобная же сложность наблюдается также в институтах современной власти. Она есть и в людях, занимающих кремлёвские кабинеты.

Важна суть: поведение Путина — это сеанс одновременной игры с некоторым количеством архетипов властвования, который надо свести к единому вектору. А у каждого из них — своя манера реагирования на вызовы нашей эпохи, своё понимание рисков и возможностей.

Главный враг правителя — это абсолютная ложь, неправда, враньё.

Три критерия позволяют проявить именно это, главное, трансцендентное в деятельности правителя.

Духовная разборчивость. Есть ли у нас основания подозревать Путина в том, что он духовно неразборчив? Вспоминаем его главные речи: и 2004 года, и Мюнхенскую, и Валдайскую. Нет таких оснований. Свой духовный выбор Путин сделал совершенно однозначно.

Духовная расслабленность. И по этому критерию мы не можем упрекнуть Путина.

Лишь по одному критерию каждый найдёт упрёк Путину — по тому, насколько надлежало он действует. Верно и своевременно ли предвидит, предупреждает и устраняет риски?

Но разве всё, что он делает, не происходит в борьбе?

И последнее. Мы живём не в самые худшие времена, но часто стонем. А времена бывали и хуже, и суровее, и подлее. За что нам такое поощрение? Может быть, не только правители, но и народ наш натворил такого, за что ниспосланы были лихолетия?

И одним только покаянием всего не исправить. Трагедии исправляются страданиями. Но страдание становится искуплением, правдой, лишь когда оно осмысленно. XX век и дал нам страдания и завет осмыслить.

На мой взгляд, этот двухтомник Изборского клуба — важный вклад в осмысление времени, России, Путина.

Дмитрий АЯЦКОВ,

*руководитель Приволжского
отделения Изборского клуба:*

— У нас сегодня есть лидер. Ему нелегко управлять огромной державой, от Камчатки до Калининграда. Много было потеряно, утрачено, уничтожено. Собрать земли русские, собрать силу, дух русского народа — сложно и трудно. Но Путин умеет бороться, умеет побеждать. Сегодня люди могут сказать правду и услышать правду. И они готовы на жертвы и свершения, которые потребуются, чтобы поднять дух и силу русского народа.

Это начало большого пути, необходимого, чтобы поднять нашу Русь, наш дух, народ многонациональный. Мы со своим словом правды должны быть среди народа, крестьян, рабочих, интеллигенции. Они слышат, понимают и пойдут.

В добрый путь! Нас ждут великие дела, нам нужна великая Россия.

**Материал подготовила
Екатерина ГЛУШИК**

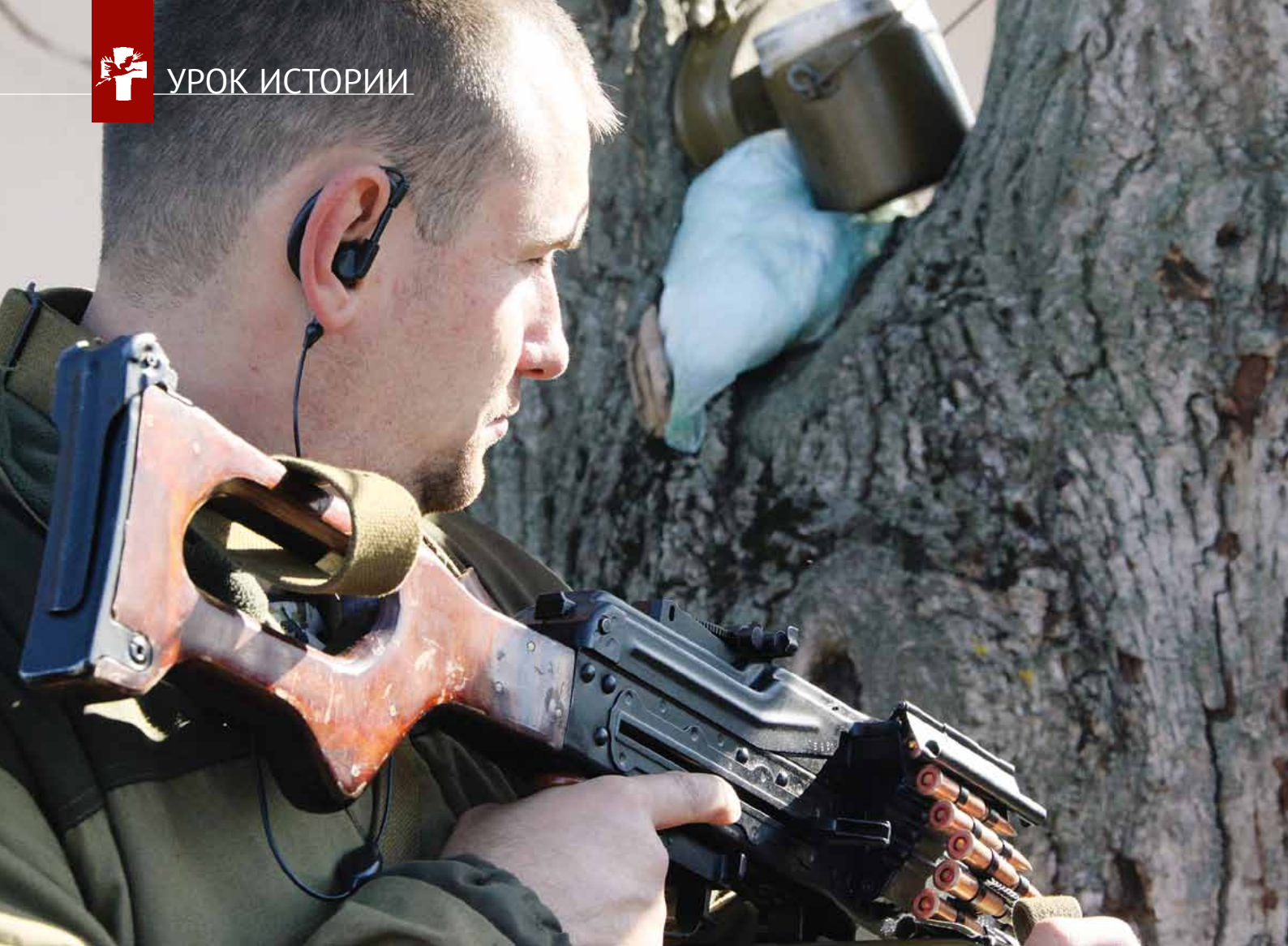
/ Александр НАГОРНЫЙ /

Холодная война: уроки для Кремля

ИСТОКИ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ ЗАПАДА ПРОТИВ РОССИИ

История XX века со всей убедительностью показывает, что холодная война Запада против СССР являлась центральным событием международных отношений прошедшего столетия. И её внешнее окончание в 1991 году, когда был совершён фактически «прозападный» переворот в Москве, на самом деле означал тотальное поражение российской государственности, облечённой в коммунистические одежды. Именно в силу этого нам, гражданам России, живущим во втором десятилетии XXI века, в момент, когда США и Запад в целом снова заталкивают нашу страну в русло ожесточенной холодной войны с ярко выраженными элементами горячей, остро необходимо изучать и в полной мере учитывать все особенности прошедшей холодной войны, которую тот же Запад во главе с Вашингтоном вёл против Советской России и добился успеха.

Анализировать феномен холодной войны следует максимально объективно, без любых идеологических или каких-либо иной природы «изъятий». Но прежде всего следует уточнить само содержание этого понятия. По широко распространённому в научных и политических кругах мнению, оно появилось в 1946 году, сразу после речи Черчилля в Фултоне, где были очерчены необходимые для Запада меры по «сдерживанию и отбрасыванию СССР» в период после 1945 года, когда Советская Россия, благодаря своему огромному вкладу в Победу над фашизмом, получила не только серьёзные геополитические и идеологические позиции в Восточной Европе, но и завоевала поддержку значительных масс населения в странах Западной Европы и Америки. Своё логическое и доктринальное завершение термин «холодная война» получил в т. н. доктрине «сдерживания и изоляции», сформулированной Дж. Кеннаном в специальном меморандуме 1949 г., направленном из американского посольства в Москве в госдепартамент. Автор на-

ходил на дипломатической службе и занимал высокий пост советника-посланника. В документе, ставшем своего рода «библией» американской и западной политологии, предусматривался целый комплекс политико-дипломатических, военных и идеологических мер, которые с разных направлений оказывали давление на СССР в целях сужения зоны советского влияния, подрыва союзных Советской России государств вплоть до их политико-идеологического уничтожения и разрушения. В дальнейшем предусматривалось и расшатывание самого советского государства и, как конечная цель, — его расчленение. В свете этого и сложился весьма спорный консенсус у большинства экспертов и учёных вокруг определения «холодной войны», которая понимается как «противостояние США и его союзников Советскому Союзу и его союзникам преимущественно невоенными методами, хотя и с активным использованием региональных конфликтов по периметру зон своего влияния». Подобная формулировка — при имеющихся многочисленных нюансах — в последние годы укоренилась и в общественном мнении, и в работах различных исследователей. В рамках такого подхода считалось и считается, что цикл холод-

ной войны начался в 1946 году, а закончился через 45 лет, в 1991 году, когда Советский Союз, а на самом деле Советская Россия, был уничтожен путем внутренней смены идеологической модели и реформирования социального устройства с окончательным расчленением единого государства. Подобный подход, несмотря на то, что он внешне кажется абсолютно логичным и доказанным, на самом деле страдает огромными смысловыми, логическими и историческими изъянами.

Прежде всего, война небоевыми средствами и методами подрыва противника» характеризовала взаимоотношения противостоящих друг другу государств или групп государств, которые стремились либо к кардинальному «ужатию» сфер влияния своего противника вплоть до его тотального уничтожения или же — в ещё более объёмном виде — поглощения победителем (победителями) во все времена: от Древних Египта, Вавилона и Рима вплоть до Китая. Не случайно великий китайский стратег Сунь Цзы вывел формулу, что лучшая победа над противником — это победа без военных действий и человеческих жертв, путём хитрости и мудрости. А раз так, то и определение холодной войны должно

включать в себя гораздо более широкий смысл и глубокую историю. В нашем понимании холодная война — это война с противником на основе использования самого широкого набора средств: экономических, финансовых, культурных и др., включая политико-психологическое и идеологическое воздействие на население и руководителей противостоящего государства. В этой «псевдомирной борьбе» действительно всегда использовались самые разнообразные инструменты: идеологического, финансового, экономического, религиозного характера, при помощи которых достигалось и достигается ослабление противника и реализация собственных целей и интересов. Подобная «война» с противником не предполагает остановок и мирного сосуществования ни на минуту и на любом этапе борьбы, как бы она ни называлась: «взаимодействием» или «противодействием». Такие столкновения разворачивались и разворачиваются как на внешней, так и на внутренней арене. Зачастую центральным орудием такого ведения «мирной войны» с противником являлась система мер, натравливающих на него другие страны и союзы стран. Но ещё более важным инструментом являлось расшатывание государственной структуры своего главного противника при помощи внутренних политических и идеологических движений, которые ослабляли, а затем могли вести и к полному уничтожению противника.

Если мы принимаем такую формулировку и такие характеристики, то следует признать: собственно холодная война как тип конфликта родилась практически одновременно с появлением первых государств в истории человечества. Конкретно в случае с нашей страной — она постоянно ощущала на себе холодную войну со стороны Европы на протяжении всей своей истории, что особенно усилилось во время и после «ордынского ига». Против Российской империи нескончаемая холодная война велась, прежде всего Великобританией, на протяжении многих столетий. В определённом смысле Советская Россия переняла этот «багаж», но он стал ещё более тяжелым из-за наличия идеологического компонента, выразившегося в политико-идеологическом и социально-экономическом устройстве СССР. Вся история Советской России представляет собой нескончаемую цепь холодной войны, которая иногда замирала, но чаще всего приобретала самые острые формы. В складывающихся обстоятельствах Советская Россия, с одной стороны, была субъектом классовой и державной ненависти окружающего капиталистического мира, а с другой — сама вела активнейшую и,

порой, весьма успешную борьбу против этого окружения с использованием полного арсенала идеологических, политических и экономических средств, серьёзно подрывая устои капиталистического мира в целом и прилегающих к СССР государств в частности. И в этом «мягкая сила» находила реальное применение задолго до «фултонской речи» Черчилля.

Надо отметить, что противоборство Советской России происходило при огромном негативном соотношении сил не в пользу Москвы. Но при этом привлекательность коммунистической идеологии, яркий и талантливый состав советских ведомств и спецслужб во многом компенсировал это «неравенство сил». Советская Россия своей активностью и распространением революционной привлекательной теории сумела в течение долгого времени успешно противостоять, а порой проявлять значительную наступательную инициативу, добиваясь серьёзных успехов, а иногда — и больших политико-идеологических побед. И хотя распространение социалистических идей и революций в 20–30-х гг. потерпели поражения в странах Европы, но в Азии был достигнут значительный прогресс, когда СССР сумели установить социалистический порядок в Монголии и затем дать мощный старт китайской коммунистической революции. И это было осуществлено при противостоянии всего капиталистического мира, в то время как Москва проводила одновременно линию на межгосударственные контакты, с одной стороны, а с другой — поддерживая коммунистические и социалистические движения.

ЭТАПЫ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ ПРОТИВ СССР

В целом за 70 лет советской истории более или менее чётко можно выделить три этапа холодной войны, которую западные государства вели в отношении СССР. Причём они событийно совпадали с этапами внутри политического и идеологического развития Советского государства. Конечно, Запад развёртывал холодную войну против СССР в значительной мере исходя из собственных интересов, возможностей и особенностей мировой политики момента. Но тем не менее главным фактором, формирующим тактику и стратегию холодной войны, было всё же состояние и потенциал самого советского государства и тех внутренних событий, которые в нём происходили. Фактически, Запад на протяжении всей семидесятилетней истории Советской России базировал свою деятельность

на том, насколько СССР может ответить на удары со стороны своего идеологического противника. И чем сильнее становилась Советская Россия, тем более концентрированно и целенаправленно вели подрывные действия США и их союзники.

Первый этап — период 20–40-х гг., который завершился исторической победой Советской России в Великой Отечественной войне, что обусловило распространение советского идеологического и военно-политического влияния на Восточную Европу и Северо-Восточную Азию. Данный этап характеризовался прежде всего ставкой СССР на деятельность Коминтерна и использование сил Коминтерна в собственных государственных целях. Запад, свалившийся в Великую депрессию, в эти годы преимущественно делал ставку на агрессию Германии и Японии против Советской России, которая закончилась, как известно, полным провалом, когда державы «оси» вошли в прямое вооружённое столкновение с государствами Антанты. Первый этап холодной войны закончился созданием антигитлеровской коалиции, в рамках которой Запад всё равно целенаправленно пытался подорвать внутри-политическую основу советского государства.

Второй период, самый короткий и для СССР самый успешный, стартовал с народно-демократических просоветских революций, которые осуществлялись при активнейшей помощи СССР с опорой на коммунистическую идеологию и местные просоциалистические силы. Главным рубежом здесь была победа революции в Китае. Она полностью повернула сознание правящего истеблишмента как в США, так и в Западной Европе, поскольку впервые опасность тотального поражения предстала перед ними в полный рост. Этими достижениями Москва создала себе важнейший геополитический пояс безопасности. Данный период закончился в 1956 г., когда XX съезд КПСС поставил точку на активном наступательном движении СССР и коммунистической идеологии в целом.

Наконец, третий, наиболее продолжительный период, который наиболее важен для нашего исследования, стартовал в 1956 г. и закончился окончательным поражением Советской России в 1991 году.

С конца 50-х гг. политическая верхушка Советской России вступила на путь «мирного сосуществования» во избежание возможности ядерной войны, что было политически зафиксировано во время Карибского кризиса 1962 г. Это положение превратилось у советского руководства в главный принцип «сдержанности» в подходе к Западу и к усилиям создавать «ком-

промиссы» и «раздел зон влияния» везде, где это было возможно. В своих действиях Кремль фактически отказался и от доктрины идеологического наступления с перспективой победы «коммунистической идеологии» как во всемирном, так и региональном масштабе. Так была заторможена, а затем и полностью снята сама идея «красного идеологического наступления» как в теории, так и на практике. Тем самым после удара по «культу личности» происходила постепенная эволюция мировоззрения высшего руководства СССР, в результате чего фактически прекратилось распространение влияния СССР при помощи активного идеологического вторжения в сами страны Запада и США, ограничивались мероприятия по содействию национальным революциям в третьем мире, сокращалась революционная пропаганда, а также уменьшались или даже сводились полностью на нет другие антикапиталистические действия — в первую очередь работа на мировых финансовых рынках, равно как и объёмы экономической помощи государствам третьего мира. Здесь, конечно, были исключения — например, такие, как кубинская революция, революция на юге Африки и антизападное движение в странах Ближнего Востока. Но это являлось лишь вспомогательным механизмом давления на США и их союзников. В решающие моменты противостояния Кремль делал выбор в пользу «сдержанности» и «непровоцирования» США и Запада в целом. Так было в годы португальской и чилийской революций в начале 70-х гг. Аналогично вела себя Москва в 1981–1982 гг. в период аргентино-британской войны за Фолкленды, вторжения США на Гренаду и т.д. Одновременно США и Запад в целом наращивали свою деятельность в рамках холодной войны, готовили и осуществляли «цветную революцию» в Польше и других странах Варшавского договора. Практически вся «продемократическая оппозиция» выстраивалась на деньги спецслужб США. И с их помощью развёртывались массированные движения на базе концепции «прав человека», а на самом деле готовились «цветные революции», которые с ограниченным успехом были осуществлены в 1968 г. в Чехословакии и в 1980–1982 гг. в Польше. Можно легко найти примеры того, как СССР, получая удары в Восточной Европе (Венгрия, Польша и др.), предпочитал тем не менее сохранять статус-кво в других сферах и на других географических направлениях. Это фиксировалось при оказании помощи антиамериканским движениям и революциям в Африке, Азии и Латинской Америке. Более того, в рамках теории «сохранения мира» предполагалось раз-

деление сфер влияния и невмешательство в наиболее важные и уязвимые места противостоящей системы. В первую очередь это касалось мировой экономики и мировых финансовых систем.

Советское руководство, от Хрущёва и до Горбачёва, деятельность которого стала кульминацией деидеологизации коммунистической системы, постепенно уверилось в «позитивных» намерениях политико-финансовой верхушки США. В этом плане важнейшую роль играла концепция мирного сосуществования, которая на деле означала для Кремля готовность США и Запада в целом не пересекать «линию геополитического разделения сфер влияния» и неуклонно двигаться по пути мирного сосуществования и конвергенции двух систем. В Кремле начиная с конца 60-х годов весьма строго придерживались этого принципа, принципа разграничения на зоны влияния. За свою приверженность данной схеме в конечном итоге советская верхушка ничего не получила взамен. Подписанные в 1975 г. Хельсинкские соглашения вообще открыли путь к прямому иностранному вмешательству в дела СССР и других социалистических стран. Внешняя мировая экономическая конъюнктура, развитие социальных и политических процессов в различных районах мира неоднократно давали победные возможности в руки советского руководства, но те никогда не воплощались в жизнь.

ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОВАЛЫ СССР В ХОДЕ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Успехи и неудачи в рамках общей холодной войны, которую вела Советская Россия против США и Запада в целом, легко оценить по пикам геополитических и идейно-политических приращений советской зоны влияния на глобальной арене. И они практически всегда основывались на двух направлениях деятельности советского государства. Это — наступательная идеология во внешнеполитической пропаганде, с одной стороны, а с другой — крупные военно-стратегические победы и готовность использовать военную силу в полном объёме для противодействия Западу. Значительные подъёмы наступательности в советской идеологии базировались на научно-технических и экономических успехах. Это и испытания ядерного оружия, и запуск спутника, и, наконец, — высокие темпы экономического роста. Всё это позволяло расширять сферу влияния на страны третьего мира с конца Второй мировой войны и вплоть до конца 60-х годов.

Многие эксперты сводят всё к военной составляющей. Однако это очевидно не соответ-

Глава ДНР Александр ЗАХАРЧЕНКО

ствует действительности. «Красный проект» после гражданской войны выразился прежде всего в зарождении и развитии китайской коммунистической революции. При огромных внутренних и внешних трудностях, которые испытывал СССР, Москва сумела создать и подготовить коммунистическое движение в Китае, которое было реализовано в полной мере в 1949 году с провозглашением КНР. Второй, не менее успешный рывок был осуществлён в период после завершения Второй мировой войны, что позволило при помощи советских войск резко усилить коммунистические движения в странах Восточной Европы, где победили народные революции и устанавливались социалистические режимы. И хотя поддержка СССР и наличие советских войск играли значительную роль, не меньшее значение имели и идеи «красного наступления» в постфашистскую эру, идеологический импульс мирового коммунистического строительства.

Третьим достижением можно считать мирное присоединение республик Прибалтики к СССР в 1940 году. Советское руководство и советские спецслужбы показали высший класс работы методами «мягкой силы» в среде общества, вооружённых сил и высшего политического руководства данных государств. Как теперь стало известно, все три руководителя были завербованы и фактически выполняли команды из Москвы, общественные левые движения действовали на базе коммунистической идеологии и риторики советской пропаганды. А вооружённые силы и их руководство были парализованы местными компартиями и агентами советских спецслужб. Фактически эти действия стали примером для спецслужб Запада и прообразом для организации будущих «цветных революций».

Что касается общего поражения СССР в рамках холодной войны, то здесь в первом ряду следует выделить прежде всего внутренние стратегические ошибки советского коммунистического руководства. Это в первую очередь эффект XX съезда и «десталинизации», что подорвало моральное превосходство левого движения во всём мире. Затем произошёл разрыв в международном коммунистическом движении между Кремлём и китайской компартией. Наконец, в-третьих, это идеологическая и экономическая неспособность предотвратить восстания в Венгрии и Чехословакии. Как первое, так и второе было, прежде всего, следствием XX съезда и разоблачений «культа личности», что дало мощнейшее идеологическое оружие в руки США и Запада в целом в рамках всей холодной войны. Идеологический и дипломатический «розыгрыш» этих

факторов привёл к радикальному ослаблению СССР и международного коммунистического движения. Но ещё большим провалом в рамках ведущейся холодной войны стало проникновение на высшие посты в руководстве КПСС и СССР фактически прямой агентуры Запада — таких личностей, как Горбачёв, Яковлев, Шеварднадзе и других «архитекторов перестройки», которые и развернули фактически подсказанную США схему демонтажа советской государственности под пропагандистским сопровождением «улучшения социализма», а также «ускорения экономического и научно-технического прогресса». Между тем введённые меры по экономической и финансовой децентрализации, совмещённые с переходом на выборную демократию, привели всю систему в полный ступор, который вскоре привёл к полному развалу экономики, резкому падению уровня жизни и к расчленению страны. Это стало апофеозом применения «мягкой силы» уже со стороны Запада и, прежде всего, США, которые превратились — практически без использования военной силы — в абсолютного мирового гегемона. Казалось, что действительно наступил «конец истории», за которым произойдёт плавное формирование «мирового правительства», а холодная война как таковая закончится колониальным статусом России.

РОССИЯ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД И НОВЫЙ ЭТАП ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

События августа 1991 года, пиком которых стал приход к власти Ельцина во главе с группой прозападных демократов-рыночников, завершились уничтожением Советской России и переходом всего мира в качественно новый исторический и политический этап. Он характеризовался фактически колониальным статусом России при внешней политической независимости. В этот период и США, и Запад начинают активное освоение «новых территорий», включая и образовавшуюся Российскую Федерацию. Холодная война не заканчивается, а вступает в новую фазу, при которой происходит активнейшее разрушение советской промышленной и идеологической структуры. Создание новой конституционной и политико-экономической системы проходит под полным патронажем США, которым в этом деле максимально содействуют страны Западной Европы. Как результат поражения в холодной войне происходит усечение России на одну треть территориально, наполовину — демографически и на 75% — экономически. В рамках этого процесса происходит политическое отсоединение

всех союзных республик, что открыло широчайший простор для американского политического и идеологического «конструирования» на постсоветском пространстве «дивного нового мира» под своей собственной эгидой. Инструментарий холодной войны был перенесён уже внутрь России и бывших союзных республик. Он в первую очередь направлялся на финансовую привязку их экономик и финансовых систем к мировой империи доллара, на разрушение оборонно-промышленного и машиностроительного комплексов, на понижение социальных параметров существования большей части населения и создания внутреннего механизма зависимости от США через подготовку руководящих кадров, а также через систему внутренней пропаганды посредством масс-медиа и реформы образования. Всё это свободно осуществлялось как внутри РФ в рамках ельцинского режима, так и во всех других постсоветских республиках, прежде всего — на Украине и в Белоруссии.

В данных условиях, казалось бы, выхода у России из системы полной зависимости практически не оставалось, и она обрекалась на дальнейший развал и расчленение. Для этого США использовали весь набор политико-идеологических и финансово-экономических средств с целью дальнейшего тотального разрушения России, что должно было развиваться в рамках демократизации и децентрализации её политической системы. Сюда входит в первую очередь создание нового информационно-телевизионного комплекса, предназначенного демонтировать традиционное русско-советское самосознание населения. Вторым важнейшим направлением стало конструирование финансового механизма, который позволял осуществлять выкачку валютных средств из РФ. Третьим направлением главного удара стали действия по слому вооружённых сил и оборонного комплекса. И многое другое, включая распространение нетрадиционных религиозных культов, кадровое насыщение политического и идеологического руководства страны своей агентурой влияния, которая заняла практически все ведущие бюрократические позиции в системе властной вертикали.

Между тем внутренние процессы далеко не полностью контролировались «вашингтонским обкомом». Борьба оппозиции и выступление Верховного совета против проамериканской агентуры обусловили принятие такой ельцинской конституции, которая фиксировала жёсткий авторитаризм и централизацию, без чего режим не мог устоять. А это, в свою очередь, перекрывало процессы дальнейшего распада страны

на регионы через углубление демократизации. Чеченские войны и дефолт 1998 года, который явился следствием рекомендаций американских банкиров и экспертов, создавших систему вывоза капитала посредством валютного коридора и введения ГКО, поставили проамериканский режим Ельцина на грань выживания, что и предопределило решение в пользу передачи власти «сильной руке», обладателем которой оказался Путин. Тем самым началась вторая стадия постсоветской холодной войны во взаимоотношениях РФ и Запада. За «лихие 90-е» Россия сдала практически все свои внешние позиции за пределами государственных границ. Между тем ракетно-ядерный потенциал был всё же сохранён. И он действовал как внутренний мотивирующий элемент для повторного восхождения к мировому статусу великой державы. Вследствие этого с 2001 года начался поворот стратегического курса Москвы в сторону защиты национальных интересов. Сначала Путин сделал попытку войти в число стран НАТО, а самому стать равноправным участником «Большой восьмёрки» во главе с США. Но это явно не получилось, а давление на РФ со стороны США и других западных стран стало выходить наружу и постепенно усиливаться. Москва в начале 2000-х гг. всё ещё двигалась навстречу Западу и США. Но российская реакция на инцидент 11 сентября 2001 года, помощь в снабжении США в Афганистане, углубление монетаристской системы управления экономикой, дальнейшая приватизация и отказ от валютного контроля не привели к равноправному положению РФ на Западе. Напротив, там интерпретировали отказ Москвы от дальнейшего ракетно-ядерного разоружения и сокращения сферы оставшегося влияния России как «бунт на корабле». И Кремль оказался под ещё большим давлением как со стороны проамериканских кругов в РФ («болотное» движение 2011 г.), так и в зонах традиционного российского влияния (Белоруссия, Сирия и Украина). Холодная война нового типа перешла из скрытого в открытый режим. Данный процесс резко усиливался развитием экономического и финансового кризиса США, что требовало незамедлительных новых «приращений» в зоне американского долларového контроля. Это особенно чётко проявилось событиями Арабской весны, включая Ливию и Сирию, а в резко антироссийской форме — организацией государственного переворота в Киеве с развёртыванием неофашистского режима, на что Кремль ответил согласием на вхождение Крыма в состав РФ. Украина, с её необандеровским фашистским режимом, таким образом, оказалась на острие

нового этапа холодной войны США и Запада против России. Здесь используются не только старые апробированные методы, но и вводятся новые, целью которых является окончательное разрушение России. В том числе:

- захват кадровых высот в финансово-экономической сфере и создание широкого лоббистского фронта из НКО и общественных групп, поддерживающих США внутри РФ;
- внедрение своих «кадров» в политические эшелоны власти и в силовые структуры;
- доминирование в системе ТВ, интернета и других элементов медиaproстранства для манипулирования общественным мнением в рамках нужных Западу идеологических целей и задач;
- максимальное воздействие на систему высшего и среднего образования с упором на работу с молодым поколением;
- установление контроля над такими общественными движениями, как профсоюзное, женское, ЛГБТ, национальное и др.;
- целевое влияние на общественное мнение через интернет-сообщество и ТВ-вещание с территории соседних стран;
- создание и курирование террористических организаций для разжигания национальных конфликтов по периметру российских границ и внутри РФ;
- фабрикация и искажение истории России с формированием новых исторических и политических образов и картин прошлого, выгодных США и Западу;
- максимальная игра на мировых ценах в целях уменьшения бюджетных валютных поступлений для дестабилизации политической обстановки в РФ;
- намеренное обострение отношений РФ с сопредельными государствами и действия по развалу российских внешнеполитических союзов.

Проведённый анализ холодной войны США и Запада в целом против России на разных исторических этапах её развития позволяет сделать следующие выводы.

Первое. Холодная война против России во всей обозримой исторической ретроспективе никогда не прекращалась со стороны Запада в целом и со стороны США в частности. Она могла трансформироваться в скрытые формы, существовать даже в обстановке союзнических отношений, но затем вновь и вновь интенсифицировалась и приобретала открытый характер. Эта ситуация обусловлена

полной несовместимостью цивилизационных основ и стратегических целей США и России как таковых. Для достижения глобальной и окончательной гегемонии Вашингтону требуется фрагментация России, с целью чего усиленно выдвигается требование к полной «демократизации» РФ, вплоть до «очередного расчленения страны». А это равнозначно вопросу жизни или смерти для русской цивилизации и русской государственности.

Второе. Советский опыт показывает, что наиболее успешные периоды противодействия холодной войне Запада и США в отношении СССР и нынешней России были связаны с использованием целостной идеологии, которая объясняла и своему населению, и внешнему миру идейные цели, а также средства их достижения. Кроме того, важнейшим инструментом было нелимитированное использование спецслужб и вооружённых сил в том или ином объёме, но при чётком идеологическом обосновании. Именно поэтому сейчас для РФ остро необходимо выработать целостную концепцию, основанную на «защите традиционных ценностей» и продвижении «социальной справедливости» в мировом масштабе.

Третье. Безоговорочное сближение с США и с Западом, в особенности тотальное некритическое заимствование политических и идеологических концепций, всегда приводило к нашим поражениям и катастрофическим последствиям с многочисленными человеческими и прочими жертвами с нашей стороны.

Четвёртое. Для нынешнего успешного противодействия наступлению США и Запада в рамках нового этапа уже постсоветской холодной войны необходима срочная выработка собственной государственной идеологии, развёртывание своего политико-пропагандистского аппарата для укрепления объектной и субъектной «государственной воли» в проведении целевых реформ, отвечающих стратегическим интересам РФ, а не внешнего мира.

Пятое. Наиболее эффективными методами действия США в сфере новой холодной войны против России являются использование местных национализмов вплоть до фашизма, ставка на внутреннюю либеральную агентуру, сохранение своего доминирования в СМИ и НКО на территории РФ и сопредельных государств. Всё это требует незамедлительных мер по восстановлению российского влияния в данных областях.

/ Шамиль СУЛТАНОВ /

Мировая революция или глобальная война?

*Воспоминания
о будущем*

В рамках общей теории систем холодная война может интерпретироваться как специфический механизм управления достаточно длительной и устойчивой международной конфликтной ситуацией. Данный феномен стал возможен в условиях такой глобальной структуры международных отношений, где гарантированно функционировали достаточно жёсткие правила «большой игры», где были чётко обозначены линии, которые нельзя было переступать, где были проложены конфиденциальные средства коммуникаций, позволяющие противникам вести переговоры даже во время самых острых фаз политико-силовых столкновений...

«Но сегодня не так как вчера...» Главным стимулятором нынешней усиливающейся стратегической неопределённости, растущего онтологического хаоса являются не столько конкурирующие геополитические стратегии, не совокупность того, что раньше называли «общественной надстройкой», не Путин и не Обама, не ЦРУ и не ФСБ, сколько особое явление — «сумма технологий», по выражению С. Лема.

Самое главное и самое опасное (для всех без исключения на нашей планете) состоит в том, что поток этих технологий на самом деле **никто и нигде** не контролирует: ни академики, ни генералы спецслужб, ни «ответственные» государственные лидеры.

Мы вступили в пограничную зону, которая связывает настоящее с приближающимся будущим — шестым технологическим укладом (ТУ), контуры которого уже начинают угрожающе кое-где просвечивать...

Шестой ТУ — массовое, тотальное, системное, широкомасштабное развитие и применение наукоёмких высоких технологий. Основу шестого ТУ должны составить биотехнологии и геноинженерия, интеллектуальные информационные сети, сверхпроводники и экологически чистая энергетика, нанотехнологии, мембранные и квантовые технологии, фотоника, микромеханика, термоядерная энергетика. Потенциальный синтез открытий на этих направлениях должен привести в конечном счёте к созданию, например, квантового компьютера, искусственного интеллекта. Поэтому и говорят о нано (N) — био (B) — инфо (I) — когно (C): NBIC-конвергенции.

Оптимисты утверждают, что в этой пограничной зоне начинается преддверие «четвёртой промышленной революции», главной чертой которой является внедрение настоящих «интеллектуальных машин», которые почти полностью заменят человека в сфере малоквалифицирован-

ного и даже среднеквалифицированного труда, в том числе — умственного.

Использование этих «роботов» (некоторых — в форме всё более усложняющегося программного обеспечения) будет сопровождаться резким ростом производительности труда в таких областях, как энергоэффективность, транспорт (например, машины-роботы), здравоохранение, массовое производство на основе внедрения 3D-печати.

При сохранении нынешних темпов технико-экономического развития шестой ТУ, вероятно, более или менее оформится до 2025 года, а в фазу зрелости вступит в 2040-е годы.

Гипотетически, уже с 2020 года, когда в полной мере сформируется группа базисных инноваций шестого ТУ, мировая экономика имеет шанс войти в фазу «затяжного подъёма». Далее, с конца 2020-х годов, — опять-таки, гипотетически — станет возможным форсированный экономический рост уже на базе нового ТУ.

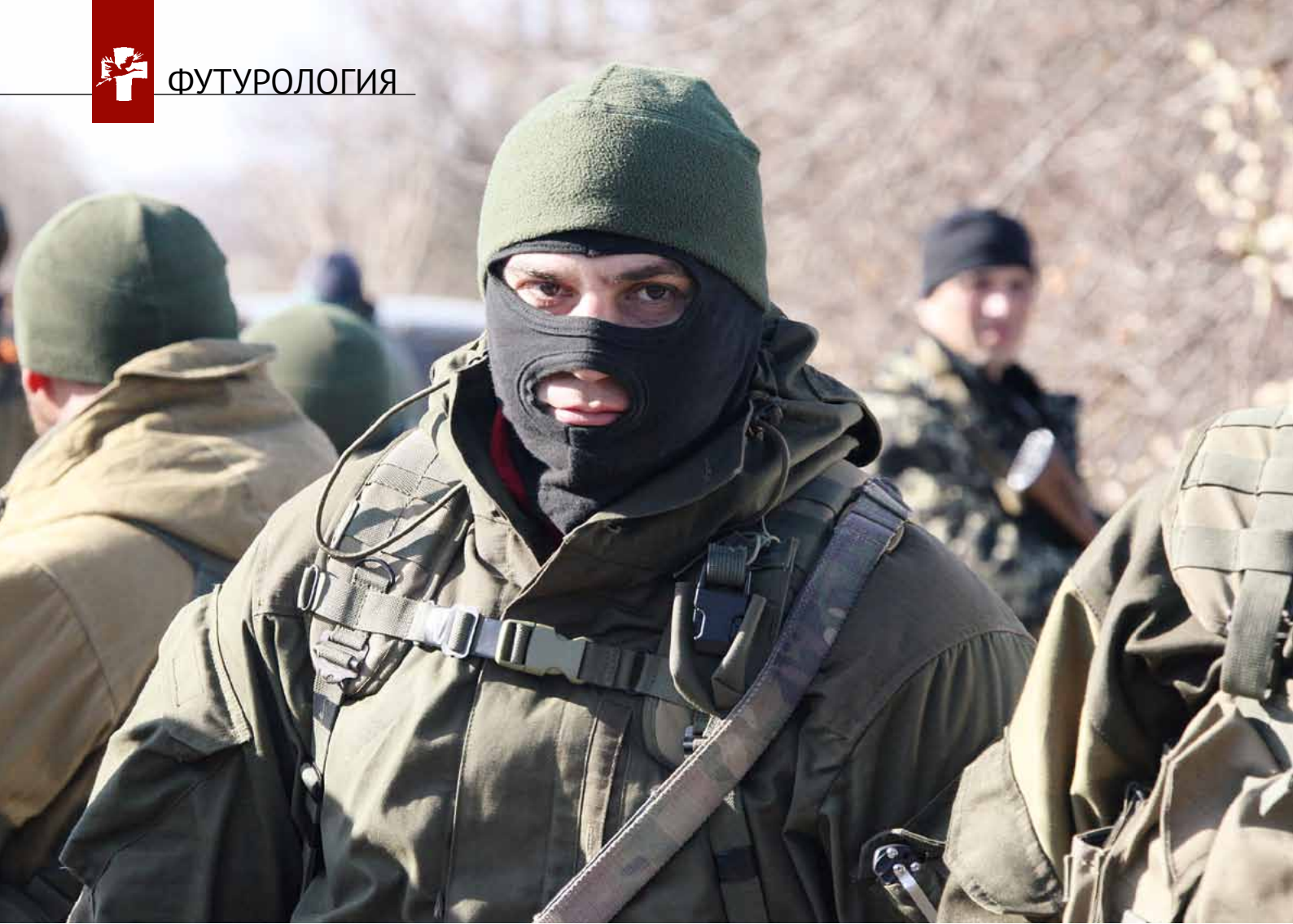
Тем не менее реалисты (или «информированные» пессимисты) предупреждают, что рискованно впадать в подобный «технологический идиотизм». Вспомните, говорят они, что ранее при переходе от одного к другому ТУ в подобных пограничных ситуациях происходили великие социальные революции, масштабные (общеевропейские или мировые) войны и крупные военные конфликты. Сейчас это может повториться, но с потенциально гораздо более масштабными и печальными последствиями.

Более того, переход к новому технологическому укладу — это не только и не столько смена экономико-технологической парадигмы. Такой переход — это и радикальная трансформация социальных, идеологических, политических структур, а также появление новых моделей социума, более или менее адекватных «сумме новых технологий», и возникновение совершенно новых моделей социально-политических взаимоотношений, и формирование кардинально нового типа личности (не обязательно более совершенной), и т.д.

То есть, по сути, именно всё это и есть настоящая, полномасштабная системная революция, растянутая на пятнадцать–двадцать лет. Может быть, и дольше.

Если эта будущая революция, куда нынешняя цивилизация уже втягивается, будет эффективно управляться, есть шанс обойтись без глобальной войны. Если нет — то такой войны не избежать.

Так, «великая депрессия» 1929–1933 гг. положила начало не только переходу к новому технологическому укладу, но и кардинальной смене классического «марксистского» капитализма

на модель рузвельтовского «неокапитализма», основанного на резком усилении государственного вмешательства в экономику, форсированном кредитовании миллионов и десятков миллионов потребителей, внедрении механизмов массового производства и массового потребления. Возникла принципиально новая модель социума — «массовое общество» с его одномерным типом программируемого человека и тотально одрессированным средним классом, совершенно новой формой государственных идеологических систем, воспроизводимых жёстко контролируемыми СМИ, новая структура международных отношений. Этот пограничный период вместил в себя кризисные 30-е годы, Вторую мировую войну, зарождение холодной войны и завершился в начале 50-х годов.

Суть нынешнего стратегического вызова заключается в следующем. Кто именно, какая держава, какая коалиция стран наиболее эффективно осуществит целенаправленные идеологические, социальные, политические трансформации, чтобы, используя мейнстрим, результаты шестого ТУ, стать лидером и определять программу глобального развития, возможно, вплоть до конца нынешнего столетия? Успешность перехода к шестому ТУ будет определяться не только и не столько объёмами и масштабами научно-

технологических новаций, внедрённых в процесс экономического воспроизводства. Ключевым, решающим моментом станет долговременная эффективность реализации системных изменений в формах собственности, производства и потребления, кардинальных преобразований социальных структур, коренных сдвигов в общественном сознании и господствующих политических идеологиях, скорость и качество переструктуризации элит и т.д.

Наступающий переход, безусловно, окажется качественно более сложным и рискованным, чем предыдущие пограничные периоды. Ибо есть масса вопросов, с которыми сталкиваются идеологи и стратеги шестого ТУ и на которые даже самые хитроумные компьютерные программы ответить пока так и не могут.

К примеру, каким образом найти баланс между всё более убыстряющимся потоком научно-технических инноваций шестого ТУ и консервативными, инертными социальными и политическими структурами, большинство из которых уже находятся в состоянии системного кризиса?

Каким образом наиболее безболезненно оптимально сократить население планеты в два-три (как минимум) раза, поскольку грядущей инновационно-технологической цивилизации не нужно

такого количества биомассы в человеческом обличье? Ведь шестой ТУ, в принципе, не нуждается в массовом потреблении материальных товаров для своего самовоспроизводства и саморазвития, особенно с учётом растущего дефицита природных невозобновляемых ресурсов.

Каким образом кардинально ограничить социально-экономическое и политическое влияние распухшего среднего класса, который был и остаётся главной движущей силой «неокапитализма», но который совсем не нужен для реалий надвигающегося шестого ТУ — по крайней мере в таких масштабах?

Каковы должны быть модели взаимодействия между креативным человеческим капиталом, главной движущей силой шестого ТУ, и новой моделью политической элиты, которой пока также нет?

Вот так вот и получается, что «путь наш во мраке». В условиях форсированного роста стратегической неопределённости оптимальных ответов никто не знает. Пограничный период, куда мы, не понимая того, вступили в 2007–2008 годах, — этап не только вызревания шестого ТУ, но и время необычайного обострения системных, во многом антагонистических противоречий современного «капиталистического человечества». То есть, как учил товарищ Мао Цзэдун, это время, крайне благоприятное для действительной мировой революции.

ЕДИНЫЙ РЫНОК ГЛОБАЛЬНОГО ТРУДА И КАПИТАЛА

В последние несколько десятилетий стратегическая воля высшего западного истеблишмента и совокупность достижений в научно-технологической сфере привели к созданию единого функционирующего глобального рынка труда и капитала. Как известно, максимально выгодное использование и первого, и второго, независимо от территориальной дислокации, выравнивает их стоимость в разных геоэкономических зонах планеты. Это и есть главная особенность нынешнего глобального рынка.

Отличительной особенностью такого рынка, далее, является то, что поток технологических инноваций не только интегрирует уже существующие источники труда и капитала, но и создаёт новые.

Современные машины, роботы заменяют различные виды человеческого труда, причём гораздо интенсивнее, чем когда-либо ранее. Воспроизводя себя, эти средства производства одновременно увеличивают объём капитала. Отсюда следует, что экономическое будущее не на стороне тех, кто предоставляет дешёвый

труд или владеет обычным капиталом, — их неизбежно будет вытеснять автоматизация.

Тогда вроде бы должно повезти третьей группе — тем, кто готов внедрять инновации и создавать новые продукты, услуги и бизнес-модели. Однако при этом спонтанно возникает череда провокационных вопросов. Например, как и каким образом будет формироваться новая рыночная среда, адекватный потребительский спрос на эти инновации и новые продукты в условиях объективного сужения массового спроса? Если, конечно, вообще предусматривается сохранение рыночных механизмов спроса и предложения, равновесия сил различных социально-экономических агентов.

Гипотетически в будущем шестом ТУ именно творческие, экономико-технологические идеи должны стать реально дефицитным производственным фактором — более дефицитным, чем труд и капитал, вместе взятые. Однако кто будет в конечном счёте определять перспективность тех или иных идей? Особенно если традиционные рыночные механизмы оценки товарной креативности (при всех их известных недостатках) к середине XXI века существенно изменятся и станут гораздо более управляемы «нерыночными методами»?

НОВЫЙ ОБЛИК КАПИТАЛА

В своей недавно вышедшей книге «Капитал в XXI веке», которая совсем не случайно стала бестселлером во всём мире, Т. Пикетти отмечает, что доля капитала в экономике увеличивается тогда, когда уровень его доходности превышает общий уровень экономического роста. «Углубление капитала», т.е. снижение издержек за счёт экономии труда, топлива, сырья и материалов, будет продолжаться и далее, пока роботы, автоматизированные системы, компьютерные сети и различные формы программного обеспечения (как модификации капитала) всё в большей степени станут заменять человеческий труд.

Доля «всего» капитала в национальном доходе достаточно устойчиво росла последние два десятилетия, однако уже в обозримом будущем такая тенденция может оказаться под угрозой из-за появления новых вызовов. Речь идёт не о каком-то неожиданном скачке в стоимости труда, а об изменениях внутри самого же капитала. По мере вызревания шестого ТУ всё большую значимость приобретает его особая часть — цифровой капитал.

Как известно, в рыночных условиях дороже всего ценятся самые дефицитные средства производства. Соответственно, в экономической среде,

где такой капитал, как программное обеспечение и роботы, можно дешево воспроизводить, предельная его стоимость неизбежно начинает падать. Чем больше добавляется дешевого капитала, тем быстрее снижается стоимость существующего. В отличие, скажем, от традиционных, дорогих или супердорогих заводов дополнительно вводить многие виды цифрового капитала очень выгодно, потому что это дешево. Программы можно дублировать и распространять практически с нулевыми дополнительными издержками.

Иными словами, цифрового капитала объективно становится много, он, по определению, имеет низкую предельную стоимость и приобретает всё большее значение практически во всех отраслях.

Отсюда неизбежно следует, что в наступающий период наиболее дефицитным и наиболее ценным ресурсом будут становиться цифровые технологии и креативные люди (ядро, важнейший компонент человеческого капитала вообще), которые смогут генерировать передовые идеи и инновации с использованием этих самых цифровых технологий.

Возможности кодифицирования, оцифровки и копирования множества важных товаров, услуг и процессов постоянно расширяются. Цифровые копии как точное воспроизведение оригинала практически не требуют затрат и могут быть мгновенно переданы в любую точку планеты.

Цифровые технологии превращают обычный труд и обычный капитал в товар, поэтому всё большую долю прибыли от идей будут получать те, кто их придумывает, внедряет и развивает.

Тысячи личностей с идеями, а не миллионы инвесторов и десятки миллионов рядовых работников, становятся самым дефицитным ресурсом. Драматический и откровенно страшный по своим долгосрочным последствиям факт, однако, заключается в том, что по-настоящему креативных людей, даже в развитых обществах, не более 3–4%. Предположим, что все эти несколько процентов «креативщиков» будут сосредоточены только в экономической сфере будущей цивилизации шестого ТУ. А какая судьба ждёт остальные 95% некреативных человеческих особей?

Хотя производство становится всё более капиталоемким, доходы, полученные владельцами капитала как группой, не обязательно продолжают расти относительно доли труда. Если новые средства производства создают дешёвую замену всё большему количеству видов работ, драматические времена наступают для десятков и сотен миллионов наёмных работников во всем глобальном мире. Но одновременно по мере того как цифро-

вые технологии станут замещать обычный капитал, неизбежно будут обостряться противоречия и внутри самого класса капиталистов.

СНИЖЕНИЕ ЗНАЧЕНИЯ ТРУДА

В последние несколько десятилетий исторически сложившееся в Америке (как и в остальных странах ОЭСР) соотношение между долями национального дохода, которые приходятся на труд и материальный капитал, меняется не в пользу труда. С начала нового столетия это стало ещё более заметным. Например, в США «доля труда в среднем составляла к началу 2011 года 64,3% по сравнению с периодом 1947–2000 годов. За последние 10 лет эта доля ещё более упала и достигла самого низкого показателя в третьем квартале 2010 г. — 57,8%».

Та же тенденция распространяется по всему миру. Значительное сокращение доли труда в ВВП отмечается в 42 из 59 исследованных стран, включая Китай, Индию и Мексику. Причём оказывается, что именно прогресс цифровых технологий становится одним из важных предпосылок данного тренда: «Падение относительной цены средств производства, связанных с развитием информационных технологий и компьютерной эры, заставляет компании переходить от труда к капиталу».

Практически в самых разных сферах наиболее экономически эффективным источником «капитала» становятся «умные технологии» в виде гибких адаптивных машин, роботов, программ, безжалостно заменяющих труд и в развитых, и в развивающихся странах.

Так называемая «реиндустриализация» целого ряда стран ОЭСР, включая США (когда крупные корпорации возвращают реальное производство на американскую землю из Юго-Восточной Азии), обуславливается не тем, что стоимость труда в АТР вдруг возросла до критической и стала невыгодной компаниям. Производство на автоматизированных и роботизированных предприятиях с минимальным количеством рабочей силы и с близостью к ёмкому американскому рынку оказывается выгоднее, чем использование даже самой дешёвой рабочей силы во Вьетнаме или на Филиппинах.

ТРАГЕДИЯ СРЕДНЕГО КЛАССА

Многочисленные данные доказывают, что торгуемые сектора индустриально развитых экономик сами по себе не создают рабочих мест уже на протяжении почти 20 лет. Это означает,

что работу сейчас можно найти практически только в огромном неторгуемом секторе, где зарплаты неуклонно снижаются из-за растущей конкуренции работников, вытесненных из торгуемого сектора.

Такие аспекты шестого ТУ, как массовое развитие робототехники, активное использование искусственного интеллекта, 3D-печати и т.д., начинают больно бить не только по относительно неквалифицированным работникам в развивающихся странах, но и по «синим воротничкам» в государствах ОЭСР. «Умные машины», становясь дешевле и совершеннее, всё чаще будут заменять человеческий труд начиная с относительно структурированных производств (т.е. на заводах и фабриках) и там, где преобладают рутинные операции.

Более того, специальные макроэкономические прогнозные модели доказывают, что аналогичный тренд восторжествует даже в тех странах, где труд стоит недорого. Например, на китайских предприятиях, где более миллиона низкооплачиваемых работников собирают iPhone и iPad, их труд всё активнее заменяется разнообразными и многочисленными роботами. По официальной статистике КНР, количество производственных рабочих мест с 1996 года сократилось на 30 млн, или на 25%, при этом объём промышленного производства возрос на 70%.

Постепенно производство перемещается туда, где находится конечный рынок сбыта. Это позволяет снижать издержки, уменьшать сроки доставки, сокращать затраты на складские помещения и, соответственно, увеличивать прибыль. Соответственно, шестой ТУ в социальном аспекте ударит наиболее существенно именно по многочисленному среднему классу экономически развитых стран. Например, средний класс в тех же Соединённых Штатах традиционно после Второй мировой войны считался «солью земли американской» — он был основным потребителем, на нём держалась американская политическая система, он считался главным хранителем американских ценностей и нравственных норм.

Постепенное «опускание» американского среднего класса началось ещё с конца 80-х годов. В политическом плане это наиболее наглядно проявилось в скукоживании когда-то мощного профсоюзного движения США. В экономическом же плане большинство «миддлов» неуклонно скатывается или уже скатилось к уровню «бедных слоев». По данным института Гэллага, в 2014 году 19% американцев не могли заработать себе на нормальное питание. В настоящее время 75% семей в США живут от зарплаты до зарплаты, не имея

лишних денег (почти как в сегодняшней России). Уже 29% американских семей не могут себе позволить потратиться на высшее образование для своих детей. Средняя кредитная задолженность средней американской семьи из среднего класса выросла за последние 20 лет в четыре раза. Такая семья с детьми (даже с одним ребёнком) уже не может прожить на одну зарплату. Американок выталкивает на рынок труда не столько пресловутая эмансипация с феминизацией, сколько жестокая экономическая необходимость.

В Соединённых Штатах принадлежность к среднему классу определяется наличием собственного жилья. Абсолютное большинство американцев привыкло брать «на жизнь» займы под стоимость дома. В результате кризиса 2007–2008 годов лопнул пузырь рынка недвижимости с его раздутыми ценами. И американский средний класс в одночасье существенно обеднел — просить наличные займы стало невозможно.

Соответственно, усиливается разрыв между сползающим в перманентный кризис средним классом и «верхними слоями». В 1990 г. зарплаты топ-менеджеров в США в среднем были в 70 раз выше зарплат других работников. Всего лишь через 15 лет, в 2005 г., они зарабатывали уже в 300 раз больше. С конца 70-х годов у 90% населения США (а это и есть большая часть среднего класса) доходы не выросли, зато у глав корпораций они увеличились в четыре раза.

Хочу ещё раз подчеркнуть, что всё это — не проявление злой воли и жадности буржуинов, а вполне объективный, закономерный процесс. Сегодня чем выше рыночная стоимость компании, тем важнее найти самого лучшего менеджера, который её возглавит. В значительной степени рост денежных доходов высшего звена руководителей обусловлен широким использованием информационных технологий, которые расширяют потенциальный охват, масштабы деятельности и возможности мониторинга для лица, принимающего решения, что повышает ценность хорошего топ-менеджера. Прямое управление посредством цифровых технологий делает эффективного менеджера более ценным, чем раньше, когда функции контроля распределялись между большим количеством его подчинённых, каждый из которых следил за определённой небольшой сферой деятельности.

И то, что происходит сегодня в США, — застрашный день всего развитого Запада.

Сами же американские эксперты стеснительно пишут, что «обеспечение приемлемого уровня жизни для остальных (имеются в виду те десятки миллионов представителей среднего класса, которые не впишутся в действительность

шестого ТУ) и строительство инклюзивной экономики и общества станут самыми актуальными вызовами в ближайшие годы».

Для формирования такой «инклюзивной экономики» необходимо решить, прежде всего, две основные нетривиальные долгосрочные проблемы.

Во-первых, средний класс был главным потребляющим компонентом рыночной системы США. Кто его и как может заменить в этой роли?

Во-вторых, этот средний класс являлся или считался своего рода хранителем традиций американской «протестантской этики». «Деморализация» бизнеса и социума в Штатах становится всё заметнее: размывание трудовой этики, рост коррупции, всё более кричащее социально-экономическое неравенство. Растущая тотальная несправедливость становится одной из визитных карточек наступающего шестого ТУ...

Все эти тренды уже влияют на стабильность западного социума и западного правящего класса. Например, это проявляется в растущем отчуждении различных социальных групп и сегментов от официальных государственных учреждений в Соединённых Штатах. Даже самый заслуживающий доверия общественный институт, Верховный суд США, имеет рейтинг доверия, не превышающий 12–13%.

Чувствует ли американский средний класс свою «историческую» обречённость? Да, на уровне социальных инстинктов такое чувство явно усиливается. Более двух третей (71%) американцев, а это практически весь средний класс, убеждены, что страна идёт по неправильному пути. По данным CNN и Opinion Research Corporation, 63% респондентов пессимистически считают, что их дети будут жить хуже родителей.

МЕЖУКЛАДНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ

Шестой технологический уклад принципиально отличается от всех предыдущих тем, что здесь кардинально снижается значимость труда в системе экономического воспроизводства. Следовательно, по мере вхождения в шестой ТУ объективно будет происходить обострение социально-экономических и социально-политических противоречий и на глобальном, и на национальном уровнях. И не только из-за того, что машины и роботы будут отнимать работу у всё большего и большего количества людей.

Главное заключается в том, что ценностные приоритеты шестого ТУ будут кардинально отличаться от традиционных нравственных норм, которые культивировались в предыдущих укладах, где ценности труда, трудовых навыков, отноше-

ние к социальному взаимодействию в процессе труда котируются очень высоко.

Поэтому резко конфронтационное столкновение ключевых социальных, политических и культурных идеалов, ценностей и норм уже в ближайшие десять лет, скорее всего, окажется неизбежным.

И это серьёзнейшая и драматическая проблема, поскольку даже в Соединённых Штатах сосуществуют различные социально-экономические уклады. В настоящее время доля производительных сил пятого ТУ составляет в американской экономике от 60% до 65%, четвёртого ТУ — около 20%. И порядка 5–7% уже приходится на шестой ТУ.

Фактор многоукладности является объективной «материальной» предпосылкой не только кризисного развития отношений между США и Россией, США и Китаем, но и для разворачивания глобального конфликта — помимо других политических, стратегических и геополитических соображений.

Доля технологий пятого ТУ в России составляет примерно от 15% до 20% и сосредоточена в основном в наиболее развитых отраслях, прежде всего в оборонно-промышленном комплексе и в авиакосмической промышленности. Более 50% технологий относится к четвёртому ТУ, а почти треть — и вовсе к третьему.

В Китае доля технологий пятого ТУ составляет уже более 30%, четвёртого ТУ — чуть больше 40% и около 3% — это уже шестой ТУ.

УСИЛЕНИЕ ВОЕННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ КОНКУРЕНЦИИ

Ускоренное развитие ряда базисных инноваций шестого ТУ в Соединённых Штатах связано, прежде всего, со стремлением американского военно-разведывательного комплекса получить такие новые технологические решения, которые могли бы гарантировать достижение решающего превосходства над Россией и Китаем в потенциальном военно-силовом столкновении. Речь идёт, прежде всего, об ускоренном стимулировании НИОКР в двух важнейших сферах: неядерных стратегических наступательных вооружениях и создании глобального ПРО.

В контексте стратегии «глобального баланса сил» это вполне логично: американцы пытаются рационально «заиграть» свои объективные технологические козыри. Но, поскольку об этой логике «вашингтонских реалистов» хорошо знают и в Москве, и в Пекине, то в противовес выдвигают свои рациональные аргументы, которые направлены на то, чтобы оптимально и различными способами нейтрализовать возможные прорывные инновации ВПК США. Например,

нарастить дополнительными технологическими возможностями наступательный ядерный стратегический потенциал (Россия) или ещё глубже спрятать под землю свои стратегические средства доставки ядерного оружия (КНР).

Возникает странный и крайне опасный парадокс: прямое столкновение двух или более противоположных рациональных стратегий при отсутствии общей цели противников на более высоком системном уровне неминуемо приводит к общему росту стратегической неопределённости и усилению иррациональных мотивов в нарастающем глобальном конфликте.

НЕОБХОДИМОСТЬ «БОЛЬШОЙ ВОЙНЫ» ДЛЯ ШЕСТОГО ТУ

Есть такой афоризм, который, к сожалению, слишком похож на правду, чтобы его игнорировать: «Война — это террор богатых против бедных».

Это достаточно тривиальная истина: на переломных исторических этапах правящие классы очень часто использовали войну как средство для трансформации экономических, социальных и политических структур в свою пользу. Собственно, даже не столько войну, сколько ее последствия, беды и бедствия: эпидемии и болезни, огромные человеческие жертвы, катастрофическую инфляцию и резкое снижение жизненного уровня абсолютного большинства населения, голод, господство уныния, безверия и социального пессимизма.

В таких драматических ситуациях социумы и народы очень часто оказывались максимально растерянными и податливыми в отношении всех планов и проектов, продвигаемых правящими классами. Даже если эти программы в долгосрочной перспективе оказывались катастрофическими и фатальными.

Но для этого, прежде всего, нужно иметь такие планы и проекты. Однако есть подозрения, что в условиях нынешней практически тотальной интеллектуальной деградации какие-либо конкретные планы по поводу согласования традиционных социальных, политических и идеологических констант с требованиями шестого ТУ вообще отсутствуют.

Когда недавно известного американского экономиста, лауреата Нобелевской премии Роберта Шиллера спросили, как можно выкарабкаться из пучины усложняющихся системных социально-экономических противоречий, он помялся-помялся, а потом фактически назвал всего лишь один, но проверенный в истории способ — войну. Причём главным «позитивным» последствием такой возможной войны он назвал масштабную инфляцию.

Речь идёт вот о чём. Для эффективного вхождения в шестой ТУ требуется массовое обесценивание всех накоплений среднего класса, которые были сделаны за последние шестьдесят лет. Это фактически приведёт к такому максимальному упрощению социума, что даст возможность конструировать необходимые социальные структуры с «чистого листа». Может быть, и поэтому, кстати, американский истеблишмент достаточно равнодушно игнорирует ускоренное накопление конфликтного потенциала внутри своего же среднего класса.

ОБЪЕКТИВНОЕ УСИЛЕНИЕ РАДИКАЛИЗМА

В остроконфликтные переходные периоды, когда слабеют традиционные социальные, экономические, политические, идеологические отношения и институты, когда возрастает стратегическая неопределённость и возникают всё новые признаки надвигающегося онтологического хаоса, важным проявлением глобального системного кризиса становится рост радикализма в мире. Радикализм, экстремизм, терроризм — это не результат некоей экзотической патологии каких-то личностей или даже изолированных групп людей, а объективная реакция на систему обостряющихся

глобальных и региональных кризисных трендов. По мере усиления таких трендов, связанных с шестым ТУ, будет усиливаться и радикализм в самых разных формах.

Наиболее выпукло такой рост радикализма и экстремизма проявляется в настоящее время на Большом Ближнем Востоке. Это объясняется как минимум тремя основными причинами.

Во-первых, именно Исламский мир в раскладе глобальных центров силы представляет собой наиболее слабое звено. И по уровню силы он существенно уступает США, КНР, ЕС и РФ.

Во-вторых, именно в Исламском мире предельно резко проявляются межукладные и внутриукладные противоречия, именно в этом геополитическом регионе происходит наиболее острая, драматическая конфронтация системных противоречий.

В-третьих, на Большом Ближнем Востоке (ББВ) последние несколько десятилетий идёт форсированный процесс аккумуляции личностной и групповой пассионарной и субпассионарной энергетики, присущей для пограничных революционных периодов.

Но регионом ББВ дело не ограничивается. Идёт мощное подспудное накопление социаль-

но-политического радикального потенциала во многих регионах мира. В какой-то степени этот тренд уже вышел на поверхность в специфической форме на выборах в Европарламент весной 2014 года. Другим его проявлением становится сильное усиление глобального антисемитизма.

Глобальный радикализм не только заполняет вакуум политической воли в современной мировой системе, но и всё более интеллектуализируется.

«В ПОИСКАХ СВАНА», ТО ЕСТЬ «УМНОГО ГОСУДАРСТВА»

Сначала тривиальность: в ближайшие 20–30 лет должны произойти и произойдут грандиозные трансформации практически во всех сферах жизни глобального социума, которые кардинально изменят судьбу человечества. Но в каком направлении будут происходить эти изменения — вот здесь уже банальностью не пахнет.

Сразу после окончания Первой мировой войны представители самых разных интеллектуальных течений (в частности, Карл Каутский и Освальд Шпенглер) исходили из того, что продолжение тотальной силовой конфронтации неизбежно: Первая мировая не разрешила основных глобальных противоречий человечества. Тогда же, в начале 20-х годов прошлого века, даже точно называлась дата, когда эта новая война должна будет начаться — 1939 год. Но ведь и Вторая мировая война не разрешила коренного, антагонистического противоречия нынешней, тотально материалистической цивилизации, которая сама, по своей воле оказалась в самоубийственном историческом тупике.

Мировая революция становится неизбежной именно потому, что в рамках нынешней цивилизации отсутствует какая-либо действительно великая альтернатива. Впрочем, в любом случае от классической дилеммы: «революция сверху» или «революция снизу», — не уйти.

«Революция снизу» будет неизбежно сопровождаться предельным проявлением цунами онтологического хаоса, появлением большого количества конкурирующих контрэлитных групп, претендующих на переформатирование правящего класса в тех или иных странах, резким усилением роли глобального сообщества «полевых командиров», массовым распространением криминального мышления и в конечном счёте огромными масштабами кровопролития. Это, безусловно, произойдёт, поскольку системный кризис в своей финальной стадии полностью разрушает традиционную «одряхлевшую государственную структуру». Происходящее сегодня

на территории Украины в этом смысле более чем показательно.

При «революции сверху» кровь также прольется, но в гораздо меньших масштабах, поскольку, по словам классиков, «человеческая кровь — единственная смазка истории».

Однако здесь возникает архисложная задача: если это в принципе возможно, то как превратить некую совокупность государственных институтов, которые привели к системному кризису и поставили данный социум на край системного краха, в «умное государство», способное согласовать вызовы шестого ТУ с необходимыми кардинальными тотальными изменениями всего общества?

Сформулируем два провокационных вопроса по поводу непростых перспектив «умного государства».

Представим себе 1914 год, сразу после начала Мировой войны. Кто в этот момент был «умнее»: могущественная Российская империя, которая переживала мощный патриотический подъём во всех слоях общества, или остатки большевистской партии, которая была практически полностью разгромлена, а её лидеры, казалось, навсегда исчезли в болоте эмиграции?

Через несколько лет на этот вопрос очень внятно ответила сама История.

Большевистская контрэлита, в отличие от абсолютного большинства российского имперского истеблишмента, обладала своим стратегическим проектом, своим «сверхидеалом». Пусть этот проект был наивен, оторван от «реальности», даже фантастичен. Но речь-то о другом: в самом появлении такого антисистемного креативного «сверхидеала» проявилась некая метафизическая политическая воля. Более того, большевистские харизматические лидеры имели инструментарий — стратегическое, рефлексивное мышление, принципиально антисистемную «картину мира», совершенно новую теорию и идеологию, уникальное отработанное оружие. И этот инструментарий позволил не только дерзнуть, но и реализовать «сверхидеал» в ходе революции.

Большевистская контрэлита имела и достаточно чёткую позицию по поводу того, в чём должен состоять новый смысл жизни: личности, классов и социальных групп, народов и наций, всего человечества, — на новом историческом этапе. Более того, в отличие от деградирующей имперской элиты России, этот новый смысл жизни гораздо более гармонично соединял прошлое, настоящее и будущее страны.

А теперь второй провокационный вопрос. Кто «умнее» осенью-2014: Соединённые Штаты,

которые возглавили альянс своих западных союзников в борьбе с небольшой группировкой «Исламское государство», или же само это странное, неизвестно откуда появившееся «ИГ»?

Уже ясно, что, вне зависимости от хода военных действий, «ИГ» оказалось гораздо эффективнее в идеологической информационной войне — большинство из полутора миллиардов мусульман прямо или косвенно поддерживают эту группировку. Например, сентябрьский (2014 г.) опрос показал, что 92% жителей Саудовской Аравии поддерживают «ИГ». На стороне ИГ воюют добровольцы из почти 80 стран мира, в том числе и этнические британцы, французы, южноафриканцы, евреи, индусы, курды и т.д. Американские бомбардировки территории, контролируемой «ИГ», на самом деле еще больше укрепляют глобальное и региональное влияние «Исламского государства».

Вашингтону не удалось мобилизовать в поддержку своей политики против «ИГ» массовое общественное мнение даже в развитых западных странах.

Проамериканские режимы в Исламском мире уже парализованы страхом в отношении «ИГ». Никто из них не решится послать и вряд ли пошлёт наземные войска против «ИГ».

Миллионная иракская армия, многочисленные отряды курдской пешмерги продемонстрировали, что не могут одержать военную победу над отрядами «ИГ».

Конечно, американцы могут гипотетически нанести временное военное поражение «Исламскому государству», если направят в этот район десятки тысяч своих солдат. Но тогда Пентагон окажется на севере Сирии и Ирака в ситуации «второго Афганистана», и это станет катастрофой для Вашингтона, причём не только региональной, но и глобальной.

Вот так и получается, что террористическое «ИГ» стратегически оказывается «умнее» Вашингтона в военном плане, политическом отношении, в идеологической сфере и т.д.

СМЫСЛ ЖИЗНИ В «ЭПОХУ ВЕЛИКИХ ПЕРЕМЕН»

Одна из ярких примет исторического переходного периода — очень быстрая деградация традиционных «картин мира». Все эти «как бы идеологии» в условиях «бюрократического опценения» окончательно теряют куцые остатки своей мобилизационной энергетики. Национализм, коммунизм, социализм, либерализм — всё это стало или становится пустым пшиком

для миллиардов людей на планете. Ибо то, что эти квазиидеологии предлагают как объяснение смысла жизни в нынешних условиях, мало кого убеждает или трогает.

Когда происходит окончательная девальвация базовых ценностей жизни социума, народа и личности, когда вопросы «кто мы? откуда мы пришли? куда мы идём?» прочно висят в кровавом воздухе, это означает, что соответствующие идеологии мертвы. Окончательно и бесповоротно.

Во время кардинальных поворотных периодов в прошлом, когда вызревание новых технологий сопрягалось с определёнными усилиями социальных масс, резкой активизацией политической борьбы, ожесточённым столкновением «картин мира» различных классов, появлением принципиально новых «сверхидеалов», новых ценностных систем и идеологических конструкций, — в конечном счёте именно проблема смысла жизни становилась ключевой. Другое дело, что тогда чаще всего речь шла не о тотальном, предельном, метафизическом смысле жизни, а о смысле жизни конкретной цивилизации, определённого класса, этногруппы, некоторых стран, определённого типа личности.

При средней продолжительности жизни в 75 лет, средний человек съедает в среднем 3–3,5 тонны мяса. Новым смыслом жизни не может быть поедание семи тонн бифштексов и лангетов за 75 или 150 лет. С другой стороны, квантовое мышление вполне ясно обосновывает и доказывает парадокс, который хорошо знали в прошлом мудрецы и мистики: чем больше человек, наука, человечество познают, тем меньше они знают.

Трагический вызов заключается в том, что «сумма технологий» шестого ТУ вроде бы потенциально создаёт новые, грандиозные возможности, но совершенно непонятно, кому или чему будут служить эти гипотетические возможности. Если они, конечно, реализуются.

Безусловно, в революционном будущем победит та новая «модель мира», ядром которой станет принципиально новая формула, принципиально новое объяснение смысла жизни человечества, социума, личности — по крайней мере на ближайшие несколько столетий.

«СОВЕТЫ ПОСТОРОННЕГО»

Что может и должен сделать Кремль, чтобы лучше подготовиться к периоду, когда окончательно станет понятно: «путь наш во мраке»?

Во-первых, в полной мере понять великую тайную мудрость разработчиков общей теории систем, выраженную в одной простой фразе:

«An advice one can give to anybody thinking of the future is get ready to be surprised».

Во-вторых, в стране должна, наконец, появиться стратегическая политическая разведка.

В-третьих, в любом случае, хотим мы того или нет, ключевым компонентом государственной мощи через несколько десятилетий станет креативный человеческий капитал.

Причём талантливые, гениальные личности в социально-политической сфере принесут обществу и «умному государству» в переходный период гораздо большую пользу, чем даже гениальные предприниматели, математики, экономисты и прочие. Значит, нужен национальный банк данных по поводу таких людей и эвристическая модель оптимального взаимодействия с ними.

В-четвёртых, нужно использовать опыт Сталина и тщательно обыскать всю страну, чтобы найти хотя бы полторы тысячи талантливых, гениальных людей (в том числе детей и подростков), у которых есть явно выраженные способности принимать эффективные системные решения в кризисных ситуациях.

В-пятых, необходимо создать рефлексивную, верифицируемую, имитационную модель российского социума, чтобы сформировать систему тщательного, беспристрастного, постоянного мониторинга за развитием системы основных противоречий в российском обществе. Ибо, с одной стороны, разного рода ведомственные оценки становятся всё более лукавыми, а с другой, классик не случайно ведь призывал из другого революционного прошлого: «Знать массы, чувствовать массы, жить в массах...»

В-шестых, необходимо честно исходить из того, что в России нет пока общенациональной консолидирующей стратегической идеологии. Прагматическая идеологическая схема «жить стало лучше, жить стало веселее» очень скоро перестанет работать. Тотальная и пока достаточно эффективная деятельность прокремлёвских СМИ будет спасать положение только в течение определённого времени. Потом всё равно надо будет объяснять раскалывающемуся российскому социуму «кто мы? откуда мы? куда мы идём?».

Поэтому ещё вчера надо было создать либо непосредственно при президенте, либо при руководителе администрации президента закрытую междисциплинарную группу по выработке базовых контуров послезавтрашней «идеологической картины мира».

Наконец, в-седьмых, «умному» российскому государству срочно необходимо сформировать особую программу подготовки ситуативных харизматических лидеров. Таких явно не хватает, а ведь они скоро будут крайне нужны.

/ Владимир ОВЧИНСКИЙ, Елена ЛАРИНА /

«Холодная»

война 2.0»

В мировом информационном пространстве, от масс-медиа до академического дискурса, — всё чаще мелькает знакомый из прошлого термин «холодная война». Он по-прежнему входит в обиход российских «фабрик мыслей», выступления политиков, сообщения телевизионных и интернет-новостей. Представляется, что возврат термина «холодная война» имеет две стороны. Одна из них связана с его удобством для фиксации обществом и различными структурами власти реального состояния дел в мире, усиления конфронтационных тенденций между Россией и Западом, резкого нарастания их конфликтного потенциала. В таком коммуникативном плане характеристика нынешней ситуации как «холодная война 2.0» вполне оправданна и эффективна.

Однако есть и вторая сторона дела. Холодная война, как известно, представляла собой вполне определённый, детерминированный историческими обстоятельствами тип острого конфликта между мировыми капиталистической и социалистической системами. Этот конфликт базировался на отказе от традиционных прямых вооружённых столкновений между сторонами конфликта, на их переносе в иные регионы и сферы соперничества с использованием идеологических, экономических и иных инструментов. Сегодня ситуация коренным образом изменилась. Появились такие летальные вооружения, которые никак не связаны с традиционными видами оружия и могут использоваться скрытно, в том числе без обнаружения реальной стороны, стоящей за применением этого вооружения. Наиболее известный пример такого оружия — кибератаки. На подходе — психофизиологическое, климатическое оружие и т. п.

Произошли также тектонические изменения в экономической, социальной политической и иных конфигурациях мира. В докладе Центра разработки концепций и доктрин Министерства обороны Великобритании «Глобальные стратегические тенденции-2045» (Global strategic trends — out to 2045), опубликованном в сентябре 2014 года, особо отмечено, что за ближайшие 30 лет ситуация на планете станет значительно более взрывоопасной, а количество зон конфликтов и локальных войн будет только возрастать.

В этих условиях термин «холодная война», по сути, описывает вчерашнюю реальность

и скрывает существо дела. Как отметил в сентябре 2014 года ведущий военный теоретик, консультант Пентагона и правительства Израиля Мартин Ван Кревельд: «В современном мире больше нельзя провести грань между войной и миром, и в этом смысле привычные нам понятия «горячей» и «холодной войны» утратили смысл. Мир всё в большей степени перманентно оказывается в ситуации непрекращающегося, но в значительной мере скрытого насилия»¹.

Соответственно, можно сделать вывод о том, что массированное использование на Западе термина «холодная война» является средством

¹ <http://www.martinvancreveld.com/index.html>

психолингвистического воздействия на российское экспертное сообщество и российский политический класс, элементом рефлексивного управления: мол, вы проиграли в прошлой холодной войне, значит, обязаны проиграть и в этой. Поэтому, используя термин «холодная война», следует помнить, что он — всего лишь обёртка, внутри которой прячется новое, принципиально иное содержание, гораздо более опасное для России.

Отличие связано прежде всего с тем, что приход к власти администрации Б. Обамы означал принятие на вооружение правящей элитой США радикальной доктрины американской исключительности. Об этой исключительности Барак Обама сказал в первой же

своей речи в качестве президента США и с тех пор не устаёт повторять этот значимый термин во всех ключевых выступлениях.

Иногда даже искушённые аналитики за рубежом и в России делают вывод о том, что американская исключительность — это не более чем пропагандистский штамп и риторический приём. Однако это не так. В соответствии с американской политической традицией частое использование столь значимых терминов показывает на появление принципиально новой внешнеполитической доктрины. Эта доктрина представляет собой следующий и ещё более, если можно так выразиться, фундаменталистский вариант привычной концепции однополюсного мира.

Концепция однополюсного мира, лежавшая в основе практических действий на мировой арене администраций Б. Клинтона и Дж. Буша-младшего, предполагала иерархическую, пирамидальную структуру строения субъекта политического действия. На её вершине в соответствии с завещанием, сформулированным в знаменитой книге Джона Уинтропа «Город на холме», написанной ещё в 1630 году, должны находиться Соединённые Штаты. Ниже — их союзники «первой руки», еще ниже — союзники «второй руки», а в самом низу — поверженные соперники и противники, которые должны при малейших признаках неповиновения наказываться. Пирамидальная конструкция однополюсного мира не исключала и даже предполагала наличие на всех своих этапах субъектов, обладающих политической волей и возможностями к действию.

Доктрина американской исключительности предоставляет право быть субъектом стратегического действия только лишь США.

Остальные страны в конечном счёте должны выполнять роль инструментов в реализации исключительного права Америки устанавливать идеалы, сформулированные в её Декларации о независимости.

Нетрудно заметить, что доктрина американской исключительности появилась и была обнародована вскоре после исторической Мюнхенской речи В.В. Путина. Разумеется, *post hoc non propter ergo hoc* («после того — не значит вследствие того», лат.), но в значительной мере «доктрина Обамы» была именно ответом на сформулированное президентом РФ видение современности и будущего как сложного, взаимозависимого существования и развития равноправных цивилизационных миров, каждый из которых имеет собственную логику развития, ценности и суверенные права. По сути, выступление В.В. Путина явилось обнародованием первой за столетие российской внешнеполитической доктрины, основанной на традициях отечественной геостратегической мысли, восходящей к работам К. Леонтьева, Н. Данилевского и ряда других авторов.

С этого момента правящие элиты не только США, но и Запада в целом, прилагают все усилия к тому, чтобы не допустить формирования России как самостоятельного субъекта стратегического действия. Когда эти усилия внутри нашей страны («болотный» проект) не увенчались успехом, упор был перенесён на внешнеполитическую арену. Ключевой момент «доктрины Обамы» состоит в том, что её невозможно реализовать без ликвидации России как реального и потенциального субъекта стратегического действия, без превращения нашей страны в политический объект, в инструмент для правящих элит Запада.

НА ВОЙНЕ КАК НА ВОЙНЕ

В уже упомянутом докладе экспертов Министерства обороны Великобритании «Глобальные стратегические тенденции-2045» отмечено, что в прогнозируемый период Россия, скорее всего, будет оставаться сильнейшей державой европейского континента и будет сохранять значительные и боеспособные вооружённые силы для проведения региональных интервенций. Поэтому ключевой вопрос сегодня — это вопрос о неизбежности противоборства России с Западом. На этот счёт нет единого мнения ни в российском политическом классе, ни среди экспертно-аналитического сообщества, ни внутри субъекта стратегического действия. Тем не менее без ответа на этот вопрос, без по-

нимания сути процессов, глубинной подоплёки событий невозможно использовать энергию перемен в собственных интересах. Единственным уделом не знающего и не понимающего причин конфликта субъекта оказывается нескончаемая борьба со следствиями, потеря темпа и, в конечном счёте, поражение. И — *Vae victus!* («Горе побеждённым!», лат.).

Положительный или отрицательный ответ на вопрос о неизбежности противоборства России и Запада в значительной степени зависит от определения причин, его порождающих.

На поверхности лежат причины, существующие столько же, сколько существуют государства и противоречия между ними, обусловленные конкретикой текущего времени, конъюнктурой межгосударственных отношений, иногда — вплоть до особенностей личных контактов лидеров стран и блоков. Такого рода противоречия существовали и будут существовать до тех пор, пока на международной арене имеются различные государственные акторы.

Однако они не объясняют очевидного и скачкообразного нарастания враждебности к России, Китаю, а в ближайшей перспективе — и к Индии со стороны значительной части элит США и Евросоюза, а также немалой части правящих кругов исламского мира.

В определённой степени обострение противоречий и ужесточение противоборств можно объяснить тем, что мы живём в условиях усложнения социальной, экономической, политической и культурной реальности. Нарастание сложности и разнообразия неминуемо ведёт к расширению масштабов и обострению противоречий между различными акторами, включая государственные и негосударственные субъекты различного рода.

Однако всё это, несомненно, серьёзные, но не определяющие факторы ужесточения противоречий между Россией и значительной частью элиты США и Западной Европы. Уже многие исследователи² справедливо делают вывод о том, что столь стремительное нарастание отчуждения и враждебности между Россией и Западом не может быть объяснено лишь конъюнктурными соображениями, и предлагают свои объяснения для причинно-следственных связей наблюдаемых процессов. Как правило, эти причины они видят в исторической тради-

ции, в принципиальной разнице культурно-цивилизационных кодов у основных акторов современного мира.

Бесспорно, такой подход справедлив и отчасти перспективен, однако он также не даёт адекватного ответа на вопрос, почему обострение произошло «скачком» и именно сегодня, а не вчера или позавчера. На наш взгляд, ответ состоит в том, что причины кроются не только, а в значительной степени не столько в прошлом, сколько в будущем.

Сегодня мы живём в мире «чёрных лебедей»³, «королевских драконов»⁴ и других диковинных артефактов — в мире экспоненциально возрастающей неопределённости, динамичной турбулентности, ветвящихся и обостряющихся противоречий и конфликтов, где с каждым днем всё чаще фиксируются нелинейные эффекты, непредсказуемые последствия и резонансные процессы. На наших глазах усложняется, квантуется связь времён, изменяется сама природа и структура социального времени. Будущее перестаёт казаться линейным продолжением прошлого. То, что работало вчера, не всегда справляется с задачами дня нынешнего и уже очевидно будет неприменимо для решения завтрашних проблем. Исторические аналогии всё чаще и трагичнее подводят. Стратегии, которые трактуют будущее как функцию настоящего, почти гарантированно являются проигрышными. Плывая по реке времени, мы можем определить или хотя бы предчувствовать приближение водопада, хотя выше по течению ни с чем подобным ещё не сталкивались.

Несомненная нынешняя враждебность Запада к нашей стране связана с тем, что нынешнее российское государство и нынешнее российское общество являются результатом адаптации к мировому кризису позднего индустриализма. Мы уже прошли определённую часть своего тяжкого пути, приобрели неоценимый опыт и многому научились.

Традиционно катастрофу, постигшую Советский Союз, маркируют концом так называемого «короткого» XX века, начавшегося Первой мировой войной и закончившегося в 1991 году. В рамках подобного подхода советскую трагедию связывают в первую очередь с внешними происками, внутренним предательством и иными причинами такого же порядка.

² Наталия Нарочницкая. Россия и русские в современном мире. — М.: Алгоритм, 2009. Фурсов А.И. Русский интерес. — М.: КМК, 2014.

³ Нассим Николас Талеб. Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса. — М.: Колибри, 2014.

⁴ Сорнетте Д. Как предсказывать крахи финансовых рынков: критические события в сложных финансовых системах. SmartBook, 2008.

Отсюда делается закономерный вывод о том, что СССР проиграл США в холодной войне и был ликвидирован. Согласно взглядам сторонников подобной точки зрения, в результате этих событий на основе СССР образовалась конфигурация государств, которым суждено в исторической перспективе лишь угасать, подобно долгой гибели обломков Римской империи.

Известная доля истины в подобном взгляде на вещи присутствует. Однако она касается лишь поверхностных, верхних пластов исторической динамики и не ухватывает существа дела. По нашему мнению, СССР был наиболее сложным, высокоорганизованным и низкоэнтропийным⁵ обществом своего времени. При всей отсталости некоторых секторов и отраслей хозяйства, Советский Союз обладал не только внушительным военным потенциалом, но и передовыми секторами науки и техники, развитым производством, собственным, отличным от других образом жизни населения. В этом плане крушение СССР представляло в главных и сущностных своих чертах не результат поражения в холодной войне, в том числе из-за предательства элит (это было дополнительным, ускоряющим фактором), а следствие того, что СССР первый вступил в системный кризис мировой индустриальной системы.

Как убедительно не только показали, но и статистически доказали гениальные советские исследователи В. Глушков⁶, П. Кузнецов⁷ и С. Никаноров⁸, Советский Союз, столкнувшись с системным кризисом сложности, разнообразия и, как следствие, управляемости, не смог его разрешить и в результате дезинтегрировался. При этом произошло естественное для таких процессов упрощение воспроизводственных, экономических, социальных, политических и иных структур, а также их частичная деструкция.

Если подобный подход верен, а тому есть множество документальных доказательств и расчётных подтверждений, то Россия, при всей тяжести и трудности испытаний, которые выпали на её долю за последние 25 лет, оказалась не в арьергарде, а, как это ни парадоксально, в авангарде мировой динамики. Россияне, население Белоруссии, Казахстана не просто первыми вошли в фазу жизни в условиях тотального системного

кризиса, не только смогли выжить, но и, более того, создать условия для перегруппировки и нового мобилизационного рывка. Иными словами, Россия как государство и социум является в настоящий момент самым «продвинутым» продуктом адаптации к системному, мировому кризису индустриализма. И в этом качестве наша страна получила эффективный иммунитет против системно-кризисных явлений с уникальными, пока ещё в полной мере не осознанными и совершенно нереализованными преимуществами, которые связаны с умением жить и развиваться в условиях системного кризиса.

Всем другим мирохозяйственным системам и цивилизационным платформам ещё предстоит пройти свой путь на Голгофу, столкнуться с жесточайшими последствиями кризиса мирового индустриализма, отягощённого деструкцией глобальной хозяйственно-финансовой системы и распадом универсального неолиберального жизненного устройства. Причём избежать этого не удастся никому: ни Америке, ни ЕС, ни Китаю, ни Японии, ни другим странам мира.

Таким образом, геополитическая и геоэкономическая конкретика, коренящаяся в исторической традиции несходство культурно-цивилизационных кодов и, наконец, принципиальная асимметрия потенциалов адаптации к существованию в условиях системного и структурного кризисов делают жёсткое противостояние России и значительной части элит Соединённых Штатов и Европы практически безальтернативным и неотвратимым.

Как долго продлится это противоборство? Представляется, что длительность «холодной войны 2.0» будет зависеть, прежде всего, от характера и динамики системного кризиса позднего капитализма в форме финансизма, существующего на базе глобальной индустриальной платформы и реализующего универсальное неолиберальное жизнеустройство.

Однако возникает вопрос: с кем конкретно противоборствует Россия? Зачастую противная сторона отождествляется с теми или иными странами, их союзами и даже с этническими группами или представителями тех или иных конфессий. Представляется, что это путь в тупик, поскольку поиск врагов по географическому, национальному, конфессиональному и другим

⁵ Переслегин С.Б. Будущее, которое мы потеряли: <http://www.archipelag.ru/authors/pereslegin/?library=191>

⁶ Глушков В.М. Кибернетика. Вопросы теории и практики. — М.: Наука, 1986.

⁷ Кузнецов П.Г. Идеи и жизнь. — М.: Концепт, 1999.

⁸ Никаноров С.П. Исторически нерешенные проблемы как факторы возникновения, развития и угасания СССР. — М.: ПЦ Александра Гриценко, 2012.

подобным признакам не раз приводил нашу страну к серьёзным неудачам и поражениям.

На наш взгляд, геостратегическим противником России выступает сегодня значительная часть правящей западной элиты и контролируемых ею структурных элементов не только западных обществ, но и всего мира, которые связали свою судьбу с финансизмом, проще — с «империей доллара». Отсюда следует, что, во-первых, любое противоборство с этой, внешней по отношению к нашей стране, силой автоматически предполагает и противоборство с теми социальными паттернами внутри России, которые объективно связывают свою жизнь с существованием финансизма. А во-вторых, поскольку на Западе — так же, как и на Востоке, — отнюдь не все национальные и наднациональные паттерны связывают своё будущее с финансизмом и поздним индустриализмом, они объективно являются в той или иной мере, на тот или иной период времени союзниками российского субъекта исторического действия. Поэтому, используя термин «Запад», надо всегда помнить, что Россия противоборствует не с Западом как таковым, а с определёнными паттернами западных элит и социумов. Сводить сложность субъектов противоборства к теоретическим концептам, например, «народов моря и народов суши», к «исконно враждебным» между собой конфессиям, государствам и т. п., — является пропагандистским упрощением, крайне вредным на практике.

В условиях нарастающего системного кризиса позднего индустриального общества, преимущественно капиталистического типа, война стала выполнять несколько иные функции, чем ранее, в чём-то на новом витке исторической спирали возвращаясь к своему первобытному прототипу. Она становится не только и не столько способом насильственного решения различного рода противоречий между субъектами мировой политики, к которым относятся как государственные, так и негосударственные акторы, сколько способом выиграть время и ресурсы для того, чтобы выжить в условиях системного кризиса и, по возможности, перейти в следующую стадию. Для этого необходимы время, технологии, ресурсы и, что крайне важно, максимальное ослабление всех потенциальных конкурентов. Причём лучшим способом ослабления является не нанесение им тотального поражения, а лишение их субъектности. Иными словами, превращение государств и негосударственных акторов в инструменты для достижения целей победителя.

**Председатель Народного Совета Донецкой Народной Республики
Андрей ПУРГИН**

Тем самым «холодная война 2.0», «холодная война нового типа» имеет со своим прототипом не больше общего, чем дельфин с ихтиозавром: форма почти идентична, но содержание принципиально иное.

ГЛОБАЛЬНОЕ ДОМИНИРОВАНИЕ США: КОНЦЕПЦИЯ, ИНСТРУМЕНТАРИЙ, РЕЗУЛЬТАТЫ

Без малого 25 лет назад, как уже не раз случалось в истории с разными политическими акторами, подавляющая часть американской правящей элиты приняла желаемое за действительное, приписав себе победу над Советским Союзом.

Характерно, что книга П. Швейцера, долгие месяцы державшаяся в числе международных бестселлеров, получившая все возможные премии и переведённая на множество языков, включая русский, называлась «Победа»⁹. Она была написана на основе десятков интервью с видными фигурами из администрации Р. Рейгана и, частично, — Дж. Буша-старшего и рассматривалась как своего рода документальная летопись завершающего и ставшего самым успешным для США этапа холодной войны.

В итоге иллюзии заместили собой реальность, что породило выдвижение американским правящим классом концепции безусловного глобального доминирования и однополюсного мира Pax Americana. Кстати, не далее как летом 2014 года Б. Обама, не считаясь с опытом реализации этой концепции, по сути, подтвердил её верность тезисом об американской исключительности¹⁰.

В сфере традиционных войн доктрина глобального доминирования должна была обеспечиваться инструментарием «сетцентрических» войн, в сфере культурно-информационной — инструментарием «мягкой силы», в сфере геополитической — инструментарием «управляемого хаоса», а для жёсткого политического противоборства и наказания непокорных предусматривался инструментарий «цветных революций».

Поскольку сердцевиной концепции глобального доминирования являются вооружённые силы США, начать анализ целесообразно с так называемой сетцентрической революции в военном деле.

Авторами концепции сетцентрической войны считаются вице-адмирал Артур Себровски и старший офицер Джон Гарска. В 1998 году они опубликовали работу под названием «Сетцентрическая война: её происхождение и будущее»¹¹. Статья произвела эффект разо-

⁹ Петер Швейцер. Победа. — М.: АБЕСТ, 1995.

¹⁰ «Американская исключительность: США настаивают на праве решать, какие народы можно бомбить, оккупировать и наказывать санкциями» — <http://mixednews.ru/archives/59576>

¹¹ Cebrowski, Arthur K. and John J. Garstka. Network-Centric Warfare: Its Origins and Future. U.S. Naval Institute Proceedings, January 1998.

равшейся бомбы в военных и научных кругах США. Заложенные в ней идеи легли в основу перестройки американских вооружённых сил.

Нельзя не отметить, что основные принципы и многие конкретные направления сетецентрического способа ведения войны были разработаны более чем за 10 лет до американских авторов Маршалом Советского Союза Н. В. Огарковым¹². При этом, в отличие от американских теоретиков и практиков, он прекрасно отдавал себе отчёт в том, что речь идёт не о революции в военном деле или в методах ведения войны, а об объединении усилий средств разведки, управлении войсками и огневом поражении на основе новых методов сбора, обработки и передачи информации.

Российские военные эксперты Матвиенко Ю. А, Ковалёв В. И. и Малинецкий Г. Г. в своей итоговой статье «Концепция «сетецентрической» войны для армии России: «множитель силы» или ментальная ловушка?» справедливо замечают, что сетецентрическая война «не может определять формы и виды ведения боевых действий, представляя собой лишь новую систему взглядов на управление вооружёнными силами и боевыми средствами, ориентированную на достижение информационного превосходства над противником и предусматривающую увеличение их боевого потенциала за счёт создания единой информационно-коммуникационной сети, связывающей датчики (источники данных), лиц, принимающих решения, и исполнителей (средства поражения), а не за счёт простого количественного наращивания боевых средств («платформ»), как это было принято при организации боевых действий до настоящего времени»¹³.

Данная оценка базируется на реальных итогах военных кампаний последнего десятилетия с участием вооружённых сил США и их союзников, которые, несмотря на беспрецедентное использование информационных технологий, были, по большому счёту, плачевны. Об этом говорят иракская катастрофа, перешедшая сегодня в стадию формирования «Исламского государства» (ранее — «Исламского государства Ирака и Леванта»); бесславный вывод американских и союзных войск из Афганистана, агрессия в Ливии с последующим затем убийством аме-

риканского посла в Бенгази и сопутствующими этому событиями и т. д. Практика убедительно показала, что само по себе насыщение вооружённых сил электронными технологиями, повышение роли систем сбора, обработки и передачи информации не может принести победу на поле боя даже в противоборстве с иррегулярными формированиями и достаточно слабыми войсковыми подразделениями.

Обратимся теперь от сетецентрических войн к другим американским военным «новеллам» последних десятилетий. Среди них выделяется концепция «мягкой силы», которая в книге «Мягкая сила. Средства достижения успеха в мировой политике»¹⁴ Джозефа Ная, относящегося к числу наиболее влиятельных представителей американского политического истеблишмента, раскрывается следующим образом: «Если Наполеон, распространявший идеи Французской революции, был обязан полагаться на штыки, то ныне, в случае с Америкой, жители Мюнхена, равно как и москвичи, сами стремятся к результатам, достигаемым лидером прогресса». И далее автор подчёркивает: «Соблазн всегда эффективнее принуждения, а такие ценности, как демократия, права человека и индивидуальные возможности, глубоко соблазнительны»¹⁵.

На постах директора национальной разведки и заместителя министра обороны Дж. Най пытался на практике реализовывать свою концепцию. Однако, по оценкам подавляющего большинства политиков, а также представителей военной и разведывательной элиты, не слишком преуспел в замене «жёсткой силы» на «мягкую».

Готовясь к избирательной кампании 2008 года на пост президента США, Хиллари Клинтон инициировала создание в Центре стратегических и международных исследований (Center for Strategic and International Studies, CSIS) комиссии по «мягкой силе» — Bipartisan Commission on Smart Power, которую возглавили профессор Дж. Най, а также Р. Эрмитэдж — бывший высокопоставленный сотрудник администрации Б. Клинтона (бывший до этого одним из руководителей американских сил быстрого реагирования). Итогом работы комиссии стал доклад «Более умная, более безопасная Америка». В докладе впервые был использован термин

¹² «Сетецентрическая война. Дайджест по материалам открытых изданий и СМИ». — М.: ВА ГШ ВС РФ, 2010.

¹³ http://www.inesnet.ru/magazine/mag_archive/2013_05/ES2013-05-Kovalev_Malinetsky_Matvienko.pdf

¹⁴ Nye J. Soft Power: The Means to Success in World Politics. — New York: Public Affairs Group, 2004.

¹⁵ Джозеф Най. Гибкая сила. Как добиться успеха в мировой политике. — М.: Тренд, 2006.

«умная власть» (власть интеллекта, smart power). Публично его впервые озвучила Хиллари Клинтон в своей речи в сенате непосредственно перед утверждением её кандидатуры на должность госсекретаря. В своём выступлении она сказала: «Мы должны использовать так называемую «власть интеллекта», полный набор имеющихся у нас средств: дипломатических, экономических, военных, политических, правовых и культурных, — выбирая нужное средство или сочетание средств в каждой конкретной ситуации».

Возникает вопрос, почему столь опытный и эффективный политик, как Хиллари Клинтон, дебютируя на посту главы внешнеполитического ведомства, говорила совершенно избитые вещи о том, что внешняя политика должна использовать все рычаги воздействия, а культурная политика является одним из важных инструментов внешнеполитической активности? Но такой выбор был связан с целым рядом обстоятельств и причин.

Во-первых, ещё в книге 1990 года «Призвание к лидерству: меняющаяся природа американской силы»¹⁶ Дж. Най определил «мягкую силу» так: «Это способность добиваться желаемого на основе добровольного участия союзников, а не с помощью принуждения или выплат. Если Соединённые Штаты замедлят мобилизацию своих ресурсов ради международного лидерства, полиархия может возникнуть достаточно быстро и оказать своё негативное воздействие. Управление взаимозависимостью становится главным побудительным мотивом приложения американских ресурсов, и оно должно быть главным элементом новой стратегии». Х. Клинтон уточнила это следующим образом: «Америка должна научиться делать то, что другие хотят, но не могут. И делать это коллективно». То есть впервые в американской внешнеполитической практике глобалистские интересы и глобалистский образ действия вышли на первый план по сравнению с национальными интересами Америки.

Во-вторых, «умная власть» предусматривает использование всего арсенала инструментов, имеющихся в распоряжении США и их союзников, обслуживающих интересы наднациональной мировой элиты. Соответственно эти инструменты могут и должны использоваться не только поодиночке, но и совместно, подкрепляя друг друга.

Наконец, в-третьих, внимательный анализ доклада, подготовленного CSIS, позволяет прий-

ти к выводу о том, что в качестве союзников США, участвующих в глобалистских акциях, рассматриваются отнюдь не только государства. В докладе указано, что на смену пирамиде с жёсткой иерархической структурой приходит «паутина разновеликих, разнокачественных и разнообразных действующих лиц, находящихся во взаимодействии». При этом становится понятным, что «в число таких акторов могут включаться не только различные государства или их образования, но и общественные движения, политические группы, активистские группы внутри стран, на которые направлены действия». В марксистской литературе прошлого века, после гражданской войны в Испании, такие группы называли «пятой колонной». Подразумевается также взаимодействие государства с транснациональными корпорациями.

Инструментом реализации политики «мягкой», а затем «умной» силы выступает концепция и инструментарий так называемого «управляемого хаоса», разработанные Стивеном Манном, который, собственно, и не скрывал, что его концепция «управляемого хаоса» есть механизм практической реализации построений Дж. Найа. В одной из своих ключевых работ он прямо писал: «Конфликтная энергия заложена в основы человеческих свойств с того момента, когда индивидуум стал базовым блоком глобальных структур. Конфликтная энергия отражает цели, ощущения и ценности индивидуального актора в сумме, идеологическое обеспечение каждого из нас запрограммировано. Изменение энергии конфликта людей уменьшит или направит их по пути, желательному для наших целей национальной безопасности, поэтому нам нужно изменить программное обеспечение. Деструктивная деятельность хакеров показала, что наиболее агрессивный метод подмены программ связан с вирусом, но не есть ли идеология другим названием для программного человеческого вируса?»

С этим идеологическим вирусом в качестве нашего оружия США смогут вести самую мощную биологическую войну и выбирать исходя из стратегии национальной безопасности, какие цели-народы нужно заразить идеологиями демократического плюрализма и уважения индивидуальных прав человека.

Манн искренне полагал, что при помощи подобного программирования можно либо «от-

¹⁶ Bound to Lead: The Changing Nature of American Power, New York: Basic Books, 1990.

ложить создание критического состояния, либо поощрить его и направить развитие системы в нужное русло». При этом «в действительности, сознаем это или нет, мы уже предпринимаем меры для усиления хаоса, когда содействуем демократии, рыночным реформам, когда развиваем средства массовой информации через частный сектор».

Особо следует подчеркнуть, что Стивен Манн не имел ни математического, ни физического образования, а был специалистом по английской классической литературе, затем перешёл на дипломатическую работу, где обслуживал в основном интересы кругов, близких к Пентагону. Впервые его концепция была обнародована спустя два года после опубликования первых работ по «мягкой силе» в 1992 году в журнале военного колледжа Армии США в томе 22 под названием «Теория хаоса и стратегическое мышление»¹⁷. Кроме своей основной работы несколько позже он опубликовал статью «Теория сложности и политика национальной безопасности» в книге «Сложность, глобальная политика и национальная безопасность», изданной Университетом национальной обороны.

Теория «управляемого хаоса» полностью лежит в русле стратегии Белого дома и Пентагона, которая направлена на то, «чтобы предотвратить повторное появление любой новой сверхдержавы на территории бывшего Советского Союза или в каком-либо другом месте. Цель состоит в том, чтобы Соединённые Штаты Америки никогда впредь не сталкивались с угрозой, сравнимой с Советским Союзом. Это является главным фактором, лежащим в основе новых глобальных и региональных стратегий. Практически они должны обеспечить условия, которые предотвратят доминирование любой враждебной силы в регионах, ресурсы которых достаточны для создания в перспективе новой глобальной власти. К таким регионам относятся Западная Европа, Восточная Азия, территории бывшего Советского Союза и Юго-Восточной Азии»¹⁸.

Данная стратегия впервые была опубликована в марте 1992 года и утверждена ещё президентом Дж. Бушем-старшим, а с тех пор неуклонно реализуется сменяющими друг друга администрациями Белого дома независимо от их партийной и прочей принадлежности.

То есть теория «управляемого хаоса» Стивена Манна ставила и ставит своей целью деструкцию территорий и ресурсных баз любых потенциальных кандидатов в новые сверхдержавы. Некоторое время её положения циркулировали в пределах государственного департамента и учебных учреждений министерства обороны США.

Ситуация изменилась с приходом к власти Дж. Буша-младшего. Вице-президент Д. Чейни и министр обороны Р. Рамсфилд всерьёз восприняли построения С. Манна. Это тем более удивительно, что, когда Стивен Манн пытался получить научное признание, несколько раз

¹⁷ <http://spkurdyumov.ru/what/mann/>

¹⁸ Выдержки из «Руководства Пентагона по предотвращению повторного появления нового соперника», опубликованные газетой New York Times 08.03.1992 г.

выступая с разными версиями своей концепции в Институте сложности (Санта-Фе, штат Нью-Мексико), который является одним из бесспорных лидеров в сфере изучения нелинейных, неравновесных процессов, они всякий раз подвергались уничтожающей критике. И тот факт, что пропагандист-популяризатор последовательно получал ряд ключевых должностей, лишний раз подчёркивает уровень некомпетентности и дилетантизма, воцарившегося в официальном Вашингтоне за последние десятилетия. Итоги работы Стивена Манна в разных «горячих точках» говорят сами за себя.

Подавляющая часть проблем, с которыми сталкиваются в настоящее время Соединённые Штаты в самых разных уголках планеты, от Египта до Ирака, от Нигерии до Афганистана, являются результатом их же собственных неразумных, авантюристических действий, в значительной степени связанных с реализацией стратегии «управляемого хаоса».

Любой выпускник приличного университета или человек, повзвизгивший в бизнесе, военном деле, или побывавший в горячих точках, если задать ему вопрос об «управляемом хаосе»,

без колебаний ответит, что речь идет об оксюмороне. Хаос можно организовать или создать, но управлять им ещё никто не научился. Поэтому после каждого вмешательства американцев остаются «несостоявшиеся государства» (fail state) и зоны перманентных боевых действий типа Сомали, Йемена, Афганистана, Ирака и других стран Ближнего Востока, лесных районов Колумбии и т.п. В свою очередь, эти регионы становятся рассадниками мирового терроризма, наркотрафика, работорговли, торговли оружием и т.п. И всё это так или иначе проникает в Америку и Европу.

В общем, концепция «управляемого хаоса», которую более правильно было бы назвать концепцией «управляемой организации хаоса», обернулась вторжением хаоса в сами Соединённые Штаты и другие страны Запада.

ЗАПАД В ПОИСКАХ НОВЫХ РЕШЕНИЙ

Однако нельзя не признать, что американский истеблишмент, несмотря на множество сложностей и недостатков, способен быстро учиться не только на своих, но и на чужих ошибках.

Поэтому с начала 2010-х годов теория С. Манна перестала применяться во внешнеполитической практике США.

Ещё одним, до поры до времени эффективным методом реализации стратегий «мягкой», а затем «умной» силы были «цветные революции», технология которых была обоснована и разработана в комплексе работ Джина Шарпа о так называемых «ненасильственных революциях». Шарп ставил перед собой задачу классифицировать, кодифицировать и привязать к конкретным ситуациям все наблюдавшиеся в истории методы ненасильственных действий. В итоге в своей работе «Power and Struggle (Politics of Nonviolent Action, Part 1)» («Власть и борьба (политика ненасильственных действий, часть I)»), изданной ещё в 1973 году, он выделил 198 методов ненасильственного протеста и убеждения.

Теории Шарпа всегда сопутствовал некий флёр мошенничества. Ведь, начиная ненасильственные действия, оппозиция, революционеры и гражданские активисты ВСЕГДА провоцируют власть на неоправданное насилие или на неадекватное насилие. А когда это происходит, выдвигают лозунги о необходимости **ВООРУЖЁННОЙ** борьбы с «кровавой» властью. Поэтому грань между ненасилием и вооружённым мятежом провести сложно, а зачастую она вообще отсутствует. Если власть не делает ошибок, то ей помогают это сделать. В принципе, такие провокационные методы известны давно. И не Шарп — их основоположник. Достаточно вспомнить, например, деятельность Александра Парвуса во время русской революции 1905 года.

Особенностью сегодняшнего момента в переходе от ненасилия к вооружённому мятежу и перевороту следует признать разве что использование современных **ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ**. Онлайн-трансляции с места событий мгновенно втягивают в сами события огромные массы людей. Недавний пример арабских революций и Евромайдана — наглядное тому подтверждение.

Летом 2013 года в ведущем учебном центре по подготовке специалистов по «оранжевым» революциям, во Флетчеровской школе Университета Тафтса (Массачусетс, США), совместно с Международным центром по ненасильственным конфликтам (ICNC), который является ведущим центром по разработке методов сопротивления власти, была проведена в полужакрытом режиме большая конференция «Ненасильственное сопротивление: вчера, сегодня, завтра».

Работа конференции была выстроена вокруг обсуждения доклада М. Стефан и Э. Ченовез «Why Civil Resistance Works: The Strategic Logic of Nonviolent Conflict». В докладе излагались результаты статистического исследования всех гражданских конфликтов в мире за 1985–2013 годы. По итогам анализа выяснилось, что движения гражданского сопротивления добились успеха в 55% зафиксированных случаев, тогда как военные противостояния власти имели успех только в 28%. В итоге был сделан вывод о том, что «гражданские ненасильственные кампании обеспечивают устойчивый переход к демократии в два раза чаще, чем вооружённое противостояние с властью».

Однако, наряду с этим привычным выводом, на конференции выяснилось, что за последние 15 лет наиболее эффективными (почти в 70% случаев) оказались смешанные стратегии. К смешанным стратегиям относились гражданские ненасильственные кампании, которые сопровождались либо угрозой силового противостояния с властью, либо точечными вооружёнными акциями. Соответственно, был сделан вывод о необходимости разработки теории, а главное, детального практического инструментария для гибридного гражданского сопротивления, включающего как ненасильственные методы, так и целевые вооружённые акции или угрозы применения силы против власти.

В конце 2013 года один из самых известных и авторитетных американских военных теоретиков генерал Стэнли МакКристалл на презентации своей книги «My Share of the Task: A Memoir» сказал: «Если наши силы специального назначения, морская пехота, армия, флот, сухопутные войска справляются со своими задачами, то их усилия полностью сводятся на нет политиками и экспертами. У нас негодная доктрина противоборства. Пора засучить рукава и браться за разработку новой».

Изложенное выше полностью относится и к теме формирующейся военной доктрины США и Запада в целом. В конденсированном, целостном виде она не представлена на сегодняшний день ни в одном открытом, в т. ч. платном, источнике. Поэтому попробуем осуществить сборку сведений о формирующейся доктрине, её инструментариях и методах из тех фрагментов, которые можно обнаружить в различных, в том числе неожиданных, источниках.

В августе 2014 года генерал Филипп Бридлав, командующий НАТО в Европе, дал развёрнутое интервью ведущей германской газете Die Welt, где, в частности, сказал: «Наша большая

проблема на самом деле — новый вид ведения войны. Мы работаем над этим... На военном жаргоне это называется DIME: дипломатия, информация, вооружённые силы, экономика»¹⁹.

Бридлав впервые на официальном уровне презентовал DIME-войны для широкой публики. Однако ещё в мае 2014 года австралийский Институт стратегической политики, один из главных «мозговых танков» (think tank) Запада в сфере стратегической и тактической военной мысли, провёл конференцию «Стратегия и её недостатки». В конференции участвовали ключевые политические деятели Австралии, включая членов правительства, а также старшие офицеры вооружённых сил, эксперты и аналитики не только из «страны кенгуру», но также Австралии, США, Великобритании, Южной Кореи. В ходе конференции был обозначен новый подход к военным конфликтам. По мнению участников, западные страны должны взять на вооружение концепцию «комплексных насильственных противоборств», включающих в себя как единое целое политическое силовое доминирование, военные конфликты в традиционном виде, информационные операции, а также меры по финансово-экономическому принуждению противника к миру на условиях западных стран²⁰.

Ключевым для понимания данной доктрины является материал, подготовленный бывшим командующим войсками в Афганистане, а ныне одним из руководителей института Брукинга, полным («четырёхзвёздным») генералом Джоном Алленом и генерал-лейтенантом в отставке, известным военным теоретиком, членом совета директоров нескольких крупнейших корпораций Дэвидом Дептулой к конференции, проведённой летом 2014 года Брукингским институтом (Вашингтон) и фондом Петера Петерсона «Новая оборонная стратегия США для новой эры: военное превосходство, быстрота и эффективность»²¹, где впервые был введен концепт «DIME-операций на основе эффектов» как основного типа гибридных войн в обозримом будущем.

Рассмотрим этот концепт более подробно. Аббревиатура DIME расширяется как,

дипломатия, информационные операции, вооружённые силы, экономика (включая финансы) и технологии. Понятно, что это — расширенная версия концепции, публично обнародованной генералом Ф. Бридлавом, который «умолчал» об аспекте технологий.

Использование термина «операции на основе эффектов» связывают новый подход с одним из господствующих направлений военной мысли и практики на Западе. Впервые концептуальные основы и практические формы реализации «операций на основе эффектов» были разработаны полковником ВВС США Джоном Уорденом в ходе подготовки операции «Буря в пустыне». В развернутом виде этот подход получил название «Теории пяти колец», которая была впервые опубликована в статье «Враг как система» в 1995 году²².

Концепция «операций на основе эффектов» построена на модели современного государства-нации, представляющей собой структуру из пяти концентрических колец. Центральное кольцо, или круг, олицетворяет лидеров и руководящие органы государства — наиболее критический и важный элемент, окружённый и защищённый четырьмя остальными. Во второе кольцо входят производственные объекты и структуры, которые в значительной мере определяют национальную мощь. Третье кольцо — это логистическая, транспортная и энергетическая инфраструктуры. Четвёртое кольцо — народонаселение и основные формы его деятельности. И наконец, пятым, внешним, кольцом являются вооружённые силы²³. В рамках «операций на основе эффектов» реализуется принцип «изнутри-вовне». Иными словами, чем ближе к сердцевине пяти кругов нанесён удар, тем быстрее, с меньшими затратами ресурсов и с большими результатами может быть завершён конфликт.

В начале нынешнего века генерал Дэвид Диптула, один из авторов данной концепции, значительно расширил теорию и практику «операций на основе эффектов». В своей работе он предложил рассматривать любой военный конфликт не только с точки зрения традиционных военных действий, но и включая в него ди-

¹⁹ http://www.welt.de/print/welt_kompakt/article131322212/Keine-Nato-Nation-will-Eingreifen.html

²⁰ Strategy and its discontents: The place of strategy in national policymaking ASPI Sydney, 2014.

²¹ A New US Defense Strategy for a New Era: Military Superiority, Agility, and Efficiency. 2, NY 2014.

²² Warden J. The Enemy as a System. Airpower Journal, Spring 1995.

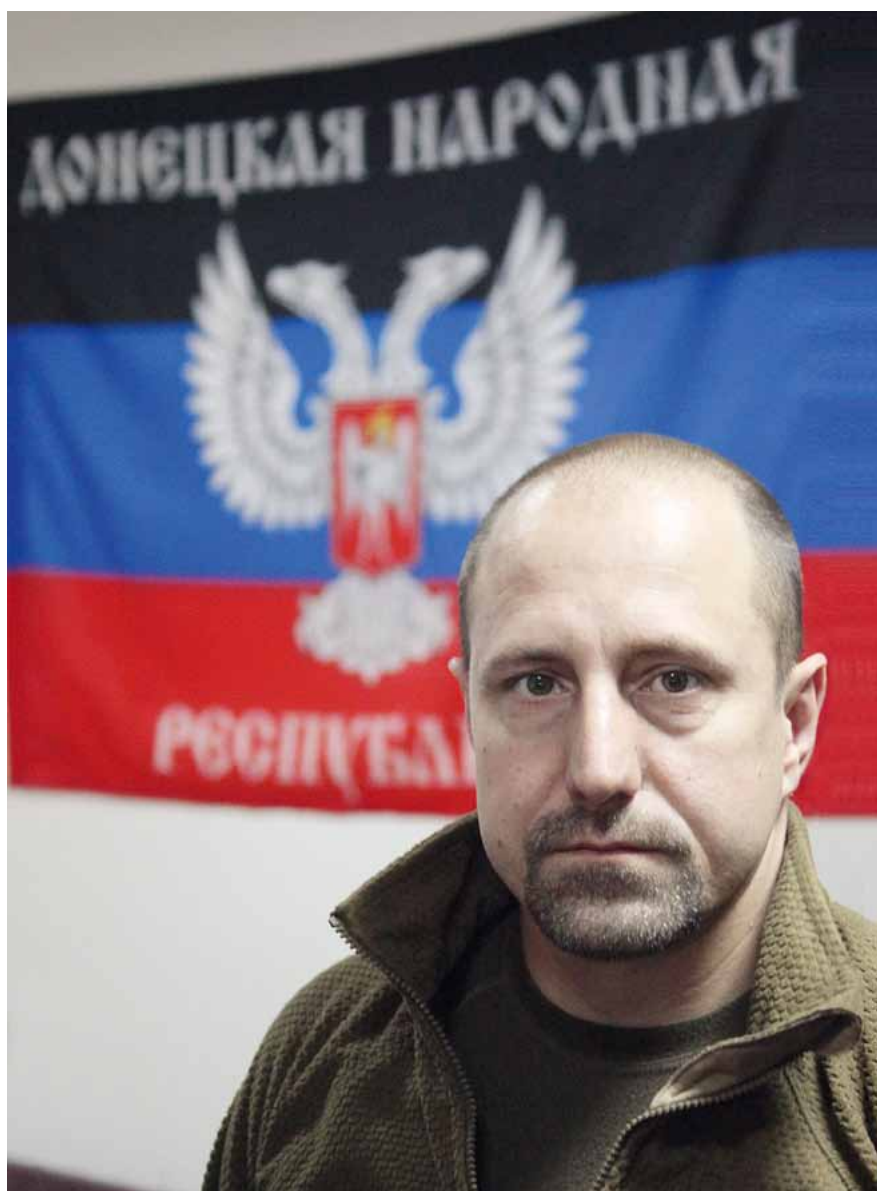
²³ Савин Л.В. Сетецентрическая и сетевая война. Введение в концепцию. — М.: Евразийское движение, 2011.

пломатический, информационный и экономический аспекты. Он предложил рассматривать врага как целостную систему и главной целью операции ставить разрушение связей внутри этой системы. По его мнению, «это расширенное представление обеспечивает более эффективные пути к достижению национальных целей и позволяет рассматривать формирование среды для сведения любой острой проблемы к минимуму в интересах США»²⁴.

Применительно к материалу Д. Аллена и Д. Диптулы осталось рассмотреть концепт «гибридных войн». В настоящее время этот термин крайне популярен среди военных: как практиков, так и теоретиков. Он завоевал признание экспертного сообщества, а в последнее время, особенно в связи с событиями в Ливии, Сирии и на Украине, широко используется и в медиапространстве. Франк Хофманн, один из авторов концепции «гибридных войн», характеризует их как «полный арсенал различных видов боевых действий, включая конвенциональные возможности, иррегулярную тактику и формирования; террористические акты, включая беспорядочное насилие и криминальные беспорядки. Гибридные войны могут вестись как государством, так и различными негосударственными акторами»²⁵. Буквально за последние месяцы термин «гибридная война» стал трактоваться ещё шире. В частности, в приведённом выше интервью Ф. Бридлава прямо говорится, что «DIME-конфликты — это и есть современные «гибридные войны». По сути, сегодня под «гибридными войнами» понимают любые насильственные конфликты, в которых соединились физическая и психологическая, военная и невоенная составляющие. Если раньше можно было чётко отделить друг от друга политическое принуждение и вооружённые столкновения, обычную войну и террористические операции, финансово-экономические диверсии и партизанскую герилью, то сегодня всё это представляет собой некое единое и подчас неразделимое целое.

Именно в этом основной пафос и одновременно практический смысл концептуальной, основополагающей статьи Д. Аллена и Д. Диптулы. Характерно, что этот материал внимательнейшим образом проштудировали не только в штабных кабинетах и на военных базах, но и в политических коридорах. В сентя-

**Командир бригады Восток и глава Совбеза ДНР
Александр ХОДАКОВСКИЙ**

бре Б. Обама предложил Д. Аллену возглавить координационный штаб по борьбе с «Исламским государством», ранее называвшимся «Исламским государством Ирака и Леванта».

Хотелось бы обратить внимание и на ещё одно чрезвычайно важное обстоятельство. В своём материале авторы критикуют американских военных теоретиков и практиков за отставание по сравнению с военными мыслителями из других стран. В частности, они указывают, что понимание войны как комплекс-

²⁴ Deptula, David A. Effects-Based Operations: Change in the Nature of Warfare, Arlington, VA: Aerospace Education Foundation, 2001.

²⁵ Hoffman, Frank G. Future Threats and Strategic Thinking. Infinity Journal, No 4, Fall 2011.

ного конфликта, ведущегося во всех сферах возможного противоборства, было ещё в 1999 году сформулировано двумя китайскими генералами Куиао Лиангом (Qiao Liang) и Вангом Хянгсуи (Wang Xiangsui) в знаменитой книге «Война без правил» («Unrestricted Warfare»). Это понимание легло в дальнейшем в основу разработки практических мероприятий по ведению жёсткого противоборства НОАК. В 2009 году о необходимости принятия на вооружение армией Израиля концепции системного, превентивного противоборства, включающей армейские, политические, информационные, кибернетические и экономические аспекты, говорил известный израильский политический деятель, министр обороны Эхуд Барак.

С учётом вышеизложенного необходимо сделать один, весьма важный и принципиальный практический вывод. До последнего времени некоторые российские военные теоретики и практики считали использование термина «война» применительно к информационным, экономическим, технологическим противоборствам, неадекватным и некорректным для специалистов-профессионалов. Однако жизнь в очередной раз оказалась богаче устоявшихся представлений о ней. Это, кстати, отлично понимали и классики военной стратегии, которые, например, как Клаузевиц, называли войну «изменчивым хамелеоном» или, как Сунь-Цзы, описывали её при помощи метафоры «переменчивого и стремительного потока воды».

Бесспорным фактом сегодня стало то, что жёсткие информационные, финансово-экономические, политические, технологические конфликты в полном и прямом смысле этого слова стали войной. А если что-то выглядит как утка, крикает как утка, ходит, как утка, и летает, как утка, — то это наверняка всё-таки утка, а не поросёнок. Поэтому всегда лучше называть вещи своими именами.

ЕЩЁ РАЗ ОБ «ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЙНАХ»

В этой связи — особенно принимая во внимание перетекание акцентов системных конфликтов из материально-вещественной формы в информационную, — представляется важным не в умозрительно-теоретическом, а в прак-

тически-прикладном плане разобраться с феноменом информационных войн.

В этой сфере и у нас, и за рубежом подчас наблюдается значительная путаница. Например, даже один из основоположников теории информационных войн и разработчиков их практических аспектов М. Либитски выделяет то пять, то семь видов информационной войны²⁶.

Представляется, что и в практическом, и в содержательном плане можно выделить три основных типа информационных войн. Это — ментальные или психологические войны, кибервойны и поведенческие войны.

Ментальные (психологические) и кибервойны разделяются по объектам и средствам боевого воздействия.

Ментальные (психологические) — это контентные войны, имеющие своей целью изменение массового, группового и индивидуального сознания или психики. В процессе ментальных войн идёт борьба за умы, ценности, установки и т.п. Ментальные войны велись задолго до Интернета, насчитывают историю, измеряемую даже не сотнями, а тысячами лет. Интернет просто перевёл эти войны на качественно иной уровень интенсивности, масштабности и эффективности.

Что же касается кибервойн, то это целенаправленное деструктивное воздействие информационных потоков в виде программных кодов на материальные объекты и их системы. Бывший высокопоставленный чиновник, а ныне эксперт по безопасности правительства США Ричард А. Кларк дал такое определение: «Кибервойна — это действие одного национального государства с проникновением в компьютеры или сети другого национального государства для достижения целей нанесения ущерба или разрушения»²⁷.

По де-факто сложившемуся, но юридически не закреплённому мнению подавляющего большинства военных и специалистов по информационной безопасности (вне зависимости от их страновой принадлежности), под кибервойнами понимают целенаправленные действия по причинению ущерба, перехвату управления или разрушению критически важных для функционирования общества и государства сетей и объектов производственной, социальной, военной и финансовой инфраструктуры, а также роботизированных и высокоавтоматизированных производственных технологических линий и т.п.

²⁶ Martin C. Libicki, *Cyberdeterrence and Cyberwar*, RAND Corporation, 2009.

²⁷ Ричард А. Кларк. Кибервойна. — М.: ЭКСМО, 2010.

Ментальные и кибервойны представляют собой две разновидности войн, ведущихся в сетевом электронном пространстве, которое охватывает не только Интернет, но и закрытые государственные, военные, корпоративные и частные сети. Для каждого из этих двух типов войн свойственны свои инструментарии, методы, стратегии и тактики ведения, закономерности эскалации, возможности предупреждения и т. п.

Отдельная тема — это поведенческие войны. В настоящее время практически невозможно найти западные публикации, посвящённые данной теме. В значительной степени это связано с её чрезвычайной деликатностью, в том числе для западного общественного мнения. Кроме того, комплекс возможностей для ведения полноценных поведенческих войн появился лишь недавно в связи с накоплением огромных массивов объективной информации о человеческом поведении, в том числе — о поведении социальных и иных групп сколь угодно большой размерности. Эти сведения большей частью содержатся в Интернете, который по факту является огромным поведенческим архивом.

Возможности поведенческих войн связаны с инструментарием, разрабатываемым на стыке когнитивных вычислений, Больших Данных и междисциплинарного комплекса поведенческих наук. Давно и хорошо известно, и особый вклад внесли в это российские психологи, что человеческое поведение в значительной мере зависит не только от наших представлений, ценностей, убеждений, но базируется, прежде всего, на стереотипах, привычках, поведенческих паттернах, а также складывается под воздействием формальных и неформальных социальных институтов.

Доказано, что человек по своей психофизиологии, как и любое живое существо, склонен к решению задач с наименьшей затратой энергии и других ресурсов. Поэтому, как неопровержимо установили исследователи, значительная часть нашего поведения осуществляется в своего рода полуавтоматическом режиме, на основе привычек и стереотипов²⁸. Это касается не только элементарных поведенческих функций и стандартных жизненных ситуаций. Наши привычки, поведенческие паттерны, культурные стереотипы и т. п. оказывают серьёзное

воздействие даже в сложных ситуациях выбора, казалось бы, требующих глубоких размышлений и мобилизации ресурсов сознания²⁹.

При этом хорошо известно, что человеческая деятельность не сводится к человеческой психологии или работе психики. Она в значительной мере носит социальный характер.

Арсенал поведенческих войн как принципиально нового вида информационной войны основан на технологиях манипуляции алгоритмами поведения, привычками, стереотипами деятельности, вложенными в нас социумом в самом широком смысле этого слова. Грубо говоря, инструментарий поведенческих войн состоит в том, чтобы отделить привычку от сложившегося вида деятельности, сформировавшей её ситуации, и использовать поведенческие паттерны для достижения иных целей. Поведенческое оружие — это оружие завтрашнего дня. Именно под него заточен только что пущенный в эксплуатацию супергигантский по своей информационной ёмкости центр АНБ в штате Юта, который аккумулирует массивы поведенческой информации, охватывающие практически всё человечество. Именно на этот: не только не афишируемый, но и засекреченный новый вид вооружений, — возлагаются часть американских элит наибольшие надежды в жёстких противоборствах ближайшего будущего. Именно тема поведенческих войн в наибольшей мере табуирована и засекречена в мировом информационном пространстве, как в годы Второй мировой секретились все данные по «атомному проекту». Более того, ведущие американские масс-медиа, наиболее популярные блогеры и другие источники публичной информации получили из Вашингтона негласную рекомендацию: при появлении каких-либо материалов на тему поведенческих войн дискредитировать их любыми доступными средствами, начиная от обвинений в конспирологии и заканчивая доказательством о якобы технологической невозможности ведения таких войн³⁰.

ВОЙНА: НОВОЕ ЛИЦО

Сегодня всё четче проступает новое лицо войны, которую Запад ведёт против России. Она, как это предвидели и предсказывали, например, в своё время Д. Оруэлл и С. Лем, становится всё более

²⁸ Чарлз Дахигг. Сила привычки. Почему мы живём и работаем именно так, а не иначе. — М.: Карьера Пресс, 2014.

²⁹ Cass R. Sunstein «Why Nudge?: The Politics of Libertarian Paternalism (The Storrs Lectures Series)», Yale University Press, 2014.

³⁰ Е. Ларина, В. Овчинский. Кибервойны XXI века. О чём умолчал Эдвард Сноуден. — М.: Книжный мир, 2014.

трудно определимой, маскирующей под мир. На наших глазах стирается граница между войной и миром и формируется — по крайней мере на обозримое будущее — новая реальность: «войномира» или «мировойны». В этой неудобной, жёсткой и некомфортной реальности предстоит жить всем. И наша страна здесь — не исключение. Ей уже сегодня брошены прямые и жёсткие вызовы, созданы новые, в том числе непривычные, угрозы.

В ходе нарастающего глобального системного кризиса индустриализма в его поздней стадии финансизма любые жёсткие насильственные противоборства неизбежно приобретают характер войн за будущее. Такого рода войны ведутся во имя решения трёх задач.

Во-первых, для выигрыша времени, необходимого для нахождения путей выхода из кризиса. Войны за время — самые жестокие войны, поскольку во многих случаях они пред-

полагают лишь одного выжившего, забравшего себе временной ресурс всех проигравших.

Во-вторых, это войны за ресурсы, в том числе не только за полезные ископаемые, производственный потенциал и т.п., но и, во всё большей степени, — за воду, другие рекреационные ресурсы, нетронутые территории, которые могут стать основой новых техноценозов, и т.п.

В-третьих, это войны, главной целью которых становится не обладание каким-либо ресурсом, а десубъективизация противника, превращение его из активного, деятельного актора, играющего свою роль в мировой политике, а главное — имеющего собственное культурное и цивилизационное лицо, — в объект, инструмент для решения тех или иных задач победителя военного конфликта.

В нынешних конкретно-исторических условиях Запад (с учётом отмеченной выше условности применения данного термина)

главные усилия против России сосредоточил на экономическом и технологическом измерении DIMET-операций на основе эффектов.

Связано это, прежде всего, с тем, что боеготовность российской армии, её техническая оснащённость и навыки ведения современных, в том числе «гибридных», «прокси» — и «асимметричных» войн оцениваются на Западе до-

статочно высоко. На ведущих американских военных интернет-ресурсах особо отмечается искусство осуществления операций в рамках гибридных войн, продемонстрированное Россией в Крыму³¹. Несмотря на достаточно жёсткую форму противоборства России, США, Евросоюза, НАТО в ходе украинского кризиса, высшие должностные лица западных стран и союзов, включая Б. Обаму, нового Генерального секретаря НАТО Й. Столтенберга, Ф. Бридлава и других, не устают повторять, что «горячий» военный конфликт между Россией, США и НАТО просто немыслим в современном мире. Искренностью эти высказывания, конечно, не отличаются. Однако вполне очевидно, что традиционный военный конфликт напрямую с Россией — это последнее, на что готов пойти сегодня Запад. Так же скептически Запад рассматривает свои шансы на дипломатической арене. Тому много причин, включая постоянное членство России в Совете Безопасности ООН, блокирование по многим ведущим вопросам мировой политики России, Китая, Индии, Бразилии, противоречия внутри Европейского союза и т.п.

До недавнего времени большие надежды в конфронтационной плоскости Запад связывал с информационными войнами. Однако за последнее время ситуация изменилась и здесь — вследствие сложной комбинации разнообразных факторов. Среди них, прежде всего, следует выделить целенаправленные и согласованные действия России, Китая и присоединившихся к ним многочисленных стран, традиционно относимых ко второму миру³², по радикальному ослаблению контроля США над интернет-пространством и защите собственного «цифрового суверенитета». Свою роль сыграли и разоблачения Э. Сноудена, заметно изменившие отношение к информационной политике США со стороны их западных партнёров. Наконец, немаловажную роль сыграл переход России от оборонительной к наступательной стратегии в информационном противоборстве, включая задействование таких инструментов, как Russia Today, блогерские сообщества и т.п. По мнению подавляющего большинства серьёзных аналитиков, в сфере ментальных войн Запад утратил технологическое и кадровое превосходство и перешёл от наступления к обороне.

Огромные надежды в сфере информационного противоборства связываются на Западе

³¹ <http://www.stripes.com/news/saceur-allies-must-prepare-for-russia-hybrid-war-1.301464>

³² Парра Ханна. Второй мир. — М.: Европа, 2010.

с инструментарием поведенческих войн. Однако пока здесь только завершаются подготовительные мероприятия, и реальное применение поведенческих войн ожидается только через два-три года³³.

В этих условиях фактически безальтернативными полями войны Запада против России стали поля экономики и технологии. Традиционным инструментом, используемым в этих сферах, является механизм санкций, который в том или ином виде действует уже более 200 лет.

Теме экономических и технологических санкций посвящено огромное количество работ. Она постоянно обсуждается на многочисленных открытых и закрытых площадках. Наибольшим авторитетом на Западе в этой сфере пользуются основополагающие труды, посвящённые теоретическому и эмпирическому анализу санкций за последний век, авторами которых выступили Г. Хофбауэр, Д. Скотт и К. Эллиотт, а также Б. Тейлор³⁴.

При этом экономические санкции, на которых в значительной мере сосредоточено внимание общества, несмотря на всю их внешнюю грозность, носят дополняющий характер и являются своего рода вспомогательными санкциями по отношению к технологическим. Любые ограничения по доступу к рынкам капитала даже в краткосрочной перспективе, измеряемой интервалом порядка полутора-двух лет, не могут оказать сколько-нибудь заметного воздействия на российскую экономику. В настоящее время огромные объёмы инвестиционных ресурсов и свободных финансовых средств имеются на рынках Китая, Ближнего Востока, в таких финансовых центрах, как Гонконг, Сингапур и т.п. В современном мире единственный ресурс, который наличествует в избытке, — это деньги. Именно с переизбытком данного ресурса связана происходящая на наших глазах повсеместная инфляция активов, выражающаяся в росте курсов акций и различного рода индексов. Высшие китайские должностные лица уже сделали заявления о своей готовности заместить западные финансовые институты на рынках кредитования и инвестирования в российскую экономику. Поэтому сами по себе финансовые санкции неприятны, но малорезультативны. Это угрозы, которые несложно

отразить даже с использованием стандартных финансово-инвестиционных инструментов.

Пожалуй, единственно серьёзными и крайне разрушительными санкциями стали бы отключения российских банков от SWIFT и других международных расчётно-платёжных систем.

С технологическими санкциями дело обстоит сложнее. Несмотря на глобализацию экономики, соответствующей ей технологической глобализации не произошло. В результате налицо достаточно серьёзная диспропорция между динамикой и масштабами экономической мощи и объективными характеристиками технологического лидерства. Соединённые Штаты, Германия, Франция, Великобритания, Япония, Израиль и ряд других западных стран по-прежнему концентрируют в своих руках собственность на основные критические технологии³⁵. Это хотя и неприятная для нас, но реальность. Зачастую её пытаются опровергать ссылками на экспоненциальный рост новых патентов в Китае и частично в Индии, как показатели резкого возрастания их научно-технологической мощи. Также используется индекс роста совокупных расходов на НИОКР. Однако это не вполне так. Детальный анализ патентов и структуры расходов на НИОКР показывают, что подавляющая их часть относится к так называемым «улучшающим инновациям», т.е. различного рода техническим изобретениям, совершенствующим уже найденные технологические решения. Они не имеют прямого отношения к прорывным критическим технологиям и не ведут к изменению структуры страновой собственности на основные пакеты технологий.

Параллельно этому следовало бы обратить внимание на ещё одно обстоятельство, совершенно ускользающее от внимания аналитиков и ни разу не упомянутое в российской и зарубежной открытой печати. По результатам разоблачений Э. Сноудена, уже после того, как прошла первая волна сенсационных материалов, Лаура Пойнтрас на основе переданных ей Э. Сноуденом материалов опубликовала статью о роли, возможностях и инструментах АНБ в тотальном контроле и шпионаже в отношении мировых финансовых потоков, доходящих до уровня сплошного скрининга всех финансовых транзакций, осуществляемых по системе

³³ Е. Ларина, В. Овчинский. Кибервойны XXI века. О чем умолчал Эдвард Сноуден. — М.: Книжный мир, 2014.

³⁴ Gary Clyde Hufbauer, Jeffrey J. Schott, Kimberly Ann Elliott «Economic Sanctions Reconsidered», Peterson Institute for International Economics; Third edition, 2009. См. также Brendan Taylor «Sanctions as Grand Strategy», Routledge, 2010.

³⁵ Asymmetry of technological leadership and economic power D Martin Zhao Zhen GUP NY 2014.

SWIFT³⁶. Известно также, что с 2011 года в США под другим названием была, по сути, реанимирована программа Socrates³⁷, нацеленная, помимо прочего, на мониторинг конкурентоспособности не только отраслей, но даже отдельных секторов и технологических блоков и предприятий в странах — потенциальных конкурентах США. Вполне очевидно, что соединение функционала программы Socrates и возможностей АНБ позволяет американской разведке отслеживать поставки не только готовых изделий в сферах критических и высоких технологий, но и их комплектующих в любую страну мира, относимую к потенциальным конкурентам США, в том числе — через систему финансовых транзакций.

Что же касается России, то уровень информированности США об экспорте в нашу страну не только готовых изделий, но и комплектующих для производимой в стране продукции достаточно велик ввиду ещё одного обстоятельства. Как известно, переговоры по вступлению в ВТО шли более десятилетия. В ходе этих переговоров детально «утраивались» пошлины и другие вопросы регулирования экспортно-импортных операций по изделиям любого типа, включая комплектующие, субстанции для переработки и т. п. Со слов переговорщиков известно, что по каждому вопросу западная сторона требовала предоставления от российских экономических органов соответствующей информации, обосновывающей её позицию. Таким образом, по факту, у западных контрагентов, действующих, несомненно, в том числе по прямому заданию разведок, скопился огромный массив сведений по структуре российского импорта, включая, опять же, не только готовую продукцию *high-tech*, но и комплектующие для её производства в нашей стране. Дополнительно была получена бесценная информация, связанная с возможностями локализации высокотехнологичного производства. Для непосвященных следует пояснить, что под безобидным словом «локализация» скрываются реальные возможности импортозамещения как готовой продукции, так и компонентов и сырья, необходимого для производства готовых изделий на территории России. Информация по локализации предоставлялась для того, чтобы обосновать

российскую позицию по отсрочке введения тех или иных норм ВТО, либо временного их изменения.

Таким образом, рассматривая вопросы технологических санкций и, шире, технологического противоборства, следует отдавать себе отчёт, что Запад располагает достаточно полной и адекватной информацией о потенциале, возможностях и сроках импортозамещения, а также о наличии или отсутствии альтернатив замены поставщиков из стран, присоединившихся к санкциям, на представителей иных, более дружественных нашей стране государств. Наиболее уязвимыми в технологическом плане отраслями являются нефтегазовая, в части глубокого и сложного бурения, бурения на шельфе; нефтепереработка и нефтехимия; высокотехнологичное машиностроение, включая космическую отрасль, авиастроение, судостроение, фармацевтику и т. п. Это лишь основные из множества отраслей, подотраслей и видов производств, критически зависящих от американской и европейской продукции и комплектующих, которые не могут быть заменены: либо вообще, либо без значительной потери в эффективности, — аналогами из других регионов мира, включая Китай.

Отдельный разговор — об информационно-коммуникационных технологиях, в первую очередь — об их аппаратном компоненте. Следует иметь в виду, что производителями определённых классов аппаратных компонентов и готовых изделий эксклюзивно являются американские компании либо компании других стран, полностью контролируемые американским капиталом. Если в сфере бытовой электроники и техники основными производителями и частично изготовителями даже микросистемных компонентов стали Китай и другие страны Южной и Восточной Азии, то применительно к сложным микросистемным изделиям монополию по-прежнему продолжают держать США, Япония и — в меньшей степени — Канада, Великобритания, Франция и Германия.

С учётом этого и выстроена западная стратегия введения технологических санкций. В первую очередь были введены такие технологические санкции, как запрет на передачу технологий, поставку техники, а также раз-

³⁶ Л. Пойнтрасс, М. Розенбах, С. Старх. «Слежка за деньгами. Как Агентство национальной безопасности мониторит мировую финансовую систему», Шпигель. <http://hravvedka.ru/guru/slezhka-za-dengami-kak-agentstvo-nacionalnoj-bezopasnosti-monitorit-mirovuyu-finansovuyu-sistem.html>

³⁷ President Reagan's Program to secure U.S. Leadership Indefinitely: Project Socrates, <http://projectsocrates.us/>

личного рода компонентов и осуществления инжиниринговых работ для энергетического сектора, сектора двойных технологий, примыкающую к оборонно-промышленному комплексу. Несложно просчитать в этой логике и вероятные последующие шаги Запада.

Чрезвычайно важно обратить внимание и ещё на одно обстоятельство, на которое не обращается должного внимания при рассмотрении противоборства в технологической плоскости. Технологические санкции являются ключевым, но не единственным инструментом этого противоборства. Сами по себе технологии без людей мертвы. Поэтому колоссальную роль играют различного рода научно-технические обмены, стажировки специалистов в ведущих зарубежных компаниях, и особенно — в университетах, которые давно превратились в мощнейшие научно-технические и производственные комплексы. В рамках противоборства с Россией в течение последнего года проводится явный и всё более ощущаемый курс на сворачивание такого рода контактов. Делается это без каких-либо видимо принятых директивными органами

санкций и широковещательных объявлений. Просто попечительские советы университетов и различного рода фондов не выделяют гранты, закрывают темы, сворачивают программы научного и технологического обмена, а также закрывают двери лабораторий и компаний перед российскими специалистами. С учётом того, что в ведущих университетах США, Западной Европы и Японии давно уже работают межнациональные коллективы, в том числе с широким представительством граждан Китая, Индии, Южной Америки, такого рода акции, по сути, ведут к серьёзному ограничению участия российских исследователей, разработчиков, инженеров, технологов в глобальном международном разделении труда.

СУММА ТЕХНОЛОГИЙ КАК ОРУЖИЕ ПОБЕДЫ

На любую ситуацию надо смотреть открытыми глазами и не выдавать желаемое за действительное, принимая вещи такими, какие они есть на самом деле. Именно в сфере технологического противоборства Запад после крушения

Советского Союза имеет наиболее заметные преимущества. Именно отсюда исходят самые опасные угрозы, потенциально способные решить исход конфликта в пользу Запада.

С учётом сделанного вывода о том, что противоборство России и Запада (понимаемого не как Запад вообще, а как конкретные властные правяще-элитные группы и контролируемые ими социальные паттерны по всему миру) носит глобальный характер, что не отменяет сотрудничества, а также возможности смягчения форм и напряжённости противоборства, необходимо разработать асимметричные, оперативные, по возможности малозатратные и обязательно реализуемые на практике меры по перехвату Россией инициативы в сфере развития технологий.

Перенос противоборства в технологическую сферу, несомненно, относится к классу асимметричных конфликтов. Их теория впервые была разработана в Соединённых Штатах и Великобритании ещё в 70-е годы прошлого века³⁸. Однако впервые асимметричные конфликты были целенаправленно поставлены во главу угла в национальной оборонной стратегии Китайской Народной Республики, принятой в начале XXI века.

Овладение особенностями стратегии и тактики, разработка инструментария асимметричных конфликтов открывает перед более слабой его стороной возможности для победы. Так, ведущий исследователь асимметричных конфликтов Айвен Аррегин-Тофт подсчитал итоги конфликтов за последние 200 лет между крупными и маленькими странами. В результате расчёта выяснилось, что в 71% побеждает сильная сторона и лишь в 29% — более слабая с точки зрения наличия ресурсов. Одновременно А. Аррегин-Тофт проанализировал конфликты между сильной и слабой стороной, когда слабая сторона использовала различного рода нетрадиционные, как военные, так и невоенные, методы. В этом случае успешность слабой стороны возросла с 29% до 64%³⁹.

Что касается китайского варианта асимметричных конфликтов, то, согласно и официальным, и неофициальным источникам, он предусматривал широчайшее использование кибероружия, которое фактически стало для Пекина своего рода фактором стратегического сдерживания. При этом надо отметить, что в современном сверхинформатизированном и взаимоувязанном мире использование кибероружия одной стороной против другой, даже

³⁸ Дериглазова Л.В. Асимметричные конфликты: уравнения со многими неизвестными. Т., 2009.

³⁹ Ivan Arreguin-Toft, *How the Weak Win Wars: A Theory of Asymmetric Conflict* (Cambridge Studies in International Relations), Cambridge University Press, 2005.

в «прокси»-варианте, чревато полномасштабным военным конфликтом. Недавно принятые в США официальные документы по проблемам безопасности прямо указывают, что в случае идентификации киберагрессора по нему может быть нанесен удар не только средствами кибервооружений, но и традиционными видами оружия, не исключая ракетно-ядерного.

Есть ли в этих условиях конвенциональные, т.е. разрешенные, не влекущие за собой риска неконтролируемой эскалации, средства для победы в асимметричных противоборствах?

Ещё в начале 90-х годов, опираясь на работы С. Лема «Сумма технологий» и Э. Янча «Прогнозирование научно-технического прогресса», А. Террилл опубликовал работу, посвящённую возможностям использования спилловер-эффекта в асимметричных и гибридных конфликтах⁴⁰.

Спилловер-эффект представляет собой распространение турбулентности, неустойчивости, изменения динамики из одной сферы в другую, связанную с ней. Первоначально этот феномен был открыт практически одновременно в гидродинамике и при анализе инвестиционных рынков. А. Террилл установил, что различного рода изменения внутри техносферы оказывают максимальный спилловер-эффект на политику, экономику, социум. Иными словами, процессы, происходящие внутри технологической сферы, гораздо интенсивнее и сильнее влияют на другие сферы человеческой деятельности, чем перемены, происходящие в иных её сегментах. Открытие спилловер-эффекта фактически сделало возможным целенаправленное использование технологий как инструмента и поля противоборств.

Однако спилловер-эффекты не были взяты на вооружение западной стратегической мыслью. В это время она была увлечена сетцентрическими платформами, операциями на основе эффектов, управляемым хаосом и другим инструментарием. Согласно анализу публикаций в американских военных и научных журналах, спилловер-эффекты техносферы

продолжают недооцениваться и сегодня. Главные надежды в настоящее время связываются с кибероружием и поведенческими войнами, а также — с совершенствованием форм конфликтов в направлении расширения практики гибридных войн.

Между тем именно технологическое направление противоборства открывает наиболее интересные перспективы для России. На сегодня наиболее развитая и динамичная техносфера является достоянием Соединённых Штатов и союзных им стран, в первую очередь — Западной Европы и Японии. В России же техносфера за последние 25 лет испытала на себе действие разнородных деструктивных процессов. В результате мы имеем дело с классической асимметричной ситуацией, когда слабость может быть превращена в силу, а недостатки, при должном подходе, превращены в достоинства.

Дело за малым: за разработкой и использованием инструментария, который позволит реализовать на практике спилловер-эффект и обеспечить на этой основе потенциальные возможности для управляемых дисфункций и направленных деструкций производственно-технологической, финансово-экономической и социально-политической сфер западного общества.

Иными словами, необходимо найти такие технологические артефакты, которые бы повысили турбулентность и неустойчивость технопроизводственной платформы современного Запада и, как следствие, привели бы к негативной динамике и дисбалансу в финансово-экономической и социально-политической областях. Прежде всего необходимо ответить на вопрос: а возможно ли это в принципе?

Теория длинных волн Н. Кондратьева⁴¹ и его последователей, теория техноценоза профессора Б. Кудрина⁴², а также концепции технологически-инвестиционных циклов К. Переса⁴³, технологических укладов С. Глазьева⁴⁴, геотехноценозов В. Криворотова — Л. Бадаляна⁴⁵, нелинейной социодинамики профессора Г. Малинецкого⁴⁶

40 A.W. Terrill. Spillover Effect of the New War. — «Strategic Studies Institute». 1993.

41 Кондратьев Н.Д. Большие циклы экономической конъюнктуры: Доклад // Проблемы экономической динамики. — М.: Экономика, 1989.

42 Кудрин Б.Н. Исследования технологических и технических систем как сообществ изделий — техноценозов. Системные исследования. М., 1982.

43 Карлота Перес. Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания. — М.: Дело, 2013.

44 Сергей Глазьев. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. — М.: Экономика, 2010.

45 Лусине Бадалян, Виктор Криворотов. История. Кризисы. Перспективы. Новый взгляд на прошлое и будущее. — М.: Либроком, 2012.

46 Малинецкий Г.Г. Синергетика: Будущее мира и России. — М.: Либроком, 2008.

и технопакетов С. Переслегина⁴⁷ позволяют не просто положительно ответить на поставленный вопрос, но и содержат все эвристические и методологические предпосылки для определения «суммы технологий», которая может быть использована в качестве своеобразной «технологической бомбы» России против Запада.

Под термином «технология», как правило, понимается последовательность операций, обеспечивающих воспроизводимый, заранее заданный результат при соблюдении установленных требований, условий, регламентов, а также при наличии необходимых инструментов и т. п. В обыденной жизни технологии, как правило, связываются с преобразованием природы, т. е. вещества, либо информации. Однако, строго говоря, технологии представляют собой способ преобразования чего-то во что-то и потому касаются всех сторон человеческой жизнедеятельности. Как правило, выделяются три основных типа технологий: во-первых, предметные, связанные с преобразованием вещества или самого человека; во-вторых, инвестиционно-управляющие, связанные со способами концентрации различного рода ресурсов; и, в-третьих, институциональные, связанные с организацией и взаимодействием людей в процессе использования предметных и инвестиционных технологий⁴⁸.

Каждой группе предметных технологий соответствуют свои инвестиционно-управляющие и институциональные технологии. Ещё одним важным понятием является «технологический пакет». Технологический пакет — это взаимосвязанная и взаимодействующая совокупность технологий, позволяющих получить тот или иной конечный продукт, удовлетворяющий какую-либо потребность⁴⁹. Например, существует технопакет «Персональный компьютер». В рамках этого технопакета имеются различные варианты, обеспечивающие изготовление десктопов, ноутбуков, смартфонов и т. п.

«Технологическим оружием» может служить не любая технология, а лишь дестабилизирующая, т. е. повышающая неустойчивость, создающая новые проблемы и т. п. для деловой, инвестиционной, социальной и политической среды. Нужно найти те технологии, использова-

ние которых, в конечном счёте, может вызвать необходимый эффект. При этом сразу же надо подчеркнуть, что само по себе наличие таких технологий и знание другой стороны конфликта о том, что они имеются у противоположной стороны, является мощным сдерживающим фактором и может привести к необходимым последствиям даже без фактического использования таких технологий.

О каких же группах технологий конкретно идёт речь? Пойдём от простого к сложному. Первая группа технологического оружия — это так называемые «замыкающие» технологии⁵⁰. Каждый технопакет имеет свою замыкающую технологию, которая связывает совокупность технологий в единое целое и делает продукт, изготовленный с использованием всех этих технологий, удовлетворяющим ту или иную потребность.

Так, например, одна из самых популярных сегодня новаций — не только в военной, но и в гражданской сфере, — дроны, или беспилотные летающие аппараты (БПЛА). Например, крупнейшие интернет-порталы переходят к доставке заказов на места при помощи небольших дронов. При этом мало кто знает, что первый такой БПЛА, британский Queen Bee, поднялся в воздух и успешно выполнил задание в 1933 году. В 60-х — первой половине 80-х годов лидером в разработке и производстве БПЛА, выполняющих в основном разведывательные функции, был СССР. Затем значительная часть конструкторов, инженеров, технологов эмигрировала в США и Израиль. Теперь именно эти страны являются мировыми лидерами технологического пакета «дроны». Однако массовое использование этого технопакета, существующего уже более 80 лет, стало возможным только после создания замыкающей технологии по изготовлению микроэлектроники, которая позволяет дрону выполнять все свои функции при минимальных затратах ресурсов и при максимальных внешних помехах.

Замыкающая технология тем важнее, чем более значим для экономики и социума её технопакет. Казалось бы, получить наперед такого рода знания маловероятно. Ведь, согласно известной житейской мудрости: «знал бы прикуп — жил бы в Сочи».

47 Переслегин С. Дикие карты будущего. — М.: Алгоритм, 2014.

48 Карлота Перес. Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания. — М.: Дело, 2013.

49 Переслегин С. Дикие карты будущего. — М.: Алгоритм, 2014.

50 Переслегин С. Дикие карты будущего. — М.: Алгоритм, 2014.

Но кое-что в этом направлении уже сделано, делается и будет делаться. Так, Питер Тиль, хозяин самого известного программного комплекса «Palantir», используемого разведкой США, совместно с выдающимся математиком Шоном Горли создали компанию Quid, которая специализируется на поиске пустых технологических ниш, в настоящее время не заполненных, но крайне необходимых для дальнейшего развития тех или иных технологий. Делается это на основе анализа больших баз патентных данных и нейросетевого программирования. Государственные органы США и практически все компании из списка Fortune-500 платят миллионы долларов за прогнозы Quid.

В России создана ещё более мощная и эффективная система поиска замыкающих технологий для наиболее перспективных технопакетов. Система Quid построена на счётных методах и выдает большую совокупность результатов, отсеивать которые «вручную» должны

уже эксперты, на решения которых, как показал Д. Канеман, сильно влияют их субъективные предпочтения и личные научные взгляды⁵¹, т. е. велика инерционная компонента. Система «знаниевого реактора», созданная под руководством С. Переслегина, позволяет определить не только наиболее перспективные технопакеты, но и выделить в них ещё несуществующие замыкающие технологии. Она была с успехом опробована в самых серьёзных проектах, включая корпорацию «Росатом».

Может возникнуть вопрос: а какова нужда в подобном комплексе, если замыкающие технологии наверняка принадлежат корпорациям из списка Fortune-500, которые в немалой степени интегрированы с политической элитой Запада, вступившей в конфликт с Россией? Что касается самих технопакетов, то это действительно так, а вот с замыкающими технологиями дело обстоит прямо противоположным образом.

⁵¹ Дэниел Канеман, Пол Словик, Амос Тверский. Принятие решений в неопределенности: Правила и предубеждения. — М.: Гуманитарный центр, 2005.

Клайтон М. Кристенсен, автор знаменитой концепции «подрывных инноваций»⁵², который в последние три года стал одним из самых востребованных бизнес-консультантов крупнейших корпораций мира, утверждает, что сами по себе «подрывные инновации» не базируются на каких-либо открытиях, а представляют собой

результат комбинации уже хорошо известных, отработанных технологий с добавлением к ним какого-либо оригинального элемента, увязывающего их в новую конфигурацию. По сути, технологическое основание подрывных инноваций практически идентично замыкающим технологиям перспективных технопакетов.

По данным К. Кристенсена, из 142 «подрывных инноваций», вычлененных за период 2001–2013 годов, 117 разработали и осуществили маленькие компании и стартапы, которые затем либо превращались в гигантов, либо покупались уже существующими лидерами отрасли. Singularity University (Университет сингулярности) в США в этом году опубликовал ещё более интересные цифры. За период с начала века из 100 коммерчески наиболее успешных инноваций 87 были созданы маленькими компаниями либо стартапами. Причём более 60% из них терпели банкротства, стояли на пороге разорения и т. п. и реализовывали свои разработки лишь со второго или третьего раза⁵³.

Иными словами, при наличии эффективного инструмента анализа и прогнозирования перспективных технопакетов и замыкающих технологий вполне возможно приобретать значительные доли в компаниях, которым предстоит создать замыкающие технологии и фактически в значительной мере контролировать наиболее перспективные технопакеты. Если бы «Роснано» занялось скупкой «подрывных инноваций», цены бы ему не было.

Большая часть технологий развивается, как установил ещё С. Лем и подтвердили последующие исследования, по законам, сходным с законами биологической эволюции. Однако есть исключения, своего рода «чёрные лебеди»⁵⁴ технологий, появление которых приводит к кардинальным переменам и предсказать которые либо невозможно, либо крайне маловероятно. Известный российский мыслитель и автор фантастических романов А. Столяров назвал такие технологии «эдем-технологиями»⁵⁵. Названием они обязаны тем, что появляются совершенно непредсказуемо, в каком-то смысле случайно, и кажутся не от мира сего.

⁵² Клайтон М. Кристенсен. Дилемма инноватора. Как из-за новых технологий погибают сильные компании. — М.: Альпина Паблишер, 2014. См. также: Клайтон М. Кристенсен, Скотт Энтони, Эрик Рот. Что дальше? Теория инноваций как инструмент предсказания отраслевых изменений. — М.: Альпина Паблишер, 2008. Клайтон М. Кристенсен, Майкл Е. Рейнор. Решение проблемы инноваций в бизнесе. Как создать растущий бизнес и успешно поддерживать его рост. — М.: Альпина Паблишер, 2014.

⁵³ Exponential Finance. Singularity University, 2014.

⁵⁴ Нассим Николас Талеб. Чёрный лебедь. Под знаком непредсказуемости. — М.: Колибри, 2009.

⁵⁵ Андрей Столяров. Освобождённый Эдем. — М.: АСТ, 2008.

Как уже отмечалось, появление таких технологий невозможно предсказать. Однако ещё в 60-е годы авиаконструктор и физик Роберто де Бартини совместно с философом, математиком и конструктором Побиском Кузнецовым решили изучить историю такого рода технологий. В результате работы, длившейся несколько лет, им удалось установить: все «эдем-технологии» когда-то были открыты, но использовались весьма неэффективно, чтобы не сказать — странно. Это позволило им разработать специальную методику поиска таких технологий среди всего массива уже совершённых открытий, изобретений, разработок. Самое удивительное, что эта методика оказалась никому не нужной и не была опубликована. Чтобы пояснить, о чём идёт речь, приведём лишь две выдержки из работ Р. Бартини — П. Кузнецова. Все хорошо знают, что первая промышленная революция началась с изобретения Дж. Уайтом паровой машины. Гораздо менее известно, хотя это и является непреложным, исторически подтверждённым фактом, что паровая турбина была изобретена в середине I века н.э. в Римской империи Героном Александрийским («вертушка Герона») и оказалась... никому не нужна. Её длительное время использовали как своеобразный сувенир, забавную игрушку. Хотя в ней реализовался не только принцип парового двигателя, но и принцип реактивного движения...

Второй пример — аборигены Америки не знали колеса. Империи ацтеков и инков обходились без него. Однако в поселениях инков археологи за последнее столетие нашли множество «колёсных» игрушек. То есть дети прекрасно играли в колёсные игрушки, а взрослые не приспособили колесо к повозке. Такие примеры из коллекции Р. Бартини и П. Кузнецова можно приводить страницами.

Наиболее мощный потенциал в качестве технологического оружия в рамках жёстких противоборств имеют так называемые «закрывающие» технологии. Впервые этот термин был введён в оборот в середине 90-х годов безвременно ушедшим оригинальным мыслителем С. Давитая.

Закрывающие технологии представляют собой технологические пакеты, позволяющие удовлетворить различного рода потребности на качественно более высоком уровне, чем это обеспечивают имеющиеся технопакеты, — как правило, с гораздо меньшими (иногда на порядки) затратами ресурсов, а также с блокировкой различного рода негативных

последствий, свойственных традиционным технологиям.

Поскольку «закрывающие технологии» по характеру своему разрушительны для господствующего технологического уклада, то они никому, кроме конечных потребителей, будь то население или институциональные структуры, категорически не нужны. Они, по сути, обесценивают имеющийся капитал в самых различных его формах: начиная от оборудования и заканчивая профессиональными компетенциями. Более того, они обладают свойством резко менять конфигурацию политических связей и властных иерархий, силовых балансов и даже элитных взаимодействий. Они вносят дезорганизацию и сумятицу в сложившиеся таблицы о рангах: не только научные и производственные, но и социально-политические. Наконец, эти технологии, будучи реализованными, значительно увеличивают турбулентность в технико-производственных, финансово-экономических и социально-политических компонентах общества. Поэтому всё, что связано с закрывающими технологиями, как правило, долгое время категорически отторгается на всех уровнях социума: от научного сообщества до государственной бюрократии. В предельных случаях разработчики закрывающих технологий подвергаются не только травле или изоляции, но даже уничтожаются физически. И причиной тому не какие-то загадочные заговоры, а элементарные нужды самосохранения господствующих элит и логика развития техноценозов, финансовой и иных сфер.

В силу ряда обстоятельств Россия до сих пор располагает определённым набором «закрывающих технологий», в том числе — прошедших тщательные процедуры верификации. При этом наша страна не является монополистом в сфере «закрывающих технологий». Технопакеты, которые после проведения верификации на реальную результативность, воспроизводимость и тиражируемость могут быть отнесены к «закрывающим технологиям», имеются и во многих других странах мира. При этом если в России из-за неразвитости её высокотехнологичной сферы разработчики «закрывающих технологий» просто попадают в разряд «новых лишних людей», то в высокотехнологичных странах они подвергаются угрозам и преследованию. Это даёт высокие шансы для аккумуляции такого рода технологий именно в России, под государственной защитой.

Поскольку закрывающие технологии являются двойными технологиями в том смысле,

что наряду со своим прямым назначением — удовлетворять какие-либо потребности — они являются мощным оружием нового поколения. Поэтому как сами эти технологии, так и методическая база работы с ними должны подвергаться процедурам засекречивания, а их авторы — находиться под государственной защитой. Кстати, значительная часть разработчиков верифицированных закрывающих технологий прекрасно понимает эти обстоятельства и сама выражает готовность работать либо полностью в государственных структурах, либо в структурах со значительным государственным влиянием.

В настоящее время имеются все необходимые предпосылки для того, чтобы оперативно развернуть работу по практическому использованию замыкающих, «эдем» — и закрывающих технологий для обеспечения в короткие (не исторические, а календарные) сроки при небольших по сравнению с возможными результатами затратах ресурсов решительного изменения в пользу России баланса сил и возможностей в технологической и иных сферах жёсткого конфликта с Западом.

Неотвратимый характер стратегического противоборства Запада против России, «новое лицо» войны и используемых вооружений и полей боя, подвижность и нестабильность конфигурации союзов и коалиций, формирующихся относительно осевого противоборства, позволяют сделать несколько принципиальных выводов.

Первое. Ключевая задача Запада — это уничтожение российского субъекта стратегического действия в стадии его формирования. Она решается при помощи «операций на основе эффектов», которые предполагают деструкцию нынешнего политического руководства Российской Федерации. В этой связи системообразующей задачей является наличие устойчивого высшего политического ядра как несущей конструкции завершения формирования субъекта стратегического действия. Соответственно, во главу угла должно быть поставлено проведение комплекса мер по пресечению разнообразных и разнородных системных мероприятий по деструкции политического ядра.

Второе. Нельзя не учитывать, что жёсткий конфликт России с правящими элитами Запада происходит в исторически неблагоприятной для нашей страны ситуации. Наш противник обладает многочислен-

ными качественными и количественными преимуществами по многим позициям. В то же время наши потенциальные союзники имеют собственные интересы, которые по различным финансово-экономическим и демографическим причинам интегрируют их в глобальную мирохозяйственную систему «финансизма». В этих условиях для России жизненно необходимо максимальное использование всех внутренних ресурсов, а также бережное отношение к уже сложившимся союзам и осуществление разнообразных мер по их укреплению, что должно подкрепляться поиском новых союзников на Западе и на Востоке, на Юге и на Севере.

Третье. В условиях превосходства Запада над Россией необходимой становится мобилизация всех имеющихся ресурсов на нужды развития страны и создания асимметричных средств сдерживания противника в ходе жёсткого противоборства. При этом, отдавая себе отчёт в неизбежных тяготах любого противоборства для населения страны, необходимо при проведении мер по всесторонней модернизации учитывать не клановые и элитные предпочтения, а интересы всех основных, в первую очередь активных и деятельных групп и слоев социума, открыть для них новые возможности и перспективы.

Четвёртое. Запад понимает, что нынешний конфликт с Россией носит не только и даже не столько экономический или политический, сколько ценностный характер. Речь идёт о выборе перспективы развития человечества. В этой ситуации на первый план выступают вопросы ценностной идентичности, ориентации на производство и творчество, а не на потребление и расхищение ресурсов. По сути, речь идёт о выборе, превосходящем даже цивилизационную идентичность. Люди различных систем ценностей сегодня имеются во всех цивилизациях. Соответственно, принадлежность к той или иной стране, группе стран и даже цивилизаций не является основанием для разделения на «своих» и «чужих». Поэтому на первый план выступают не вопросы формирования каких-то искусственных, придуманных идеологий или тем более юридических и нормативных предписаний, а скрупулёзное и коллективное определение ценностной идентичности всех тех, кто выступает за развитие, труд и, в конечном счёте, добро, против стагнации, потребления и индивидуалистического эгоизма.

/ Сергей БАТЧИКОВ /

Русский мир и глобализация

*России вновь предстоит предложить
альтернативный проект будущего, исходящий
из русских смыслов*

ПРОЕКТ «ГЛОБАЛИЗАЦИЯ»: ПОБЕДИТЕЛИ И ПОБЕЖДЁННЫЕ

Разработка проекта «Глобализация» была осуществлена теми же организациями, теми же людьми и теми же методологическими средствами, что и доктрина холодной войны. Идеологи глобализации пытаются представить её как объективное и исторически неизбежное сближение государств мира как рост взаимосвязи наций, обусловленный углублением международного разделения труда, расширением мировой торговли и стремительным развитием современной техники, коммуникаций и СМИ. За производственно-технологическим аспектом глобализации при этом скрывают истинные цели этой тщательно разработанной стратегии — установление нового мирового порядка и формирование однополярного мира.

Убедительное определение глобализации приводит А. Б. Вебер, по мнению которого, *«глобализация представляет своего рода кентавром, «тело» которого — технологическая революция в сфере информатики и телекоммуникаций, ускоренный рост транснациональных переводов капитала и международной торговли, растущая взаимозависимость обществ, а «голова» и «руки» — правительства США, других стран «Большой семёрки» и контролируемые ими международные финансовые организации, действующие согласно принципам «вашингтонского» консенсуса, в духе идеологии и политики неолиберального рыночного глобализма».*

Фатальное решение о демонтаже системы «мягкого», социального кейнсианского капитализма и «возврате к истокам» было принято на Западе в 70-е годы прошлого века, когда стало ясно, что эпоха «модерна», основанием которой был большой проект Просвещения, подходит к концу — импульс индустриализма исчерпал свой ресурс. Идеологической основой нового курса стал неолиберализм. На пути «возврата к истокам» логика борьбы заставила за последние сорок лет «проскочить» и классический либерализм, и обновление Реформации, и духовность раннего христианства, и, наконец, докатиться до неоязычества, до полного отказа от гуманистических универсалистских идеалов.

В гуманистической футурологии Тоффлера предполагалось, что постиндустриальное общество будет отличаться от цивилизации «второй волны» особой ролью науки, образования и культуры, а его центральным социальным институтом будет не промышленное предприятие, а университет. Однако «неолиберальная

волна» толкнула развитие Запада на иной путь — к господству «ростовщика», спекулятивного финансового капитала. Главными институтами стали не университет и лаборатория, а биржа и банк, соединённые в глобальную сеть. И постепенно ростовщик взял человечество за горло, что имело огромные мировоззренческие последствия. А. С. Панарин писал: *«Монетаризм — больше чем одно из экономических течений. Он является сегодня, может быть, самой агрессивной доктриной, требующей пересмотра самих основ человеческой культуры — отказа от всех традиционных сдержек и противовесов, посредством которых любое общество защищалось от агрессии денежного мешка... Все прежние моральные добродетели, заботливо культивируемые человечеством на протяжении всей его истории, отныне осуждены в качестве протекционистской архаики, мешающей полному торжеству обмена».*

Стратегия глобализации априори предполагает появление в результате её реализации побеждённых и победителей. В 1990 г. один из идеологов мондиализма, президент Европейского банка реконструкции и развития Жак Аттали весьма откровенно охарактеризовал эту программу мироустройства в своей книге «Тысячелетие. Победители и побеждённые в грядущем мировом порядке». *«В грядущем новом мировом порядке будут побеждённые и победители. Число побеждённых, конечно, превысит число победителей. Они будут стремиться получить шанс на достойную жизнь, но им, скорее всего, такого шанса не предоставят. Они окажутся в загоне, будут задыхаться от отравленной атмосферы, а на них никто не станет обращать внимания из-за простого безразличия. Все ужасы XX столетия поблекнут по сравнению с такой картиной».*

В 90-х годах прошлого века неолиберализм одержал победу во всемирном масштабе, и с тех пор процессы глобализации происходят с ускорением.

В ходе глобализации рост экономики ведущих стран достигается не столько за счёт развития производства, сколько посредством перераспределения богатства между сильными и слабыми странами. Осуществляется оно с помощью резкого **ослабления национального государства** (обычно после затягивания его в долговую ловушку), приватизации и скупки всех видов национальных ресурсов, включая природные. При этом и национальное государство под давлением международных финансовых институтов («мирового правительства») начинает служить инструментом такой глобализации — прежде всего проводя прива-

тизацию и сокращая расходы на социальные нужды и на поддержание таких национальных систем, как наука и культура. Государства же организуют потоки массовой нелегальной миграции рабочей силы, делая её совершенно бесправной и резко удешевляя её цену.

В процессе глобализации целенаправленно осуществляется перестройка массового сознания и мировоззрения посредством жёсткого воздействия современных средств манипуляции всей духовной сферой человека с применением информационных и социокультурных технологий. Это — мировая **информационно-психологическая война**. В ходе её происходит разрушение культуры солидарности, широкое внедрение культа денег и социал-дарвинистских стереотипов в представлении о человеке и обществе. Способность больших масс населения к сопротивлению и самоорганизации парализуется.

Все это ведёт к концентрации контроля над финансовыми, военными и информационными ресурсами с образованием одной гиперимперии — США. Запад делегирует ей полномочия мирового жандарма, судьи и палача, насилие которого становится легитимным в глобальном масштабе. Создаётся мироустройство по типу «неоантичности»: новый языческий Рим с его центурионами и легионами следит за порядком в огромном глобальном ГУЛАГе, где трудится «*внешний пролетариат*», обеспечивающий средствами жизни и комфорта интернациональную расу «неокочевников» — господствующего глобального меньшинства, не привязанного ни к какой территории или национальной культуре.

Провозглашаемый идеологами глобализации «хаос свободы» на деле оказывается хаосом для людей и свободой для людоедов. Приспособиться к такому хаосу наступающей цивилизации каннибалов может только преступный мир и сплочённая криминализованная бюрократия. Все остальные должны либо смириться с положением рабочего скота в глобальном ГУЛАГе, либо организовать для сопротивления этой орде кочевников.

«ПЕРЕСТРОЙКА» — ТРИУМФ ГЛОБАЛИЗАТОРОВ

Главным препятствием нынешней волне глобализации служил Советский Союз. По мнению идеологов нового мирового порядка, СССР и всю социалистическую систему необходимо было уничтожить, поскольку они представляли альтернативу глобализации, служили моделью

и зародышем иного мироустройства. Этот зародыш не удалось убить интервенцией, а затем блокадой 20-х годов XX века, затем агрессией фашизма. Он стал стремительно расти и развиваться, так что возникала мировая система кооперации и соединения ресурсов развития, высвобождающихся из-под диктата мировой капиталистической системы, построенной по принципу «метрополия–периферия». Если бы эта альтернативная система окрепла, метрополия лишилась бы главных источников своего богатства и возможности высасывать ресурсы у большей части человечества.

Против этой альтернативной системы в 1946 г. и была начата третья мировая война нового типа, холодная, экономическая и информационно-психологическая. Если бы СССР не успел создать атомную бомбу, то, несомненно, стал бы объектом и атомных бомбардировок, что, как свидетельствуют рассекреченные документы первого этапа холодной войны, было закреплено в стратегии Пентагона.

Информационно-психологическая война против СССР усилилась с приходом Горбачёва. Идеологическая война на уничтожение советского государства велась против всех его систем — от армии и хозяйства до образования и здравоохранения. Общество испытало культурный шок, сознание было приведено в хаос. Положение усугублялось тем, что в 70-е годы в результате урбанизации и индустриализации возникло первое в истории, неизвестное по своим свойствам сытое общество, поколение людей, не видевших массовых социальных страданий, что привело к ослаблению прежней мировоззренческой основы советского строя и оснований его легитимности.

Для разрушения СССР была эффективно использована технология мятеж-войн, разожжённых союзами политических и преступных группировок. Они были тесно связаны с политическими центрами в Москве, получали из центра щедрое финансирование и оружие, а их информационное прикрытие носило международный характер. Ещё одним орудием подрыва стало втягивание его в «большую коррупцию» в конце 80-х годов.

В конце 80-х годов против СССР была проведена экономическая война, в основном силами внутренних союзников США (можно считать её гражданской войной). Группировке Горбачёва удалось в короткий срок (1988–1990 гг.) разрушить финансовую систему и потребительский рынок СССР. В Советском Союзе финансовая система состояла из двух «контуров». В производ-

стве были безналичные («фиктивные») деньги, они погашались взаимозачётами. На потребительском рынке действовали обычные деньги, масса которых регулировалась в соответствии с массой товаров. Это позволяло поддерживать низкие цены и не допускать инфляции. Такая система могла действовать лишь при запрете перевода безналичных денег в наличные. Масштаб цен в СССР был иным, нежели на мировом рынке, и рубль мог циркулировать лишь внутри страны. Для этого были необходимы государственная монополия внешней торговли и неконвертируемость рубля. В 1989 г. оба контура финансовой системы СССР были разомкнуты: отменена монополия внешней торговли, начался массовый вывоз товаров за рубеж. Было разрешено превращение безналичных денег в наличные, рост доходов при сокращении товарных запасов привёл к краху потребительского рынка. Оттянуть развязку пытались за счёт дефицита госбюджета, внутреннего долга и продажи валютных запасов. Средства перекачивались из накопления (инвестиций) в потребление — «проедалось» будущее развитие и рабочие места. Неожиданная и непонятная для населения внезапная разруха и нехватка товаров вызвали шок, который и был использован для уничтожения СССР.

После 1991 г. экономическая война была продолжена уже против России. Совместно

с американскими советниками был разработан план тотальной приватизации, которая на деле была разрушением всего народного хозяйства. За три года производство сократилось наполовину, а самое наукоёмкое производство — в 6 раз. У населения были экспропрированы хранящиеся в государственном банке накопления в размере 450 млрд долл. За рубеж были вывезены ценности (в виде товаров, сырья и дорогих материалов) на сумму, которая не поддаётся точному измерению, но составляет сотни миллиардов долларов. В 1995 г. был проведён второй цикл приватизации, создавший слой «олигархов», которым были переданы наиболее рентабельные отрасли экономики (добыча нефти и металлургия). Так, крупнейшая нефтяная компания была «продана» Роману Абрамовичу за 100 млн долл. Он хищнически эксплуатировал её, составив себе многомиллиардное состояние, а в 2005 г. государство «выкупило» эту компанию обратно за 13 млрд долл.

Национальный рынок был просто «сдан» иностранным конкурентам, которым правительство России даже оказывало поддержку, дискриминируя отечественных! Так, в 1992 г. правительство Ельцина закупило у российского села 26,1 млн тонн зерна по 28 долл. за тонну, а у западных фермеров — 28,9 млн тонн зерна по 143,9 долл. за тонну. Нобелевский лауреат Дж. Стиглиц пишет, что в ходе реформы в Рос-

сии принимались «наихудшие решения из всех возможных». Наихудшие — если смотреть с точки зрения интересов страны, но наилучшие с точки зрения противника, разрушающего экономику этой страны. К числу таких решений, навязанных западными «советниками», относится и сравнительно недавнее вступление России в ВТО — один из главных инструментов неолиберальной глобализации.

Мощным оружием разрушения страны стало внедрение системы потребностей, удовлетворяемых только через Запад, и «вербовка» элиты с её превращением в антинациональную силу. Повреждение механизмов скрепления народа, его демонтаж — одно из важных средств войны во все времена. Был произведён демонтаж исторической памяти, причём на очень большую глубину, опорочены или осмеяны символы, скреплявшие национальное самосознание, в людях разжигалось антигосударственное чувство, неприязнь к главным институтам

государства. Разрушительным ударам подвергались все институты, генерирующие связи, соединяющие людей в народ, — школа, армия, наука, литература. К 1991 г. советский народ был в значительной степени «рассыпан» — осталась масса людей, не обладающих надличностным сознанием и коллективной волей. В результате поражения СССР произошла архаизация сознания образованных людей. В России с конца 80-х годов произошло разрушение или глубокая деградация инструментов рефлексивного мышления. Перестройка так и замышлялась — как стирание нашей исторической памяти, возвращение на «столбовую дорожку цивилизации».

В 80-е годы едва ли не главный удар холодной войны был направлен на разрушение системы межнационального общежития. С конца 80-х годов прилагались огромные усилия, чтобы в нерусских народах разбудить «племенное» сознание — этнический национализм, обращённый вспять, в мифический «золотой век», который якобы был прерван присоединением к России.

Развал СССР, а затем и нынешней России — необходимый этап в доктрине глобализации, которая созревала в неолиберальной философии с конца 70-х годов. Это и этап на пути к тому состоянию, что сегодня называют «Поминки по Просвещению». Нельзя не согласиться с А. С. Панариным, который полагал, что дробление мира на мелкие государства и потакание этносепаратизму были связаны с новейшим либеральным замыслом: оставить «единственную сверхдержаву в окружении мира, представленного исключительно малыми и слабыми странами».

ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ВОЙНА ПРОТИВ РУССКОГО МИРА

В 1997 г. один из идеологов глобализации З. Бжезинский в своей книге «Великая шахматная доска» написал, что «новый мировой порядок при гегемонии США создаётся против России и на обломках России». События на Украине не оставляют сомнений в том, что Запад, ведомый США, начал цивилизационную войну против России и всего русского православного мира, войну на уничтожение. Начатая цивилизационная война — это война без правил. Точнее, правило в ней только одно — Россия не права всегда, во всём и при любых обстоятельствах (достаточно вспомнить, что, по мнению ЕС и Б. Обамы, Россия не права даже при оказании гуманитарной помощи бедствующему населению Донбасса).

Западные СМИ неизменно представляют Россию чем-то вроде бензоколонки, выдающей себя за страну, а русских — «отупевшими от беспробудного пьянства варварами» (из выступления Р. Петерса на форуме Американского института предпринимательства). Россия — «разваливающаяся страна» (журнал *New Republic*), «Россия кончена» и скатывается к социальной катастрофе и забвению (журнал *Atlantic*), «Россия — умирающий медведь» (*Foreign Affairs*). Дирижёры информационно-психологической войны пытаются окутать нас мглой безысходности и убедить в том, что сопротивление бесполезно.

В чём причина царящей сегодня на Западе антироссийской истерии? Огромные запасы природных ресурсов всегда не давали покоя нашим западным «партнёрам». Мечта транснационального капитала — взять их под полный контроль и свободно распоряжаться ими, используя для добычи ограниченный контингент «аборигенов» (достаточно вспомнить тезис Маргарет Тэтчер о том, что российское население слишком велико, для добычи и транспортировки имеющихся ресурсов будет вполне достаточно 15 млн человек). Избежать «риска разбазаривания сырья по национальным квартирам» — один из принципов глобализации. Эту идею конкретизировала в своё время государственный секретарь США Мадлен Олбрайт, которая посчитала «несправедливым, что Россия обладает такими огромными природными ресурсами». Речь идёт о запасах не только минеральных ресурсов, но и пресной воды, дефицит которой увеличивается с каждым годом.

После развала СССР Россия была близка к утрате суверенитета над своими природными ресурсами. Экономическое положение страны было во многом более тяжёлым, чем после горячих войн, — промышленное производство остановлено, поля опустели, экономические связи разорваны, капиталы вывезены, население было деморализовано и вымирало, экономическая политика определялась директивами МВФ и указаниями западных советников и не имела ничего общего с национальными интересами. Послушная поверженная Россия образца 1990-х полностью отвечала интересам Запада. Это было время дежурных американских улыбок, обещаний и похлопываний лидеров новой России по плечу. «Империя добра» уже рассматривала Россию в качестве геополитического банкрота и праздновала установление однополярного мира.

Однако русская православная цивилизация всегда находила достойный ответ на внешние

вызовы, будь то Смутное время, нападение Наполеона или вторжение нацистской Германии, — и выскальзывала из приготовленной для неё ловушки. Настоящим шоком для Запада стала Мюнхенская речь Путина в 2007 г., в которой он заявил, что США не удалось выстроить мир под одного суверена, что эпоха однополярного мира закончилась и что Россия, всегда пользовавшаяся привилегией проводить независимую внешнюю политику, не собирается изменять этой традиции и сегодня. По сути, это был первый внятный сигнал Западу о том, что Россия по свистку не собирается принимать положение «смирно», что у неё есть свои представления о справедливом мироустройстве и она не хочет быть втянутой в процесс глобализации под эгидой США. Реакцией на эту речь стала беспрецедентная по формулировкам статья в *Los Angeles Times* под названием «Путин: вошь, которая зарычала». Причина её появления очевидна: Россия отошла от края пропасти, в которую её уже почти столкнули неолиберальные глобализаторы, и в очередной раз выскользнула из приготовленного капкана. Она не только из него выскользнула, но и смеет заявлять о своих интересах! И Путин мгновенно превратился во врага № 1 глобалистской элиты. Его обвиняют в иррациональности и мании величия, сравнивают с Гитлером, для борьбы с его популярностью в России вновь мобилизуется (и под правыми, и под левыми лозунгами) антисоветская «пятая колонна». А ведь после Мюнхенской речи была операция по принуждению к миру Грузии, поддержка Сирии, создание Евразийского экономического союза и, наконец, переполнившее чашу терпения Запада присоединение Крыма.

«Возрождение Российской империи в той или иной форме представляет значительно большую угрозу Соединённым Штатам, чем Исламский мир», — заявил основатель и бессменный глава Stratfor Global Intelligence (именуемой не иначе как «теневое ЦРУ») Джордж Фридман. «...Поэтому задача предотвращения усиления России должна преобладать над всеми остальными». С каждым днём мы видим всё больше свидетельств того, что именно эта задача положена в основу американской внешней политики. Очередным подтверждением стало выступление Обамы на сессии Генеральной ассамблеи ООН, в котором он удостоил Россию второго места в списке угроз международному миру и безопасности (на первом — вирус Эбола, на втором — «российская агрессия в Европе» и уже на третьем — ИГИЛ и прочие террористы).

А буквально через несколько дней замминистра обороны США Б. Ворк, выступая в американском Совете по международным отношениям, обвинил Россию в том, что она хочет пересмотреть сложившийся мировой порядок, и пригрозил, что США могут ответить на угрозу военными методами.

Именно задаче предотвращения усиления России служат спровоцированные «хозяевами мировой игры» события на Украине. Лишить Россию исторических союзников, убедив украинскую элиту в перспективности союза с Западом против России было их давней мечтой. Для Украины в отношениях с Западом началась пора улыбок, щедрых посулов и одобрительных похлопываний по плечу. Одновременно под аплодисменты новых «друзей» затягивается экономическая удавка на шее Украины. При этом все понимают, что вне задачи «предотвращения усиления России» Украина «хозяевам истории» не интересна. Если же каким-то невероятным чудом Украина сумеет выскользнуть из «партнёрских» объятий Запада и избежать участи «конченной страны» и при этом посмеет заявить о своих национальных интересах, то ответом ей будет звериный оскал «хозяев истории». Истории о том, как США «сливают» своих «недостаточно эффективных» союзников, хорошо известны. Президент Порошенко мог бы, к примеру, освежить в памяти, чем окончилась дружба с США для президента Южного Вьетнама Нго Динь Зьема.

АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ ПРОЕКТ БУДУЩЕГО

Запад всегда пытался насаждать свои ценности, выдавая их за универсальные, стремился переформатировать весь мир по своим лекалам и стандартам. Сначала это были ценности цивилизации против варварства, потом ценности западноевропейского христианства, да так ловко поданные, что ради них оказалось возможным разграбить христианскую Византию и попытаться захватить земли православных славян. Потом громили и жгли еретиков и ведъм (конфискуя их собственность). Потом понесли по свету ценности «Просвещения», а также «свободы, равенства и братства», концентрированным выражением которых явились гильотина и ядерный гриб над Хиросимой. Теперь — блага «демократии» и «общечеловеческих ценностей». А за колоннами этих «подвижников» — дымы пожаров, руины Вьетнама и Ирака, Ливии и Сирии, десятки миллионов оборванных жизней.

С каждым днём мы наблюдаем всё больше свидетельств того, что образ будущего мироустройства в доктрине глобализации становится всё более антигуманным. Мир как будто тащат к неоязыческому разделению на высшую и низшую расы, рушат всё здание идеальных принципов и международных норм, выстроенное в новое и новейшее время. Какую модель может предложить Русский мир как альтернативу «звериной» глобализации?

Русская православная цивилизация (какие бы формы она ни принимала в конкретных исторических условиях) по главным вопросам бытия всегда предлагала человечеству свою систему ценностей, рисовала отличный от доминирующего на Западе образ будущего и предлагала иные решения. Она стала не просто конкурентом Запада, но и его экзистенциальным, бытийным оппонентом. Если лицо западной цивилизации определяют индивидуализм и культ мамоны, а мера счастья людей оценивается по материальному богатству, то русская православная цивилизация воспринимает общество как единую семью, в которой объединение усилий, взаимоподдержка и взаимовыручка являются нравственным императивом. Русская цивилизация основана на принципах разумной достаточности, на стремлении не к материальному, а к социальному прогрессу, не к частной свободе, а к общей гармонии. Мерой оценки людей является не материальное богатство, а богатство души. Недаром Достоевский вложил в уста Версилова такие слова: «Одна Россия живет не для себя, а для мысли...»

Попытка втянуть Россию в периферию большого западного общества и заставить жить по чужим законам, вопреки собственным историческим и культурным традициям, едва не закончилась трагически. Эта попытка привела к огромным страданиям большинства народа. Попытка внедрить в России неолиберальную идеологию, провозглашающую свободу индивидуума от всего (в том числе от общества, от этики, от совести и от Бога) и предполагающую, что только индивидуализм, забота о себе, создание личной карьеры, обрывание всех социальных связей являются путём к благополучию, наткнулась в России на традиционное солидарное общество. В русской философии для него существует понятие «соборность», означающее свободное духовное единение людей как в церковной жизни, так и в мирской общности, общение в братстве и любви. Аналогов в других языках этот термин не имеет.

Брукингский институт, входящий в число ведущих американских аналитических центров, в одном из своих исследований отмечал, что российские семьи способны переживать невероятные трудности, даже такие, как в девяностые годы, благодаря *неформальным механизмам взаимопомощи*. И вот эти механизмы неолбералы всячески пытались и пытаются разрушить. В 1984 г. один из идеологов неолберализма Фридрих фон Хайек во время полемики с Улофом Пальме заявил, что для существования рыночной экономики необходимо, чтобы люди освободились от некоторых природных инстинктов, среди которых он выделил чувства человеческой солидарности и сострадания.

Идея человеческой солидарности пронизывает российскую историю и культуру на протяжении многих веков. Со времён крещения Руси слова Спасителя о том, что «нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих», настраивали мысли и чувства наших предков на служение евангельскому нравственному идеалу. Русский философ Иван Александрович Ильин определял государство исключительно через понятие солидарности, называя его «организованным единением духовно солидарных людей». В этом коренное отличие русской православной цивилизации от западной, в основу модели устроения обще-

ства которой положена система противостояний, конкуренции и борьбы, якобы необходимых для прогресса (по Гоббсу — «война всех против всех»). Баронесса Тэтчер дошла даже до отрицания самого понятия «общество» и заявила, что не существует «такого явления, как общество, — только отдельные мужчины и женщины».

Солидарные ценности пронизывают всё пространство отечественной культуры. Приемлемый для большинства альтернативный образ будущего может и должен быть построен именно на этой основе. Своя правда, противопоставленная культу наживы и идеям перманентного конфликта, будет не только понята и принята молодёжью, но, несомненно, получит поддержку миллионов тех людей и в Европе, и в Америке, которые ещё не освободились от «химеры совести» и трезво оценивают проводимую Западом политику.

Сила и авторитет любой цивилизации определяются в конечном итоге не объёмом ВВП и не военной мощью, а теми идеями, которые она несёт. «Не в силе Бог, но в правде», — произнёс князь Александр Невский, получивший известие о вторжении шведов. Именно она, а не число лошадиных сил танковых моторов, не мощь информационных потоков, измеряемая в битах, определит исход решающей битвы метафизической войны смыслов.

/ Александр ДОМРИН /

О рычагах НОВОЙ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Чему следует учиться нашим законодателям и правоведам у их западных коллег

России объявлена новая холодная война. Если у кого-то ещё были иллюзии на этот счёт, то после выступления президента США Барака Обамы на 69-й сессии Генеральной ассамблеи ООН 24 сентября 2014 года не остаётся сомнений, что вокруг России возводится новый «железный занавес».

Как первая холодная война, так и её новая версия оформлена юридически. России холодная война не нужна, но нам надо учиться у наших трансатлантических «партнёров» тому, как юридически грамотно, тщательно и последовательно оформлять документы, направленные на защиту наших национальных интересов.

Ещё до выступления Обамы на последней сессии Генассамблеи ООН начало новой холодной войны было очевидно для юристов-международников. Достаточно сравнить основные законодательные акты, юридически оформившие первую холодную войну против СССР, с антироссийскими законами США последних двух десятилетий.

Более полувека каждый год в третью неделю июля в США отмечается так называемая «неделя порабождённых народов» (Captive Nations Week). Впервые проведённая в 1953 году, в 1959 году с принятием резолюции Конгресса США «неделя порабождённых народов» приобрела официальный статус. 17 июля 1959 года президент Дуайт Эйзенхауэр придал ей силу закона (Public Law 86–90).

Согласно закону, «начиная с 1918 года империалистическая и агрессивная политика русского (*именно русского!* — А. Д.) коммунизма привела к созданию обширной империи, которая представляет собой зловещую угрозу безопасности Соединённых Штатов и всех свободных народов мира». От «агрессии коммунистической России» (*именно России!* — А. Д.) национальной независимости лишились не только многие европейские государства, но и Тибет, Северный Вьетнам, континентальный Китай и ещё многие страны Евразии, включая вымышленные республики «Идель-Урал», «Казакия» и «Белая Рутения».

Более чем любопытна следующая деталь: автор резолюции Конгресса США о «порабождённых народах» украинский националист Лев Добрянский заимствовал сами названия

несуществующих «Идель-Урал» и «Казакия» у гитлеровских теоретиков. Такие наименования были придуманы составителями военного плана «Ост» для обозначения территорий Урала и Северного Кавказа.

В 1974 году под воздействием влиятельного еврейского и израильского лобби в США была принята поправка к Закону «О торговле», более известная как поправка Джексона–Вэника (The Jackson–Vanik Amendment). (По некоторым данным, автором поправки является бывший советник сенатора Джексона неоконсерватор Ричард Перл.)

Поправкой запрещалось предоставлять режим наибольшего благоприятствования в торговле, государственные кредиты и кредитные гарантии странам, которые нарушают или серьёзно ограничивают права своих граждан на эмиграцию, а также другие права человека.

Условия, содержащиеся в поправке, были справедливо охарактеризованы правительством СССР как вмешательство во внутренние дела страны и отвергнуты, в результате чего СССР было отказано в режиме наибольшего благоприятствования. Советский экспорт в США облагался пошлинами, в десять раз превышающими обычные.

Вскоре после победы первой «оранжевой революции» был поднят вопрос о необходимости отмены поправки для Украины, что и произошло в начале 2006 года как своего рода предвестник будущих печенюшек от мадам Нуланд.

Ставшая пережитком 1970-х годов, поправка Джексона–Вэника была также отменена в отношении России в конце 2012 года, но — и тут мы видим очевидный мостик между антироссийским законодательством США, юридически оформившим первую и новую холодную войну! — в обмен на принятие так называемого «акта Магнитского» (Sergei Magnitsky Rule of Law Accountability Act) и содержащихся в нём лукавых санкций в отношении лиц, ответственных, с точки зрения «вашингтонского обкома», за «нарушение прав человека и принципа верховенства права».

Кстати, в США до сих пор продолжает действовать фонд Генри М. Джексона, основанный тем самым сенатором Джексоном, ставшим

инициатором принятия известной поправки. «Миссией» фонда является «поддержка тех сил в российском обществе, которые борются против этнической и религиозной нетерпимости и национального экстремизма». Фондом предоставляются гранты для «обучения российского населения лучшему пониманию советского периода и его репрессий». Как говорится, Джексон умер, но дело его живет. Явный анахронизм первой холодной войны, фонд Генри М. Джексона, вновь востребован в новой холодной войне.

«Акт Магнитского» не был первым американским законом новой холодной войны. Начало было положено законом «О демократии в России» (Russian Democracy Act of 2002, Н. R. 2121) 2002 года. Поэтому последний заслуживает более подробного рассмотрения.

Символично, что проект закона конгрессмена-демократа из Калифорнии Тома Лантоса был внесён на рассмотрение палаты представителей США в День независимости России — 12 июня 2001 года. Вступивший в силу 23 октября 2002 года, закон подвёл итоги 10-летнего «демократического» режима в России и поставил новые цели и задачи для внешней политики США на российском направлении.

В законе, в частности, с удовлетворением констатируется, что в 1992–2002 гг. американское правительство организовало визиты и поездки по стране для примерно 40 тысяч граждан РФ; правительство США оказало содействие в образовании и финансовой поддержке 65 тысяч общественных «неправительственных» групп и объединений в России и «тысяч независимых местных СМИ, несмотря на противодействие со стороны правительства» (ст. 2 (а) (3) (А)).

Цифры поразительные. Законодатели с Капитолийского холма сами признают, что Соединённые Штаты и деньги американского правительства стояли за каждым седьмым из 445000 НПО, которые были зарегистрированы в России в 2001 году, когда разрабатывался этот законопроект. На каждые 2100 человек российского населения приходилось по одной «общественной» организации, созданной и финансируемой Вашингтоном. Интересно, как бы Белый дом отнёсся к идее об образовании и финансировании Кремлём 130 тысяч «общественных» организаций в США (по одной на 2100 человек, как в России), деятельность которых была бы направлена на «достижение политических изменений». И сколько минут прошло бы между получением первого финан-

сового транша из-за океана руководителями таких «общественных» организаций в США и их арестом сотрудниками ФБР?

Говоря об успехах российской демократии, авторы акта особо отмечают «в значительной степени свободные и честные парламентские выборы в России 1995 и 1999 годов» (ст. 2 (а) (3) (В)). Отчего же только в 1995 и 1999 гг.? Чем же предыдущие выборы американцам не угодили?

Напомню, что даже такие авторитетные зарубежные организации, как Федеральная избирательная комиссия США и нью-йоркский Комитет юристов за права человека, наблюдатели которых пристально отслеживали ход первых демократических выборов на Съезд народных депутатов в марте 1990 года, единогласно признали их «самыми свободными за [всю] историю России». С выборами 1993 года тоже всё понятно. Вроде бы и ненавистный «красно-коричневый» Верховный совет расстреляли, и выборы в новое Федеральное собрание объявили одним из «основных приоритетов внешней политики США», и, как того требовала группа конгрессменов в письме президенту Клинтону от 26 октября 1993 г., «как можно больше помощи демократическим кандидатам в России» предоставили (в том числе в виде пакета «помощи» «реформаторам» в России и других бывших советских республиках в размере 2,5 миллиарда долларов США), а неблагодарные русские за «неправильных» депутатов проголосовали. «Сдурела Россия», да и только, как самокритично выразился Юрий Карякин. Ну как такие выборы могут быть признаны американскими стратегами «свободными и справедливыми»? Вот если бы Гайдара с Явлинским российские избиратели поддержали, тогда да!

Как в капле воды, в билле «О демократии в России» на различных стадиях его прохождения в конгрессе отразилось общее колебание американской «генеральной линии партии» в отношении не только парламентских, но и президентских выборов в России. Согласно первоначальному проекту закона, «свободными и справедливыми» объявлялись не только выборы в Федеральное собрание 1995 и 1999 гг., но и президентские выборы 1996 и 2000 годов. В ходе доработки билля в Комитете по международным делам Палаты представителей и при голосовании в нижней палате конгресса упоминание президентских выборов из законопроекта вылетело. Ну наконец-то и конгрессмены США устыдились

называть позорище с переизбранием Ельцина «свободными и справедливыми» выборами. Но, сохраняя хорошую мину при плохой игре, американские законодатели вместе с выборами 1996 года решили снять и упоминание о первых президентских выборах В.В. Путина.

Объявляя «успех демократии в России» предметом «национальной безопасности» США (ст. 2 (а) (6), 3 (а) (1)), закон заявляет о необходимости «правительству США выработать долгосрочную и гибкую стратегию, направленную на усиление поддержки российским обществом демократии и рыночной экономики» (ст. 2 (а) (6)).

Кто спорит против необходимости развития демократии, против построения в России правового государства и прочих гордых целей, провозглашённых в законе? Вопрос в том, как США собираются этого добиваться. И вот здесь-то и возникают проблемы. Кто из находящихся в здравом уме, например, может согласиться с тем, что позитивную роль в деле развития демократии в России, восстановления отечественной экономики может играть такая русофобская организация, как радиостанция «Свобода», давно дискредитировавшая себя наследница холодной войны? Но именно ей (вместе с «Голосом Америки») билль поручает применять «новые инновационные подходы» к вещанию на Россию, в частности, «на местных языках» (ст. 5 (b)).

Закон «О демократии в России» поручает правительству США «продолжить и усилить помощь демократическим силам в РФ» (ст. 3 (а) (2)). Каким именно «демократическим силам»? Закон уточняет: члены правительства США и должностные лица должны «регулярно встречаться с демократическим активистами, правозащитниками... реформистски настроенными политиками из Москвы и других регионов РФ» (ст. 3 (b) (4)). Нетрудно прогнозировать, что в реальной жизни данное законодательное поручение в основном свелось к продолжению подпитки Вашингтоном прозападных политиков, «агентов перемен», либеральной столичной интеллигенции, вечной отечественной диссиды.

На реализацию поставленных целей конгресс обязался ежегодно выделять 50 млн долларов (ст. 6).

В последней момент сенаторы дополнили законопроект ещё одной статьёй, уполномочивающей президента Буша предоставить богатому еврейскому Университету Брандэйса (г. Бостон), в который Е. Боннер переправи-

ла архив мужа, полтора миллиона долларов для «приобретения и сохранения документов, относящихся к жизни Андрея Сахарова» (ст. 7).

Но какое отношение весь этот гешефт имеет к реальному развитию демократии в России?

Что же касается финансирования политических партий и «реформистски настроенных политиков» из-за рубежа, такого рода деятельность прямо запрещена российским законодательством. Как и аналогичными нормами в любой стране «западной демократии», включая США. Закон 1971 года «О федеральных избирательных кампаниях» (Federal Election Campaign Act) содержит однозначный запрет в отношении «иностранного гражданина, пря-

мо или косвенно, делать: а) вклад или пожертвование денег или другого ценного предмета, или делать явным или подразумеваемым обещание внести свой вклад или пожертвование на федеральных, штатских или местных выборах, б) вклад или пожертвование комитету какой-либо политической партии» (2 U.S. C. 441e).

Не вызывает сомнения, что ни одно суверенное демократическое и уважающее себя государство не допускает вмешательства (тем более финансового вмешательства) иностранных держав в свой избирательный процесс. Ирония заключается в том, что, когда Россия решила поставить законодательный заслон зарубежной финансовой поддержке «агентам перемен» из Вашингтона, раздался крик: «Наших бьют».

Стоит также заметить, что официальная реакция российского правительства на принятие Закона «О демократии в России» была крайне вялой и невнятной. В начале ноября 2002 года российский МИД выступил с официальным «сообщением для печати» (№ 2266-04-11-2002), в котором отмечался «менторский тон» акта. Сам же закон, по мнению российского внешнеполитического ведомства, «граничил (*всего лишь граничил?* — А. Д.) с вмешательством в наши внутренние дела». О конкретном содержании акта в занявшем всего 6 строк мидовском сообщении для печати почти ничего не говорилось.

Понадобились долгие десять лет для изгнания из России американского Агентства международного развития (US AID), по линии которого осуществлялось финансирование «агентов перемен» в рамках Закона «О демократии в России». «Вашингтонскому обкому» срочно потребовалось законодательное обеспечение антироссийской политики на новом этапе, и оно последовало.

1 мая 2014 года сенат США приступил к рассмотрению проекта закона «О предотвращении агрессии со стороны России» (S. 2277; Russian Aggression Prevention Act of 2014). Инициаторами («спонсорами») законопроекта выступили 22 сенатора-республиканца, включая большого «друга» России Джона Маккейна из Аризоны, к которым через пять дней присоединились еще четыре члена верхней палаты конгресса. Задачей билля является «предотвращение дальнейшей российской агрессии в отношении Украины и других суверенных государств Европы и Евразии и *достижение иных целей*» (*курсив мой.* — А. Д.).

Помимо предсказуемых положений законопроекта, направленных на «активизирование (reinvigorating) НАТО», военную помощь Украине (обратим внимание на то, что в Вашингтоне запланировали передачу Киеву нового противотанкового вооружения и новых зенитно-ракетных комплексов ещё за два с половиной месяца до трагедии с малайзийским «Боингом» в небе над Донецком (статья 301)) и введение санкций против России, включая «ограничение доступа РФ к нефтяным и газовым технологиям США», билль S. 2277 содержит статью 206 под названием «Поддержка российской демократии и гражданского общества». Для достижения целей, поставленных в статье 206 законопроекта, и поддержки «активистов гражданского общества» (civil society activists) американские сенаторы готовы выделить в 2015–2017 гг. тридцать миллионов долларов. Для реализации аналогичных задач в других республиках бывшего СССР — «непосредственно или через неправительственные организации» (directly or through nongovernmental organizations) — статья 308 предусматривает выделение еще 75 миллионов долларов в 2015–2017 гг.

Наибольший интерес представляет фактически откровенное признание авторов билля, что «гражданское общество» понимается на Капитолийском холме как исключительно антигосударственный, антироссийский феномен, как синоним исключительно «Болотной площади» или Евромайдана.

Под прикрытием разговоров о необходимости содействия «гражданскому обществу» в России и других постсоветских республиках США осуществляют финансирование т. н. «неправительственных» организаций (НПО) и «агентов перемен», как с предельной откровенностью называют наследников «позднесоветской либеральной диссидентуры» (термин Александра Дугина) сами заокеанские спонсоры «смены режима» (regime change), тем самым грубейшим образом вмешиваясь во внутренние дела наших государств. Россия, а вместе с ней и наши соседи подвергаются скрытой иностранной интервенции, очередному революционному накату — теперь под модным слоганом «гражданского общества» и т. н. «некоммерческих организаций» (НКО).

Подведём некоторый итог. России нужно учиться у США и оформлять свою внешнюю политику — в том числе в отношении США и их сателлитов — именно законодательно, продуманно, на перспективу, активно, а не су-

дорожно и реактивно, как сейчас, ссылаясь на какие-то смехотворные решения Роспотребнадзора по ограничению поставок польских яблок или молдавского вина и т. п.

Международные отношения всегда были двусмысленными и неоднозначными. Но существовали некие рамки — по крайней мере последние 400 лет, со времен Гуго Гроция, — которые определяли, что допустимо в международных отношениях, а чего делать нельзя, даже если очень хочется. Эти рамки называются «международное право».

Россия сама внесла большой вклад в развитие международного права. Достаточно вспомнить, что первая международная конференция по разоружению была созвана в Гааге в 1899 году по инициативе императора Николая II.

Но в последние годы международное право всё больше становится игрой в одни ворота. Наши западные партнёры открытым текстом говорят нам: вы — «нецивилизованная, дикая Россия» (спасибо Майку Макфолу за откровенность!) — должны следовать международному праву, а мы — «цивилизованный Запад» — оставляем за собой право «интерпретировать» международное право по собственному усмотрению. То же самое мы чуть ли не ежедневно видим в дебатах между представителями России и США в Совете Безопасности ООН.

В 1990-е придумали оксюморон «гуманитарная интервенция» (humanitarian intervention) для того, чтобы игнорировать вето (или возможное вето) постоянных членов Совета безопасности России и Китая о применении силы в соответствии с главой VII Устава ООН. Очень вовремя придумали, как обойти Устав ООН: в 1999-м разбомбили Югославию.

А в 2011-м использовали Резолюцию Совета Безопасности ООН № 1973 о введении «бесполётной зоны» (no-fly zone) над Ливией только для того, чтобы применить её исключительно как ограничение, налагаемое на ливийские ВВС, и санкционировать воздушную бомбардировку страны странами западной коалиции. За этим последовало территориальное вторжение в Ливию вооружённых сил Британии, Франции, Италии, Иордании, Катар и Объединённых Арабских Эмиратов. И здесь не обошлось без лукавства и лицемерия. Эти страны заявили, что Резолюция № 1973 о введении «бесполётной зоны» технически не запрещает территориальное вторжение. А «что не запрещено, то разрешено». Такая вот «творческая»

интерпретация международного права! (По сообщениям западной прессы, в том числе Би-би-си, в интервенции в Ливию особенно отличилась Франция, президент которой — Николя Саркози — получил щедрую (20 миллионов долларов?) финансовую поддержку от Муаммара Каддафи на выборах 2007 года.)

Апрельское заявление председателя ОБСЕ Дидье Буркхальтера о том, что «все должны уважать монополию государства на применение силы» — из этой же серии. Чуть позже аналогичное заявление сделала пресс-служба главы международной дипломатии Европейского союза и большого друга киевской хунты Кэтрин Эштон. Почему-то мы и другие страны мира слышали от «цивилизованного Запада» прямо противоположное и в 1989-м, когда правительство Китая подавило выступление на площади Тяньаньмэнь, и в дни ГКЧП в Москве, и — зачем далеко ходить? — всего несколько месяцев назад, когда только начиналось противостояние между президентом Януковичем и метателями «коктейлей Молотова» на Майдане!

А вот цитата из январского выступления президента Эстонии Ильвеса о событиях на Украине: «Ни на одну мирную демонстрацию нельзя реагировать насилием. Партнёрами Европейского союза могут быть государства, которые уважают демократию, права человека и верховенство закона». И он же в апреле: «Надо ответить на агрессию в Украине силой, ясностью и быстротой. Силовое подавление народного протеста на юго-востоке Украины защитит конституционный строй в стране».

Даже если оставить в стороне вполне объяснимые противоречия собственно в области международных отношений, почему Россия в последние годы так редко совпадает в своем понимании и применении международного права с нашим главным оппонентом — Соединёнными Штатами Америки?

В частности, это касается статьи 15 Конституции РФ 1993 года, заявляющей о приоритете международного права над российским. При этом в иерархии источников права не только США, но и целого ряда других стран заложен приоритет национального права над международным, а не наоборот, как у нас! Самое время и России отказаться от иллюзий верховенства международного права и по примеру наших бледнолицых «партнёров» заявить о верховенстве конституционного права России над международным, которое всё больше оказывается фикцией.

Отмечавшееся в прошлом году 20-летие Конституции РФ продемонстрировало, что Ос-

новной закон страны не является «священной коровой». Конституция принималась в иной исторический период и в значительной степени является конституцией государства, потерпевшего сокрушительное геостратегическое поражение, конституцией колониальной. Она всё больше вступает в противоречие с новой исторической эпохой.

Нет никаких оснований полагать, что Запад согласится на признание и расследование военных преступлений, совершённых его — Запада — вассалами, например, на создание международного трибунала по расследованию преступлений киевской хунты по типу трибунала по бывшей Югославии!

Опубликованный 8 октября с.г. шестой доклад мониторинговой миссии по правам человека ООН по ситуации на Украине в полной мере подтверждает эту оценку. Выводы доклада носят половинчатый характер, однако полностью вписываются в общую парадигму принятия решений международно-правовыми органами последних лет.

Историю пишут победители. Нюрнбергский процесс стал возможен только потому, что совпадали интересы всех участников антигитлеровской коалиции, чего сейчас мы не видим даже среди постоянных членов Совета Безопасности ООН. В условиях происходящего на наших глазах переформатирования международных отношений России, во-первых, следует начать работу по созданию параллельных международно-правовых органов; во-вторых, больший акцент должен быть сделан на привлечении к ответственности нарушителей международного права на национальном уровне.

Если первый вариант потребует серьёзной проработки и активного сотрудничества с рядом других государств мира, в том числе среди бывших советских республик, то второй может быть инициирован незамедлительно.

И здесь мы тоже можем многому научиться у наших заокеанских партнёров. Задержание на территории России украинской наводчицы Надежды Савченко, подозреваемой в причастности к гибели российской съёмочной группы, полностью соответствует принципам международного права. Достаточно напомнить дело об уgone в 1985 году арабскими террористами итальянского судна «Акилле Лауро», в ходе которого был убит американский турист Леон Клингхоффер. Организатор захвата Абу Аббас был заочно осужден в США и приговорён к пяти пожизненным срокам.

Такого рода дела далеко не единичны.

Однако *международное право допускает привлечение к ответственности на национальном уровне за совершение самых серьёзных преступлений, включая военные преступления, даже в тех случаях, когда жертвами такого рода преступлений становятся граждане иных государств.*

Историческим прецедентом стало решение Апелляционного суда второго округа США 1980 года по делу «Филартига против Пина-Ирала» (Filartiga v. Pena-Irala). Обвиняемый (генеральный директор полиции Асунсьона) и истец (Долли Филартига) находились в это время на территории США, однако сами являлись гражданами Парагвая. Более того, преступление — пытки и убийство брата Долли Филартига — было совершено за пределами США, и жертвой был также гражданин Парагвая. Тем не менее американский суд принял дело к рассмотрению, признав пытки и незаконное лишение жизни грубейшим преступлением вне зависимости от того, где и в отношении кого оно было совершено.

Такого рода подход в полной мере может быть применен российскими судами, например, в отношении участников карательной операции на юго-востоке Украины, жертвами которой стали жители самой Украины.

Американское законодательство и судопроизводство идут ещё дальше. Целый ряд законов, включая акт «О захвате заложников» 1984 года, содержат норму, согласно которой нарушители национального права США или международного права могут быть подвергнуты судебному преследованию и осуждены, если они «были обнаружены» на территории США (the offender is found in the United States).

Известны прецеденты, когда подозреваемые задерживались (фактически — похищались!) американскими правоохранительными органами на территории других стран или в нейтральных водах и доставлялись в США. Но американские суды при вынесении приговора ограничивались констатацией того, что подсудимый «был обнаружен» на территории США, даже не задаваясь вопросом относительно того, каким именно способом он был доставлен в Америку.

/ Сергей ГЛАЗЬЕВ /

Рубль ВМЕСТО доллара

*Почему сегодня необходим переход
от внешних источников кредитования
к внутренним*

— **С**ергей Юрьевич, за последние дни произошло несколько важных событий, связанных с определением того пути, по которому должна идти наша страна в условиях конфликта на Украине, западных санкций, фактической остановки экономического роста и «второй волны» или даже «третьей волны» глобального системного кризиса. Это, прежде всего, инвестиционный форум в Сочи и заседание Госсовета по проблемам импортозамещения. Мы видим, как сталкиваются противоположные, полярные точки зрения, какую активность проявляют сторонники «вашингтонского консенсуса» и в нашей властной вертикали, и на уровне крупных бизнес-структур, и в медиапространстве. Вы известны не только в качестве выдающегося теоретика, учёного, авторству которого принадлежит получающая всё большее признание в мировом научном сообществе концепция глобальных технологических укладов, непримиримый противник «вашингтонского консенсуса», но и как государственный деятель, который активно занимается практикой евразийской интеграции. Как вы оцениваете нынешнюю ситуацию в отечественной экономике? Что, по-вашему, можно и нужно сделать для выживания и развития России?

— Я бы не сказал, что по этому поводу сегодня существуют какие-то значимые расхождения между российской властью и крупным российским бизнесом, действующим в реальном секторе экономики. Антикризисные рецепты сегодня уже вполне понятны и очевидны.

Это, во-первых, целый комплекс сбалансированных предложений, который содержался в блестящем докладе на Госсовете губернатора Белгородской области Евгения Степановича Савченко по расширению, удешевлению и удлинению кредита, а также по увеличению объёмов государственного спроса в сфере импортозамещения. Реализация этого комплекса предложений позволит увеличить ВВП страны не менее чем на один триллион рублей в год, что соответствует минимум 8–9% экономического роста.

Это, во-вторых, выступление премьер-министра Российской Федерации Дмитрия Анатольевича Медведева на инвестиционном форуме в Сочи, где были высказаны сообщения по расширению государственного финансирования инфраструктурных проектов.

И это, в-третьих, сформированная реальным сектором отечественной экономики заявка на финансирование импортозамещающего производства и технологическую модернизацию.

Если суммировать эти моменты, то можно сказать, что у нашей страны есть немалые резервы для экономического роста, которые сегодня поддержаны извне введением санкций со стороны Запада. Что власть и бизнес практически определились с тем, сколько денег необходимо, чтобы выйти на траекторию устойчивого развития. И что вопрос стоит о замещении импорта не только и даже не столько товаров, сколько финансов, а именно — внешних кредитов. Но этот ключевой вопрос: где найти источники для финансирования программ импортозамещения и расширения производства, — пока остаётся и без ответа, и за пределами любого открытого или закрытого обсуждения.

Главное противоречие текущего момента заключается уже не в полемике сторонников той или иной экономической концепции, а в удивительном разрыве между требованиями реального сектора экономики, руководителей регионов и федерального правительства, с одной стороны, и полным отсутствием реакции на эти требования со стороны финансовых властей, прежде всего Центробанка и Минфина, которые должны эти требования выполнять, с другой стороны.

То есть возникает парадоксальная ситуация. И президент страны, и председатель правительства, и губернаторы говорят о необходимости подъёма экономической активности, о расширении производства, увеличении инвестиций, о привязке кредитно-денежной политики к задачам развития реального сектора экономики, но Центробанк и Минфин делают вид, что их это всё не касается.

Если мы сейчас посмотрим на опубликованный недавно ЦБ проект основных направлений его кредитно-денежной политики, то с удивлением обнаружим, что все требования президента и правительства в позиции ЦБ не учтены, они отсутствуют. Центральный банк по-прежнему декларирует, что единственной целью его деятельности является сдерживание инфляции, удержание инфляции в тех рамках, которые они сами себе обозначили, — 4% в год. Между тем весь уже более чем двадцатилетний опыт работы в рамках нынешней кредитно-денежной системы показывает, что попытки бороться с инфляцией исключительно моне-

тарными методами, путём сжатия денежной массы успеха не приносят и единственным результатом такой политики оказывается стагфляция, то есть сочетание высокой инфляции с отсутствием экономического роста. Напротив, опыт практически всех без исключения стран мира говорит о том, что сбалансированное экономическое развитие предполагает наличие достаточного объёма денежного предложения для обеспечения товарооборота и подъёма инвестиций. И только на основе роста производства вследствие инвестиций в развитие новых технологий можно добиться снижения инфляции. Главным средством борьбы с инфляцией является повышение эффективности производства. А повышение эффективности производства невозможно без роста этого производства в оптимальных масштабах и внедрения новых технологий.

И то и другое предполагает опережающее развитие кредита, поскольку кредит по своей природе есть авансирование экономического роста.

Но наш Центральный банк совсем не хочет понимать эти очевидные вещи и, слепо следуя догмам «вашингтонского консенсуса», в течение двадцати лет искусственно ограничивает денежную массу. Что как раз создавало привилегированные условия для внешних кредиторов и иностранных инвесторов. Потому что если денежная масса страны формируется в основном за счёт внешних источников, то приоритетные позиции занимает иностранный капитал. А в условиях, когда денежное предложение формируется за счёт иностранного капитала, развитие тех или иных отраслей экономики начинает зависеть от его воли.

Введение Западом антироссийских санкций даёт нам уникальную возможность и даже ставит перед необходимостью замещения внешних источников кредита внутренними создать суверенную финансовую систему, которая будет ориентироваться не на интересы иностранного капитала, а на интересы развития собственного производства.

— **Какова, если использовать язык банкиров, «цена вопроса»?**

— Если мы возьмём предложения Евгения Савченко на Госсовете, то они гарантируют выпуск дополнительной продукции на 2 триллиона рублей в год. Это значит, что объём кредитов должен быть увеличен — с учётом оборачиваемости денежной массы внутри

нашей экономики примерно 3 раза в год и того, что речь идёт о выпуске сельскохозяйственной продукции, цикл производства которой составляет как раз календарный год, — примерно на 700–800 миллиардов рублей. Это объём необходимой дополнительной денежной эмиссии в форме кредитов, ссуд сроком не менее чем на год — с тем чтобы предприятия могли получить необходимый объём оборотных средств. К этому необходимо добавить 200–300 миллиардов рублей инвестиций на расширение и модернизацию производственных мощностей сроком на 3–4 года.

То есть простой расчёт показывает, что у нас прирост денежной массы только для реализации программ импортозамещения, о которых говорил губернатор Белгородской области, должен составить как минимум триллион рублей. И это означает соответствующее увеличение денежной массы.

Если мы таким же образом просчитаем предложение премьер-министра РФ о господдержке крупных инфраструктурных проектов, начиная от строительства газопровода «Сила Сибири» и заканчивая созданием высокоскоростных магистралей железнодорожного транспорта, — всё это окупится за 7–10–15 и более лет, но для них также необходим высокий уровень кредита.

В своё время нобелевский лауреат по экономике и признанный классик теории денег Тобин говорил о том, что главной задачей Центрального банка любой страны должно быть создание максимально благоприятных условий для роста инвестиций. А наш Центральный банк делает вид, что этот вопрос его вообще не касается.

Чтобы обеспечить необходимый для выхода на траекторию устойчивого развития экономики прирост инвестиций на 10–15% в год, необходимо и соответствующее увеличение денежного предложения. Чего нет ни в основах денежно-кредитной политики Центробанка, ни в планах Минфина.

Получается, что все рассуждения об импортозамещении, о подъёме инвестиций остаются сотрясанием воздуха до тех пор, пока не будут предприняты конкретные меры по расширению денежной массы финансовой властью.

А на практике, в связи с прекращением внешних источников кредитования, а также ускоренного вывоза капиталов из страны, у нас наблюдается сокращение денежной массы, и экономика работает в условиях всё более ощутимого финансового голода.

ЦБ использует механизмы рефинансирования коммерческих банков, перенося на них основной объём денежной эмиссии, но само это рефинансирование ведётся не в целях обеспечения должного уровня кредита в экономике, а в целях простого поддержания ликвидности банковского сектора и поддержания сложившейся системы денежного оборота.

Эти кредиты выдаются Центробанком всего на неделю, под высокий процент и не могут служить основой для формирования долгосрочных и дешёвых кредитных ресурсов.

Какой объём денег необходим сейчас для замещения внешних источников кредита? На этот вопрос не хотят не только давать ответ, но даже рассматривать его. Наша экономика сегодня закредитована извне на сумму в 700 млрд долл. Это гигантская сумма, которая сопоставима со всем объёмом денежной массы в нашей стране. И если предположить, что западные кредиторы одномоментно прекратят предоставлять кредиты нашей экономике, то денежные власти должны решить задачу замещения внешних кредитов внутренними, что требует фактически удвоения объёма денег в российской экономике.

Это очень серьёзная проблема, без решения которой мы не можем даже подойти к решению задачи обеспечения экономического роста. Ведь ЦБ планирует прирост денежной массы на 10–15% в год в течение ближайших трёх лет. А одна только проблема замещения иностранных кредитов имеет размерность практически на порядок большую.

Иными словами, потребность страны в экономическом развитии полностью парализуется отсутствием необходимого для этого источника денежного предложения, который должен создавать Центральный банк.

— А он этого не делает — почему, по каким соображениям?

— Для меня это загадка. Вследствие проводившейся до последнего времени кредитно-денежной политики у нас большая часть денежной массы формировалась под внешние источники кредита. И сегодня отказ западных стран продолжать кредитование российской экономики вызывает спазм во всей кредитно-денежной системе.

Для того чтобы этот спазм преодолеть, необходимо переходить на внутренние источники кредита. А это, видимо, попросту не укладывается в головах сторонников «вашингтонского консенсуса», которые всегда

считали и продолжают считать, что национальная денежная система должна быть всегда открытой и привязанной к мировым рынкам капитала.

В нынешней ситуации Центральный банк должен был не поднимать процентные ставки, а снижать их, чтобы обеспечить возможности расширения производства. Сейчас уровень доходности в обрабатывающей промышленности получается ниже уровня рыночной кредитной ставки. Поэтому предприятия обрабатывающей промышленности не могут брать такие

дорогие кредиты, из-за чего не могут наращивать производство. Необходимы также длинные кредиты в поддержку инвестиционной активности, которая сегодня падает. Они должны быть рассчитаны на 5–7, а в случае инфраструктурных проектов — и на 10–15 лет.

Ничего этого нам денежные власти в необходимых масштабах сегодня не предлагают, ограничиваясь общими разговорами. Но эпоха «вашингтонского консенсуса», эпоха внешних источников кредитования с низкой процентной ставкой в обмен на полную открытость национальной экономики ушла в прошлое, поскольку не обеспечивает даже простого воспроизводства, не говоря уже о развитии.

Но прозападная часть российского истеблишмента продолжает цепляться за политику «вашингтонского консенсуса», что и было проявлено на инвестиционном форуме в Сочи, несмотря на то, что эта политика явно исчерпала себя, а взамен ничего реального не предлагается. «Вернуть всё, как было до Крыма», уже не получится, и наши западники-либералы это прекрасно понимают, но надеются каким-то чудом восстановить статус-кво хотя бы лично для себя — за счёт всей России, надо полагать.

Но если говорить о дискуссиях в экспертном сообществе на теоретическом уровне, то оппоненты политики наращивания государственных инвестиций и увеличения кредитов реальному сектору экономики ничего противопоставить не могут. Поскольку сейчас весь мир именно этим — наращиванием госинвестиций с расширением кредита — и занимается: хоть США, хоть Китай, хоть Европа, хоть Япония. Других способов преодолеть проявления системного кризиса в экономике нет. И экономисты, которые все эти годы оправдывали политику привязки российской денежной системы к западной, оправдывали её зависимость от доллара, — сегодня, в условиях антироссийских санкций со стороны США и их союзников, ничего внятного предложить вообще не могут, поскольку внешние источники кредитов перекрыты, а никакие иные для них не существуют.

— **Сергей Юрьевич, но, насколько известно, ни Китай, ни другие страны БРИКС никаких санкций против России не вводили. Более того, у Китая накоплены грандиозные запасы долларов и долларовых ценных бумаг. Но никакой активности по переориентации**

на эти источники кредитования ни ЦБ, ни Минфин не проявляют. Чем доллары, находящиеся в распоряжении Китая или Индии, хуже тех, которые находятся в распоряжении США или Евросоюза?

— Нет, так вопрос не стоит, и мы сегодня наблюдаем любопытное явление, когда американские банки, которым вроде бы запрещено предоставлять кредиты России, начинают предлагать нам кредитование через свои сингапурские и гонконгские «дочки». То есть правительство США жёстко наказывает за нарушение санкций европейские банки, но при этом готово закрывать глаза на «кредитную контрабанду» своих финансовых институтов, тем самым обеспечивая им недобросовестные конкурентные преимущества перед европейскими партнёрами.

Но дело в том, что объективно для страны, у которой имеется устойчивое и значительное позитивное сальдо торгового баланса, а у России оно было гигантским последние 15 лет, внешние кредиты не нужны. Вам должно хватать внутренних источников кредитования, потому что у вас и так избыточный приток валюты.

Более того, анализ показывает, что примерно 85% «иностранного» капитала, который приходит в Россию, — это капитал российского происхождения, реинвестируемый через офшорные зоны. То есть у нас нет никакой критической зависимости от иностранных источников кредита. Либо эти кредиты нам вообще объективно не нужны и могут быть легко замещены внутренними источниками, либо это те кредиты, которые привлекаются российским бизнесом через свои офшорные отделения в целях минимизации налогов, что также крайне вредно сказывается на сбалансированности нашей финансовой системы. Только на офшоризации из-за разницы процентных ставок между ставками размещения и привлечения финансовых ресурсов мы теряем от 40 до 60 млрд долл. ежегодно. И во многих отраслях российской промышленности объём затрат на обслуживание иностранных кредитов и иностранных инвестиций уже намного, в разы, превышает объёмы налоговых поступлений в бюджет.

И сегодня задача заключается не в том, чтобы привлекать новые кредиты не с Запада, а с Востока, но в том, чтобы эффективно использовать имеющуюся валютную выручку и внешние источники кредитования заместить внутренними.

— Но наверняка здесь существуют и своего рода «подводные камни», которые необходимо обойти?

— Да, переход к новой финансовой парадигме на основе внутренних источников кредита требует серьёзного усиления банковского и валютного контроля. Потому что главная опасность, которая при этом возникает, — бесконтрольная конвертация рублей в валюту с последующим вывозом её за рубеж, чем занимаются и коммерческие банки, и другие финансовые структуры. Бегство капитала, которое сегодня достигло астрономических размеров, превысив за первое полугодие отметку в 70 млрд долл., не позволяет перейти к внутренним источникам кредита. Схожую ситуацию мы наблюдали в 2008–2009 годах, когда увеличение кредита для спасения коммерческих банков при отсутствии валютных ограничений привело к тому, что полученные от ЦБ деньги коммерческие банки просто перевели на валютный рынок в расчёте на быстрый спекулятивный доход от торговли долларами, евро и так далее. На девальвации рубля они тогда заработали порядка 300 миллиардов рублей, но до реального сектора экономики деньги попросту не дошли.

Вот этот печальный опыт «антикризисной» политики ЦБ, в результате которой наш фондовый рынок рухнул в три раза, а объём продукции машиностроения снизился на 40%, говорит о том, что ещё одним условием политики сбалансированного экономического роста является создание системы банковского и валютного контроля, которая гарантировала бы нас от перетока денежной массы, создаваемой за счёт внутренних источников кредитования, за границу. Для этого нужно бороться с вывозом капитала, реализовывать программы деофшоризации, создания которых потребовал президент России, и таким образом обеспечивать оборот денег внутри российской экономики на внутреннем рынке. Именно этому и противятся сторонники «вашингтонского консенсуса», считая главной задачей обслуживание кредитов, предоставленных иностранным капиталом.

Если же мы хотим добиться роста ВВП на обоснованном и доказанном нашими учёными-экономистами уровне 8–9% в год, нам нужно кардинально менять всю кредитно-денежную политику и всю финансовую систему страны.

Беседу вёл Владимир ВИННИКОВ

/ Евгений САВЧЕНКО /

Хватит плестись в хвосте!

*Из доклада на Государственном совете Российской Федерации
«Развитие отечественного бизнеса и повышение его конкурентоспособности
на мировом рынке в условиях членства России в ВТО»
18 сентября 2014 года*

События, происходящие в последние годы, месяцы и даже дни в России и мире, придают сегодняшней повестке дня особую актуальность. Наша страна вошла в новую экономическую реальность, которая связана не только со вступлением России во Всемирную торговую организацию, но и с введением Соединёнными Штатами и Евросоюзом антироссийских экономических санкций, а также принятием ответных защитных мер с нашей стороны, и всё это происходит на фоне замедления экономического роста в стране.

Рабочей группой Государственного совета совместно с экспертным сообществом была

проведена большая аналитическая работа по состоянию экономики страны, и мы пришли к однозначному выводу. Для обеспечения устойчивого продолжительного роста валового внутреннего продукта России на уровне 7–8% ежегодно необходимо запустить новую модель экономического роста, основанную, во-первых, на продуманном импортозамещении и, во-вторых, на активном стимулировании внутреннего спроса и потребления.

Мы также пришли к выводу, что для успешного запуска такой модели нам необходимо прежде всего отказаться от целого ряда исчерпавших себя экономических решений и некоторых устояв-

шихся мифов и, одновременно, принять новые, адекватные вызовам времени нормы и правила экономического поведения, которые предоставят отечественному бизнесу дальнейшие широкие возможности по обеспечению экономического роста и созданию конкурентоспособной экономики.

Итак, от чего мы должны отказаться?

Первое. Мы должны отказаться от укоренившегося в нашем сознании ещё с 90-х годов мифа, что мы не можем себя накормить, одеть, обуть, обеспечить товарами длительного пользования и так далее. Импорт продовольствия, изделий лёгкой, химической промышленности, обуви, бытовых товаров не уменьшается, а растёт. Однако реальная экономическая практика последних лет показывает, что отечественные предприниматели, зачастую с участием иностранных партнёров, при минимальной государственной поддержке способны реализовать программу импортозамещения, создав сотни тысяч новых рабочих мест во многих отраслях экономики.

В этой связи представляется целесообразным правительству Российской Федерации сформировать перечень проектов, направленных на импортозамещение, а главное — сопроводить их новым механизмом поддержки, который, на наш взгляд, должен включать:

а) доступ к инвестиционным ресурсам под 3–4% годовых с широким использованием для этих целей институтов развития;

б) реализацию проектов в формате проектного финансирования с долей участия инициатора проекта не более 15% от стоимости самого проекта, и сам проект при этом должен стать предметом залога;

в) компенсацию третьей части инвестиционных затрат после выхода проекта на запланированную мощность;

г) реализацию комплекса мер по увеличению доли отечественных товаров в структуре товарных ресурсов в торговле. И задачу здесь нужно ставить совершенно конкретную — увеличить долю российских товаров в общем объёме розничного товарооборота хотя бы на четверть, а это почти 7 триллионов рублей, которые все, за исключением торговой наценки, пойдут в реальную экономику.

К сожалению, в погоне за иностранными инвесторами мы стали забывать, что главным инвестором национальной экономики является рядовой российский покупатель. Каким же видится масштаб импортозамещения? На наш взгляд, объём замещения должен быть не менее 100 миллиардов долларов США, или 4 триллионов

рублей; сроки реализации — два, максимум три года. При этом будет создано не менее 1 миллиона новых рабочих мест, и дополнительные поступления во все уровни налогов составят порядка 500 миллиардов рублей. Таким образом, реализовав программу импортозамещения, мы совершим экономический рывок, на который ранее потребовались бы многие годы. Главное — не пойти на попятное решение. Вообще, было бы разумно объявить в стране трёхлетку импортозамещения.

Второе. Мы должны отказаться от явно непропорциональных, если не сказать дискриминационных, отношений между кредитными финансовыми организациями и реальным сектором нашей экономики, сделать кредитные ресурсы доступными для бизнеса. О каком экономическом развитии может идти речь в обрабатывающих отраслях, в сельском хозяйстве — главных локомотивах будущего экономического роста, если половина полученной ими прибыли уходит на оплату процентных платежей, а вторая половина — на возврат кредитов? То есть весь инвестиционный ресурс, прибыль этих отраслей уходит кредитным организациям.

Утверждение о том, что у нас дорогие деньги, потому что высокая инфляция, не соответствует элементарной экономической логике, всё с точностью наоборот. Рост инфляции генерируют кредитные учреждения высокой процентной ставкой. Если в ближайшее время учётная ставка Центрального банка станет примерно такой же, как у западных финансовых регуляторов, то инфляция снизится до 2–3% в год, а экономика начнёт набирать обороты — при условии, конечно, если будет поставлен заслон перетоку денег в спекулятивный оборот.

С другой стороны, нам нужно приветствовать весьма взвешенные действия Центрального банка России, направленные на поддержание плавающего, сбалансированного с мировыми валютами курса рубля.

Позволю в этой связи привести цитату известного экономиста, ректора Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации Владимира Александровича Мау, вот что он пишет, по-моему, в седьмом или восьмом номере журнала «Эксперт»: «Динамика укрепления курса рубля не должна сильно опережать рост производительности труда, это хрестоматийный механизм подрыва конкурентоспособности развивающихся экономик». А что происходит в реальности? С 2000 года производительность труда в России увеличилась в 1,6 раза, а рубль

укрепился за это время в 4 раза. Судите сами, привело это к подрыву конкурентоспособности нашей экономики или нет?

Продемонстрирую эту хрестоматийную истину на понятном всем примере. В 2000 году затраты на производство одного литра молока составляли 3 рубля, или 10 центов по тогдашнему курсу рубля. В 2013 году в связи с инфляцией они составили уже 12 рублей, или 40 центов. Как видите, за 13 лет затраты на производство одного литра молока выросли не только в рублях из-за инфляции, но и в долларах США в связи с практически неизменным курсом рубля в течение этого периода. Аналогичная ситуация и по всем товарам и услугам, которые производятся в стране.

Вывод очевиден: за 13 лет конкурентоспособность нашей экономики из-за опережающего укрепления рубля к основным мировым валютам снизилась в три-четыре раза по отношению к другим странам, поэтому обеспечение сбалансированного валютного курса — это главный фактор конкурентоспособности экономики России в условиях членства её во Всемирной торговой организации, и особенно во взаимоотношениях с Китаем, который становится нашим главным торговым партнёром. Почему именно с Китаем? Потому что юань в течение нескольких десятилетий находится на историческом минимуме, и это, на наш взгляд, является главной причиной китайского экономического чуда.

Третье. Конкурентоспособность национальной экономики в значительной степени определяется налоговым законодательством. Поэтому представляется целесообразным отказаться от моратория на его пересмотр. По мнению некоторых членов рабочей группы, заменой самого неоднозначного налога на добавленную стоимость разумным налогом с оборота можно не только снизить нагрузку на бизнес, освободить сотни тысяч бухгалтеров от бессмысленной работы, но и увеличить сбор средств в консолидированный бюджет, что позволит компенсировать потери от НДС, а главное — сформировать полнокровные региональные дорожные фонды, о необходимости создания которых мы ведём разговор не один год.

Разумно было бы пересмотреть ставку налога на дивиденды, её удвоение увеличит поступления в региональные бюджеты и, одновременно, прекратит практику замены выплаты заработной платы выплатой дивидендов.

Пора навести порядок на алкогольном рынке, более половины которого находится в теневом обороте, для чего необходимо, на наш взгляд,

во-первых, наделить регионы полномочиями по контролю за оборотом рынка алкогольной продукции, а для этого, во-вторых, внести следующие изменения в платежи акцизов на алкоголь: 50% платить от производства на территории региона, 50% — от реализации с ежемесячной системой учёта. В итоге регионы дополнительно получат сотни миллиардов рублей за счёт повышения собираемости акцизных платежей и подлатают свои финансовые дыры в бюджетах, а рынок алкоголя станет абсолютно прозрачным.

Неплохо было бы дать возможность регионам вводить налог на прибыль для сельскохозяйственных предприятий. Это было бы хорошим стимулом для одних регионов развивать налоговую базу в сельском хозяйстве, для других, где уже создан потенциал развития агропромышленного комплекса, — получать заслуженные средства.

Четвёртое. Нам необходимо отказаться от хронического недофинансирования науки — основы нашей будущей конкурентоспособности, экономического и социального прогресса. И решать эту проблему, мы считаем, необходимо не столько за счёт увеличения бюджетного финансирования, сколько за счёт крупных компаний и корпораций, создания для этого корпоративных инженеринговых и научно-исследовательских центров, как это принято во всём мире, где половина и более научных исследований финансируются не государством. Кстати, в структуре стоимости западных компаний примерно половина приходится не на материальные активы, а это НИОКР, ноу-хау, опытные образцы, модели и так далее. У наших компаний стоимость нематериальных активов практически равна нулю. Надо также учитывать, что, благодаря наращиванию корпоративных инвестиций в науку, мощные стимулы в развитии получают одновременно отраслевая и, особенно, вузовская наука, прекратится утечка мозгов — основного капитала страны.

Много от чего нам нужно отказаться ради повышения эффективности экономики, но, главное, по нашему мнению, нужно отказаться от проведения поспешных, не прошедших глубокую экспертную оценку реформ. Так, реформа в электроэнергетике завершилась вместо обещанного снижения тарифов их ростом, а рядом расположенные промышленные предприятия могут получать электроэнергию по цене, различающейся в два раза, что является абсолютным абсурдом и ведёт к межотраслевой экономической дискриминации. Или другой пример: в результате реформы РЖД выделились компании по пригородным пассажирским перевозкам — всё замечательно, но компенсацию убытков от их ра-

боты перекладывают на регионы, а убытки эти возникают оттого, что 80 процентов затрат этих компаний приходится на платежи за услуги головной компании, которые абсолютно непрозрачны.

При всём уважении к реформам в образовании, где действительно очень много сделано и делается, — к сожалению, не решается главный вопрос. Система профессионального образования отстаёт от запросов реальной экономики, интересы учебных заведений, работодателей и самих учащихся разобщены. Экономике нужны высококвалифицированные рабочие, если хотите, современная рабочая аристократия, как правило, со средним образованием, а у нас более 80% молодёжи получают высшее образование по специальностям, не всегда востребованным на рынке труда.

И последнее, от чего мы должны отказаться, — это от неэффективного, не меняющегося уже десятилетиями традиционного управления экономикой. Новая экономическая и социальная реальность требует перехода всей парадигмы управления исполнительной, да отчасти и законодательной власти на управление целями и проектами как экономическими, так и гуманитарными. Сама цель и проект по её достижению формируют межведомственную вертикаль управления, которая обеспечивает координацию взаимодействия всех участников и исполнителей проекта в пространстве и времени, несёт всю полную ответственность за его исполнение.

В завершение я хочу обратить внимание высокого собрания на поддержку двух таких проектов, которые могут стать настоящими драйверами экономического роста на ближайшее десятилетие. Первый проект — это строительство автомобильных дорог: до 2020-го, максимум — до 2022 года представляется возможным построить в стране не менее 50 тысяч километров современных автобанов, соединив ими не только областные центры, но и большинство районных. При стоимости современной четырёхполосной, соответствующей всем современным стандартам дороги не более 200 миллионов рублей за километр потребуется 10 триллионов рублей. Источником финансирования дорожного строительства могли бы стать целевые инфраструктурные займы Центрального банка, которые окупались бы за 10 лет дополнительными поступлениями в консолидированный бюджет от ежегодного роста ВВП на 5% только за счёт факта наличия качественных дорог в стране.

Второй проект, который давно стучится во все двери, направлен на расширение в стране масштаба индивидуального жилищного строитель-

ства и сопутствующей инфраструктуры. За счёт умело выстроенной системы взаимодействия и партнёрства между государством, регионами, сетевыми инфраструктурными компаниями, банками и застройщиками вполне возможно ежегодный ввод индивидуального жилья довести по стране до 1 миллиона усадебных домов, а это 130–150 миллионов квадратных метров ежегодно. За 10 лет четверть россиян можно переселить в собственные дома на бескрайних просторах России, навсегда покончить с проблемами ЖКХ и попутно решить демографическую проблему.

Поддержав только эти два проекта, мы создадим мощный мультипликативный эффект экономического роста на ближайшие 10 лет, а политические последствия от их реализации: это укрепление социальной стабильности и национальной консолидации российского общества, — вообще трудно переоценить.

/ Михаил ДЕЛЯГИН /

Холодная война **и модернизация** **России**

РОССИЯ: ПОТРЕБНОСТЬ В НОВОМ ПРОЕКТЕ РАЗВИТИЯ

Если либеральный проект является подлинной концентрацией текущих и стратегических интересов Запада — к тому же наиболее удобным, наиболее естественным для него образом действий, то модернизация России до самого последнего времени не была нужна ни одной сколько-нибудь значимой политической силе. Существенно, что она была не нужна не только стратегическим конкурентам России, но и собственно российскому государству, едва ли не все силы представителей которого уходили на потребление (причём в основном непроизводительное) наследства Советского Союза, наиболее концентрированным выражением чего благодаря головокружительному росту мировых цен на сырьё стали нефтедоллары.

Эту ситуацию закрепляли объективные трудности конкуренции заведомо локального проекта (хотя и способного в принципе выйти на глобальный уровень), каким является модернизация одной страны, пусть даже и столь потенциально значимой, как Россия, — с заведомо глобальным либеральным проектом. Очевидность этих трудностей вызывала у представителей российского государства административный (не говоря об интеллектуальном) паралич уже на этапе простого осознания задачи.

Украинский кризис отчасти изменил ситуацию, так как стал в том числе и совершенно открытым актом глобальной конкуренции Запада (выступившего после многообещающих признаков раскола в связи с агрессией США и их сателлитов в Ираке единым фронтом) против России. По мере развёртывания этого кризиса представители российского государства начали мучительно осознавать, что их неэффективность по вполне объективным причинам сделает неизбежной попытку Запада разрушить Россию и восстановить внешнее управление ею, памятное по периоду 1991–1998 годов, при помощи тех или иных «демократических спецопераций».

В этих условиях, продолжая механически реализовывать доказавший свою безнадежность либеральный проект, современное руководство России обрекает на уничтожение не только свою страну (к которой оно в последние полтора десятилетия относилось с исключительным, почти не имеющим аналогов в мировой истории спокойствием), но и себя: не только как правящую элиту,

но и в значительной степени — как совокупность физических лиц (примеры Слободана Милошевича, Саддама Хусейна и Муаммара Каддафи с характерным «вау!» от Хиллари Клинтон заставят задуматься даже самого ярого «западника»).

При этом отсутствие альтернативного проекта полностью лишает всякого смысла даже разумные сами по себе усилия по укреплению государственной власти. Поскольку, не имея общественного проекта, власть не в состоянии объяснить цель этого укрепления ни обществу, ни себе самой. А не имея цели, нельзя понять, какие действия, пусть даже и в заданном направлении, являются правильными и оправданными, а какие нет.

В частности, предпринимаемые усилия (в самом лучшем случае — если предположить, что они действительно достигают успеха) лишь создают необходимые управленческие предпосылки для решения насущных задач, стоящих перед обществом, в первую очередь — модернизации. Но даже укрепленное государство, даже на деле, а не на бумаге «выстроенная» «вертикаль власти», — не более чем средства решения задач, стоящих перед обществом.

В сегодняшних условиях, когда не только конкретные, более тонкие инструменты, но даже представления о способах решения общественных задач (а зачастую — даже о самих этих задачах) из-за отсутствия адекватного национального проекта просто не существуют в природе, созданные дорогой ценой и напряжением всех скудных сил средства оказываются если не бессмысленными, то, во всяком случае, преждевременными. Они живо напоминают билет на самолёт, купленный до принятия решения о том, в какой город собирается лететь пассажир: в принципе, совершённый шаг правилен, но из-за неверной последовательности действий его, скорее всего, придётся переделывать.

Чтобы стать успешным, государство (и в этом оно ничуть не отличается от всех остальных общественных явлений) **должно действовать в соответствии со своей природой, то есть — в интересах общества.** В современной России это означает прежде всего разработку нового, нелиберального национального проекта, направленного на обеспечение интересов всех основных слоёв общества, ущемлённых либеральным проектом. То есть с теоретической точки зрения — всех, кроме крупного российского и транснационального иностранного бизнеса.

На практике же инстинктивная, неосознанная и потому чрезмерная реакция общества начала 2000-х на либеральный проект, развившаяся в пугающем и разрушительном подавлении старой, коммерческой олигархии, времён Ельцина новой, силовой олигархией автоматически делает модернизационный проект благотворным и для крупнейшего бизнеса тоже. Причина этого кажущегося парадокса проста: модернизационный проект хотя бы в силу своей системности неизбежно заместит хаотичный произвол и ситуативное, но широко распространённое насилие (в том числе и психологическое) силовой олигархии над бизнесом чёткими рамками правил — возможно, жёстких и стесняющих, но, во всяком случае, определённых. Относительно сегодняшнего положения это является безусловным благом для олигархов — хотя бы потому, что, за некоторыми исключениями, «самая плохая стабильность лучше самого хорошего хаоса».

Таким образом, в противовес расколовшему общество либеральному проекту, проект модернизационный объективно будет вынужден играть консолидирующую, объединяющую и сплачивающую роль.

СМЫСЛ И СОДЕРЖАНИЕ МОДЕРНИЗАЦИОННОГО ПРОЕКТА

Минимальной целью модернизационного проекта является обеспечение российскому обществу гарантированного, долгосрочного и коллективного выживания в среде существования современных обществ — всё более жёсткой глобальной конкуренции. Собственно, эта среда настолько сурова, что непосредственное выражение исторического успеха, победы, триумфа и есть гарантированное выживание.

Либеральный проект исходно, по самой своей природе, нацелен на обеспечение выживания в глобальной конкуренции ни в коем случае не всего общества, но лишь его отдельных фрагментов (в основном сырьевых), не встречающих конкуренции в мировом хозяйстве и потому вписываемых им в себя автоматически, без значимых усилий с их стороны.

Выживая, по сути дела, за счёт уничтожения собственного «родного» общества, эти фрагменты вынужденно переосмысливают себя уже как часть наиболее развитой части мира — «мирового сообщества», «человеческой цивилизации», «Запада» и т.д., которая уже

не имеет и не должна иметь ничего общего с породившим её обществом.

Модернизационный проект есть ответ всего остального российского общества, лишённого будущего либеральным проектом и приговорённого им к деградации, вымиранию и превращению в простое удобрение для наиболее сильных участников глобальной конкуренции.

Мировоззренческой основой этого проекта представляется обязательный **возврат к целостному рассмотрению России как единого субъекта глобальной конкуренции**. Целостное рассмотрение подразумевает понимание страны в качестве «корпорации особого типа», развивающей не только производство, но и необходимый этому производству человеческий капитал — вместе с неразрывно связанной с этим человеческим капиталом социальной и природной средой.

Все основные социальные слои и группы должны рассматриваться при этом если и не как равно-, то, во всяком случае, как существенно значимые. Идея общего развития за счёт подавления некоторых из них (либо «враждебных», какой для коммунистов была буржуазия, либо «ненужных», каким для либеральных фундаменталистов остаются две трети нашего общества) должна отвергаться как заведомо порочная, контрпродуктивная, нереализуемая и разрушающая общество.

Основное настроение модернизационного проекта, его скрытое послание обществу — это **«возвращение к здоровому смыслу»**, излечение России от смертельно опасной болезни либерального фундаментализма под лозунгом **«От реформ к нормальности»**.

Так как Советский Союз всё более становится в массовом сознании идеалом общественного устройства, целью модернизации для этого сознания может быть «воссоздание СССР на базе рыночных отношений, с опорой на национальный капитал и современные технологии», — разумеется, «без недостатков, приведших его к историческому поражению».

Категорическим требованием к модернизационному проекту является **яркое определение и чёткая фиксация «сверхзадачи»** предусматриваемых им преобразований, — «сверхзадачи», определяющей новую позитивную роль российского общества для развития всего человечества. Причина этого, при всей видимой романтичности подобной постановки цели, сугубо утилитарна и заключается в том, что российское общество, как известно, органически не способно развиваться

без «сверхзадачи». В этом отношении наша страна действительно никогда и ни при каких обстоятельствах не сможет «догнать Португалию» — только Америку.

Непосредственной целью работы по формированию модернизационного проекта является определение необходимой для России политики (от базовых принципов до конкретных мер) в наиболее значимых для неё сферах общественной жизни.

В ходе этой работы не следует слишком сильно вдаваться в прогнозирование стихийного развития событий (которое в обозримом будущем, безусловно, будет в целом негативным) и в критику текущих действий государства — по мере приближения к системному кризису эти занятия будут всё более популярными и всё менее полезными.

Ими можно заниматься только в той степени, в которой их нельзя избежать для решения главной задачи — выработки нового нормативного подхода, категорического императива, чёткого и как можно более подробного ответа на классические вопросы: что такое «хорошо»? какая именно государственная политика

во всех значимых сферах общественной жизни соответствует нуждам России?

Этот норматив должен стать объективным (и в идеале — общепринятым) «критерием истины» по отношению к государственной политике, своего рода камертоном: приближение к нему — безусловное благо, даже если осуществляется политическими или личными противниками, отдаление от него — столь же безусловное зло, даже если является результатом действий политических союзников или просто глубоко симпатичных нам людей.

Среди дополнительных целей работы по реализации модернизационного проекта следует особо выделить формирование широкого круга экспертов, специалистов и перспективной молодежи, обеспечивающих проявление, вербализацию и углубленную многостороннюю проработку (в том числе самостоятельную) модернизационного проекта. Этот проект должен во многом стать саморазрабатывающимся, самостоятельно развивающимся процессом, а в той степени, в которой подготовку специалистов для его разработки удастся превратить в подготовку кадров для будущего

государственного аппарата, видящих своей сверхзадачей модернизацию России, — и самореализующимся.

Принципиально важным представляется максимально широкое распространение, внедрение в общество и государство модернизационных ценностей и идей, обеспечение идеологического перелома и вытеснение ими как либеральных представлений и стереотипов, так и закономерно порождаемых ими настроений отчаяния и безысходности. Одним из важных инструментов идеологического

перелома служит формирование модернизационных настроений в среде преподавателей вузов, в значительной степени определяющих системы ценностей и настроения выпускников, то есть доминирующие идеологию и настроения завтрашнего дня.

Для успеха модернизационного проекта он должен опираться (по крайней мере на первом своем этапе, пока является преимущественно не самостоятельной силой и процессом, но всего лишь альтернативой либеральному проекту) на часть общества, которая, с одной стороны, ущемляется и лишается перспектив либеральным проектом, а с другой — обладает наибольшими и наиболее разнообразными ресурсами.

Сегодня это — крупный национальный (российский) бизнес, достигший лидирующих позиций на региональных рынках. Он обладает следующими особенностями, сочетание которых делает его потенциальным двигателем нового этапа развития нашего общества:

- наличие значительных и разнообразных (волевых, материальных, финансовых, организационных, интеллектуальных, административных) ресурсов;
- очевидная невозможность реализации этих ресурсов для дальнейшего развития бизнеса в силу объективных хозяйственных (доминирование крупного бизнеса федерального уровня, невозможность развития без административной «крыши», границы которой соответствуют границам региона) и политических (нарастающая централизация процессов принятия решений и в целом политической жизни) ограничений;
- масштаб деятельности, ещё недостаточный для использования возможностей либерального проекта (влияние на государство, выход на международные финансовые и товарные рынки), но уже не позволяющий избежать значительных потерь от его реализации (в том числе из-за внешней конкуренции);
- отраслевая и, что особенно важно, региональная раздробленность, что создаёт объективную потребность в гибкой координации его общественных и политических усилий в национальном масштабе.

Представляется принципиально важным, что средний бизнес в целом уже аккумулировал ресурсы, необходимые для **прорыва с регионального уровня на общенациональный и, далее, на международный**. Именно этот прорыв высвободит колоссальную накопленную

и подспудно пережигаемую энергию нашего общества и сможет, как представляется, стать источником и содержанием не просто ускорения общественного прогресса, но комплексной и качественной модернизации всей России.

Масштабы этой задачи и, соответственно, требуемую для ее решения энергию трудно переоценить. В частности, обеспечение долгосрочной конкурентоспособности нашего общества возможно лишь за счёт восстановления и наращивания на качественно новой технологической базе всех без исключения компонентов национального капитала — в первую очередь человеческого, технологического, материального (производственного и природного), финансового.

Крупный национальный бизнес остро нуждается в политическом, интеллектуальном и, главное, идеологическом обеспечении своего прорыва на общегосударственный уровень, который является для него первоочередной и полностью осознанной потребностью. Именно средством осуществления этой потребности и должен стать для него модернизационный проект — по крайней мере на первом этапе своей реализации.

В силу олигархического характера сопротивления крупному бизнесу его прорыв неминуемо будет носить характер антиолигархической (при этом направленной против не только коммерческой, но и силовой олигархии) революции.

Чтобы естественное и закономерное отторжение либералов не привело к неприемлемому обеднению и, соответственно, к дестабилизации нашего общества (ибо по-настоящему устойчивой может быть лишь достаточно сложная система), модернизационный проект с самого начала своей разработки должен включать позитивную, конструктивную, общественно полезную компоненту либерализма — подлинные либеральные, демократические ценности.

Только в этом случае необходимое уничтожение либерализма как неприемлемого для России идеологического течения и враждебной политической силы не приведет к утрате этих ценностей, необходимых для успешного общественного развития.

Только в этом случае проект модернизации России сможет выполнить и свою краткосрочную, но при этом всё равно исключительно значимую политическую задачу: **аккумулировать и свести воедино весь накопившийся в обществе разумный протест, переведа**

его энергию из отрицания в созидание, из негатива в позитив.

Оседлав растущее массовое недовольство и направив его в созидательное русло, модернизационный проект тем самым превратит его из фактора дестабилизации и, возможно, самоуничтожения российского общества в инструмент его возрождения.

Такая трансформация нарастающего в результате неадекватных либеральных реформ общественного протеста создаст возможность оздоровления и повышения эффективности государства (то есть его модернизации) при обособлении и маргинализации деструктивного протеста.

МОДЕРНИЗАЦИОННЫЙ ПРОЕКТ КАК ФАКТОР ВЫЖИВАНИЯ

В России сложилась политическая система, не только органически неспособная к развитию, но неуклонно и слепо разрушающая сама себя — по причине отсутствия механизмов обратной связи — безумной социально-экономической политикой. Её крах в ходе предстоящего системного кризиса представляется неизбежным, и всё будущее нашего общества зависит от того, удастся ли в момент этого краха (а еще лучше — упреждая его) провести комплексную политическую модернизацию и оздоровить государство, создав тем самым предпосылки для проведения разумной политики и постепенного оздоровления как экономики, так и общества в целом.

Альтернатива проста, очевидна и ужасна: не просто территориальный распад России, но и, возможно, её полная и окончательная гибель.

Чтобы свести вероятность реализации такой альтернативы к минимуму, общество должно успеть подготовить позитивную созидательную программу действий, предъявляемую в качестве обязательного консолидированного и категорического требования любым претендентам на государственную власть. Без такого позитивного императива системный кризис, как это было во время дефолта 1998 года, не приведёт к политической модернизации, оздоровлению государства и обеспечению его ответственности перед обществом. Либеральная, развращённая и вполне безнадёжная элита либо сохранит власть, либо уступит ону ещё менее дееспособным конкурентам.

Соответственно, после первичной стабилизации, когда пройдёт первый испуг, по-

литическая система вновь вернётся на круги своя, и Россия, ведомая толпой сменяющих друг друга воров и бандитов, в сжатые сроки завершит свой путь к могиле.

Поэтому разработка и как можно более глубокое внедрение в общественное сознание модернизационного проекта являются не просто актом стратегического планирования, но одним из важнейших направлений работы по восстановлению, а в конечном счёте — и по спасению нашей Родины.

Отказ от него или его неудача в один из самых критических моментов всей истории российского общества превратят его в беспомощного слепца и потому существенно повысят вероятность его гибели, — а с ним и всех нас как его членов.

Ключевой инструмент развития — комплексная модернизация инфраструктуры. Современные технологии на автодорогах и иных видах транспорта, в ЖКХ, в энергетике создадут новую Россию, а развитие этих сфер создаст деловой бум, сделав нашу страну самой привлекательной в мире для бизнеса.

Модернизация инфраструктуры (кроме мобильной связи и Интернета) непосильна для частного бизнеса, ибо приносит эффект не осуществляющей ее компании, а всему обществу в целом. Это спасает государство от недобросовестной конкуренции с бизнесом.

Деньги есть — в бюджете по состоянию на 1 октября 2014 года заморожено более 8,7 трлн рублей, даже за часть этих средств можно построить на месте замученной либералами России новую, современную страну.

Но лучше направить бюджетные деньги на соцсферу и оборону, а экономику развивать за счёт перехода к проектному финансированию: эмиссия рубля должна, как во всех развитых странах, определяться потребностями России, а не тем, сколько нам разрешают заработать и «получить на руки» наши конкуренты. А модернизация ЖКХ в крупных, средних и обеспеченных малых городах должна финансироваться накопительными пенсионными взносами: в отличие от «русской рулетки» фондового рынка, она гарантирует долгосрочную и достаточно высокую прибыль.

Для модернизации инфраструктуры нужно кардинальное ограничение коррупции — технологически элементарное, но рискованное политически (так как при этом, похоже, сместится государственный строй).

Для этого необходимо как минимум установить (по примеру Италии), что взяточдатель

в случае сотрудничества со следствием освобождается от ответственности (это возлагает всю ответственность на организатора коррупции — чиновника и, лишая жертв коррупции стимулов к его защите, разрывает круговую поруку, в настоящее время надёжно защищающую организованную преступность), а также ввести (по примеру США) полную конфискацию даже добросовестно приобретённых активов (кроме необходимого для скромной жизни) семей членов организованной преступности (включая коррупционеров: коррупция власти всегда связана с мафией), не сотрудничающих со следствием.

Для модернизации инфраструктуры необходимо и жёсткое ограничение произвола монополий — иначе выделенные средства частью будут украдены, а частью уйдут в рост цен.

Это требует обеспечить полную прозрачность структуры цен естественных монополий и фирм, подозреваемых в злоупотреблении монопольным положением (при необходимости — с ответственностью органов государственного регулирования за неразглашение коммерческой тайны).

Следует, по примеру Германии, предоставить ФАС право при резком колебании цены сначала возвращать её на прежний уровень и лишь потом расследовать обоснованность такого изменения, расценивая отказ продавать продукцию по этой цене как уголовное преступление.

Надо обеспечить российским производителям свободный доступ на рынки городов, при необходимости — силовыми структурами и проведением спецопераций по расчистке путей для свободной конкуренции.

По примеру Италии разумно запретить создание сетевых магазинов везде, где могут функционировать обычные магазины.

Средний, малый бизнес и граждане должны получить гарантированный свободный доступ к товарам и услугам «естественных монополий». В частности, необходимо снять искусственные барьеры при подключении к электроэнергии и магистральному газу; при ограничениях, признанных независимой проверкой естественными, — осуществлять соответствующее расширение инфраструктуры за счёт средств самих «естественных монополий».

Целесообразно заморозить минимум на три года тарифы на продукцию и услуги «естественных монополий», ЖКХ, городского транспорта. Провести тщательный анализ

их издержек и за счёт сокращения воровства, коррупции, устранения искусственно созданных посредников, применения передовых технологий и повышения качества управления в течение года снизить тарифы на услуги ЖКХ не менее чем на 20%, а тарифы на электроэнергию и цену газа на внутреннем рынке — не менее чем на 10%. Опыт показывает, что это не наносит практически никакого ущерба собственно бизнесу, работающему в данных сферах.

При этом следует установить, что, если оплата жилья и коммунальных платежей превышает 10% доходов семьи, превышение оплачивается местным, а если у местного бюджета нет денег, — то региональным, или, если нет денег в регионе, — то федеральным бюджетом. Это столкнёт коммунальные монополии уже не с беззащитными гражданами, а с всесильным Минфином, который принуждён будет быстро и эффективно ограничить произвол монополий.

Для успешного осуществления комплексной модернизации необходим переход к разумному протекционизму, хотя бы на уровне нынешней Европы. Ведь почти всю массовую продукцию Китай делает дешевле, а часто — уже и лучше нас. Если мы хотим иметь рабочие места — мы должны последовать примеру развитых стран, большинство которых, не признаваясь в этом, усиливает протекционизм из-за глобального кризиса.

ВТО жёстко ограничивает возможности защиты национального рынка, однако на время действия санкций против России исполнение обязательств в рамках ВТО должно быть приостановлено в связи с очевидными форс-мажорными обстоятельствами. Одновременно следует провести тщательное расследование мотиваций либералов, устроивших вступление России в ВТО на заведомо кабальных, по сути дела, колониальных условиях: по международному праву, любой договор, заключённый на основе коррупционной мотивации, автоматически является ничтожным. Репутация российских либералов не оставляет никаких сомнений в том, что поиск и доказательство подобной мотивации не потребует ни значительного времени, ни заметных усилий.

В России слабость рыночных стимулов вынуждает сочетать протекционизм с принуждением предприятий к технологическому прогрессу, сначала цивилизованными (через введение новых стандартов), а в случае непонимания — и административными методами.

При необходимости увеличить число занятых или создать производство товаров, которые в мире производятся менее чем тремя независимыми производителями (а это является условием экономической безопасности) и нежелании частного бизнеса заниматься решением этих проблем, необходимо создавать государственные предприятия (в случае их нестратегического характера — для последующей приватизации).

Наконец, модернизация объективно требует гарантирования прожиточного минимума — экономического выражения права на жизнь. Цена вопроса — около 600 млрд рублей в год (большая часть которых вернётся налогами), но без этого нельзя воспитать и привлечь необходимую для модернизации «критическую массу» квалифицированных работников.

Эти средства можно получить за счёт ограничения коррупции и конфискации коррупционных средств, а в крайнем случае — за счёт накопленных бюджетных резервов.

Принципиально важно, что гарантирование реального прожиточного (а семьям с детьми — социального) минимума, дифференцированного по регионам (в зависимости от разного уровня цен, природно-климатических и транспортных условий при обеспечении одинаковых социальных стандартов и в целом условий жизни), даст по мере решения этой задачи объективный обобщённый критерий успешности государственной политики в целом и объективное же основание всей политике межбюджетных отношений. Оно позволит прекратить хаос и коррупцию в этой сфере (все 2000-е годы регионы получают помощь по принципу достижения «средней температуры по больнице», то есть приближения к среднероссийскому уровню, оторванному от каких бы то ни было объективных критериев).

Это лишь первоочередные меры. Нужны и прогрессивная шкала налогообложения личных доходов (сейчас она, по сути, регрессивна: чем человек беднее, тем выше его обязательные социальные взносы, а для богатых создан «налоговый рай»), и электронная система принятия государственных решений, и компенсационный налог на грабительскую приватизацию (выплачиваемый во избежание ущерба производству в натуральной форме — пакетами акций).

В стране, искусственно удерживаемой либералами в бедности, доступные качественные жильё, здравоохранение и образование

для половины населения должны быть почти, а для четверти населения — полностью бесплатными.

Мир создают технологии — и сейчас, в начале новой смены технологического базиса («сланцевая революция» и 3D-принтер — лишь первые ласточки будущего), Россия может вернуть глобальную конкурентоспособность поиском и доработкой технологий ещё советского ВПК.

Но первоочередные меры за год неизвестно преобразят Россию, превратят её в эффективную и сильную страну.

Следует с беспощадной ясностью понимать, что государства, даже США, давно уже не являются главными участниками мировой политики. Над ними выросла новая могущественная общность — глобальный бизнес.

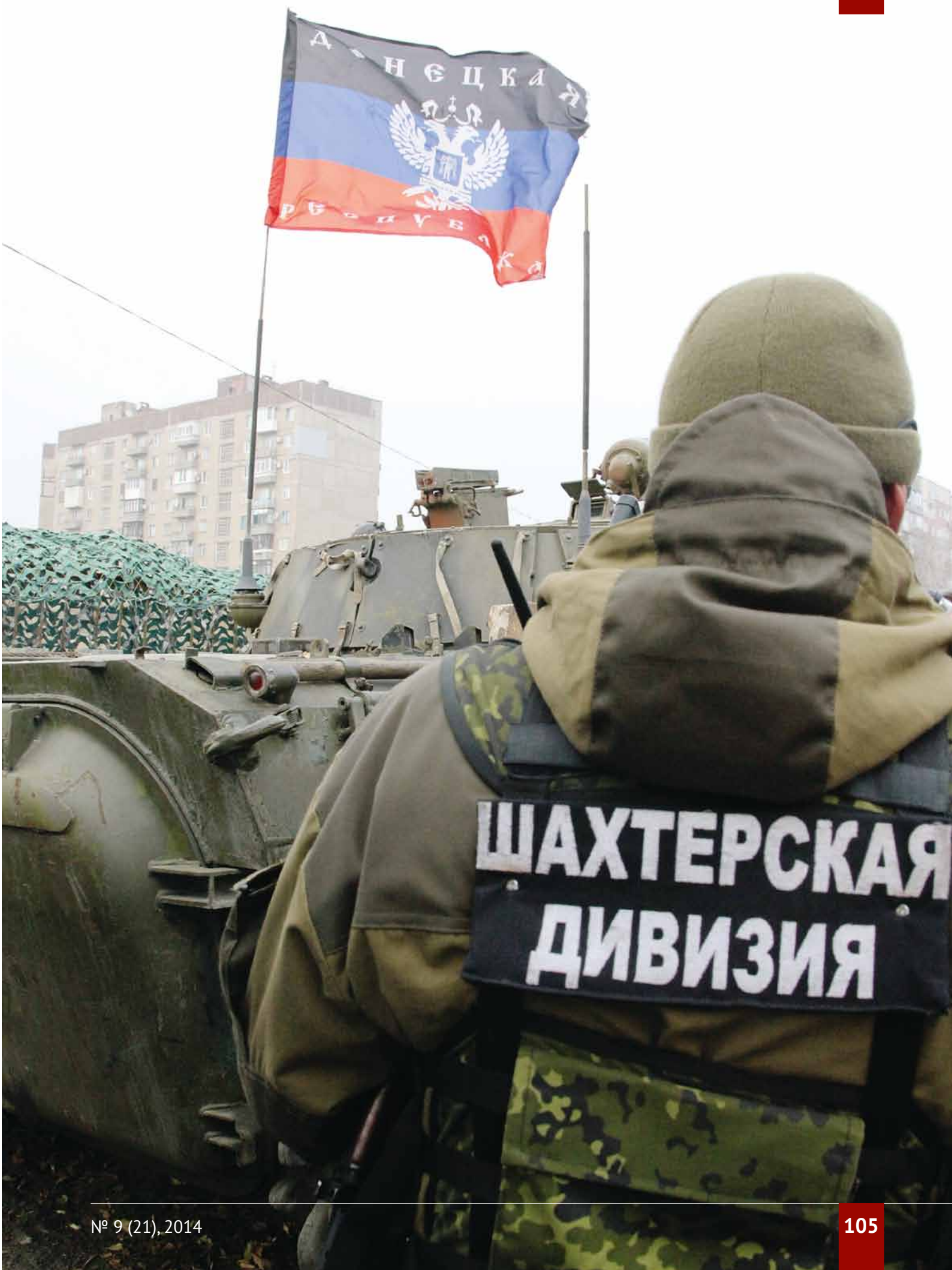
Поэтому, сохраняя в формальный целях обычную дипломатию, центр тяжести внешней политики надо перенести на отношения с реальными хозяевами мира — глобальными монополиями. Без этого Россия нелепа, как гость, общающийся с прислугой и игнорирующий хозяина дома.

На противоречиях внутри глобального бизнеса можно и должно играть — но для этого надо быть в курсе таких противоречий. У нас же после Сталина изучением глобального бизнеса и спаянных с ним в глобальный управляющий класс аристократии, культурных и технологических элит практически не занимались.

Отдельные шаги в этом направлении (вроде сотрудничества «Роснефти» с ExxonMobil) верны, но несистемны, а потому — недостаточны (как было недостаточно взаимодействие брежневского Советского Союза с Хаммером и Аньелли).

Положение России перспективно: крах традиционного мироустройства поворачивает элиты к культуре, патриотизму и социальным ценностям, символом чего всегда была наша страна.

Русская культура, объединяющая гуманизм и техническую грамотность, — единственная мощная культура, способная спасти от двух уже очевидных стратегических угроз: расчеловечивания и технологической деградации. Такое мессианство позволяет ей стать ресурсом выживания всего человечества. Но, чтобы эта возможность превратилась в реальность, государство должно начать исполнение хотя бы прямых своих обязанностей — запустить проект комплексного развития и всесторонней модернизации страны.

/ Александр МАСЛОВ /

Холодная война и феномен «украинства»

Заметки о культурологии Майдана

В недавнем интервью телеканалу НТВ министр иностранных дел РФ Сергей Лавров, комментируя ситуацию на Украине, а также режим санкций, введённый против России США и их союзниками, произнёс весьма значимую фразу: «Истинная цель рестрикций — переделать Россию, изменить её позицию по ключевым, принципиальнейшим для нас вопросам и заставить принять позицию Запада». То есть добиться того результата, которого Запад добился и в отношении государств Восточной Европы, бывших союзниками СССР, и в отношении ряда «постсоветских» республик, включая Украину.

Тем самым глава отечественного дипломатического корпуса подтвердил, что наша страна сегодня является объектом и участником самого высшего и мощного системного конфликта: трансформационной войны. По отношению к которому обычные боевые действия с использованием материальных сил и средств, направленных на физическое поражение и уничтожение противной системы (деформационная война), и даже информационная война, направленная на поражение и уничтожение коммуникативной системы противника, выступают явлениями подчинённого и вспомогательного порядка.

Цель трансформационной войны — поражение, уничтожение и преобразование ценностной системы противника, определяющей его идентичность, и, как результат, — создание качественно нового субъекта (индивидуума, социальной, этнической, конфессиональной общности и т.д.), обладающего необходимыми для актора трансформационной войны характеристиками.

История полна примерами трансформационных войн всех уровней: от обращения апостола Павла до уничтожения сначала Российской империи, а затем Советского Союза, хотя их история до сих пор не только не написана, но даже не поставлена как общая проблема.

В случае нынешнего конфликта на Украине мы имеем дело как раз с типичным образцом трансформационной войны на этноконфессиональном уровне. В котором понятно абсолютно всё: и акторы, и объект, и механизмы конфликта. Понятно прежде всего потому, что данный конфликт разворачивался не один век, не только на территории современной Украины, и имел по крайней мере один ещё более успешный для его создателей аналог — конфликт между сербами и хорватами, языковые отличия между которыми ещё менее выражены,

чем между русскими и украинцами. В той ненависти, которую хорваты испытывают к сербам, нетрудно обнаружить практически все элементы нынешней ненависти украинских «укров» к российским «ватникам». Что не удивительно — акторы двух этих трансформационных конфликтов, по сути, одни и те же, только один из них длится минимум на несколько веков дольше второго.

Лично я уверен, что историки будущего, изучая недолгий и бесславный период существования «нэзалэжной» Украины на рубеже XX–XXI веков, в немалой степени будут озадачены тем, как могло получиться, что одна из самых крупных по территории, с развитыми наукой, инфраструктурой, промышленностью и сельским хозяйством страна, обладавшая высокообразованным населением, плодородными землями и богатейшими природными ресурсами, расположенная в самом центре Европы, за столь короткое время пришла к столь жалкому и ничтожному состоянию, оказавшись *failed state*, несостоявшимся государством.

Разумеется, ответы на эти вопросы будут самыми разными, зачастую — противоречащими друг другу или даже взаимоисключающими, как сегодня, например, являются взаимоисключающими информационные «картины мира», существующие в российском и в украинском коммуникативном пространстве. Ещё раз подчеркну, что этот конфликт существует не в рамках каких-то российско-украинских отношений, а в рамках совершенно иной системности, носящей, можно сказать, даже не межцивилизационный, а куда более глубокий и выходящий из истории в сферу миропонимания и миропостижения характер.

История — всего лишь то, что интересует нас в настоящем, образ актуального настоящего, «расширенного» как в условное прошлое, так и в условное будущее. История — это «человеческое, слишком человеческое». В ней слишком мало меры и математики, история куда ближе к искусству, чем к науке.

Зависят ли Периодическая таблица химических элементов Менделеева, законы геометрии Евклида и физики Ньютона — именно как совокупность объективных условий и обстоятельств мира — от человеческой воли и человеческой истории? Адекватный ответ на этот вопрос, скорее всего, будет отрицательным. Точно таким же он будет и для проблематики аналогичного и — конечно же! — ещё более высокого уровня.

Предлагаемый дальнейшему вниманию читателей текст ни в коей мере не претендует на законченность и полноту рассмотрения затронутых в нём проблем и вопросов, которые на первый взгляд могут показаться даже не связанными друг с другом. Но все они, так или иначе, касаются феномена «украинства» в его современном изводе, который уже привёл и ещё приведёт к многочисленным трагедиям и катастрофам очень многих из тех, с кем он в той или иной форме взаимодействует.

ПОЧЕМУ УКРАИНА — НЕ РОССИЯ

В 2007–2008 годах на Украине («Великие украинцы»), а в 2008 году в России («Имя Россия») были практически параллельно осуществлены два аналогичных медиапроекта по лицензии британской Би-би-си. Телезрителям предлагалось выбрать сотню величайших представителей своего государства, первый из которых мог быть представлен как своего рода «лицо» всей своей государственной общности.

Это было своего рода массовым социологическим исследованием, истинные заказчики и организаторы которого, разумеется, остались за кадром. А результаты могли быть и, скорее всего, были использованы для подготовки нынешнего украинского конфликта.

Результаты эти оказались таковы.

Для Украины (провайдер — телеканал «Интер»):

Князь Ярослав Мудрый — 648 тысяч голосов (40% от 1 621 049 поступивших голосов), за ним следовали хирург Николай Амосов (19,88%), а также глава УПА Степан Бандера — 261 тысяча голосов (16%). Общепризнанная «икона украинства» поэт Тарас Шевченко собрал меньше 115 тысяч, заняв только четвёртое место. Как утверждалось тогда в националистической прессе Украины, 200 тысяч СМС, голосовавших за Ярослава Мудрого, были посланы всего лишь с 80 номеров мобильных телефонов: «На канале «Интер» нашли кандидатуру, которая сможет заменить неизменного лидера зрительских симпатий — Степана Бандеру, за которого организовано голосуют национально сознательные граждане».

Для России (провайдер — телеканал «Россия») счётчик был остановлен 28 декабря 2008 года на следующих цифрах:

Александр Невский (524 575 голосов), затем Пётр Столыпин (523 766), Иосиф Сталин (519 071) и Александр Пушкин (516 608).

Вас ничего не удивляет в двух этих параллельных списках? Не касательно конкретных имён, а касательно самой структуры активных общественных предпочтений? На первой позиции — исторический правитель, на третьей — «знаковый» политик недавнего прошлого, на четвёртой — «знаковый» национальный поэт. Важная разница касается второй позиции. Казалось бы, что общего между хирургом Амосовым и государственным деятелем Столыпиным. Но если учесть, что последнего на протяжении долгого времени подавали как человека, желавшего спасти Российскую империю, своего рода «врача государства», который погиб при исполнении своего долга, аналогия становится полной. Структура одна и та же: великий предок — «врач» — вождь — поэт. Следовательно, мы имеем дело с одним и тем же социальным психотипом, где одни и те же позиции занимают разные фигуры. Только в российском случае «врач» оказывается общественным, а в украинском — личным. Вот и все отличия. То есть украинцы образца 2008 года отличались от россиян только подсознательным предпочтением личного комфорта и здоровья комфорту и здоровью общественному.

Если сравнить эти данные с результатами пионерского опроса Би-би-си «Сто великих британцев», где первая четвёрка выглядела так: Уинстон Черчилль — Изамбард Брюнель — принцесса Диана — Чарльз Дарвин, — то налицо совсем иная система общественных приоритетов: вождь — инженер — красавица — учёный (Уильям Шекспир, национальный поэт, занял в опросе британцев пятое место).

С точки зрения социальной психологии все три случая можно рассматривать как персонафикацию через «социально-исторические роли» типичной «пирамиды коммуникативных потребностей»: казаться — нуждаться — стремиться — основываться. Вершина этой пирамиды, первая позиция — это образ того, чем или кем хочет выглядеть данный субъект в отношениях с другими субъектами. Следующий «ярус» — образ того, чего ему не хватает и в чём он нуждается для достижения этого идеального образа. Далее следует образ того, к чему он на самом деле стремится, «внутренний образ действия». И, наконец, последнее — то, на чем всё это строится, основа «внутреннего образа действия».

И если на примере британцев мы видим основанное на научном знании (конкретно — на теории эволюции Дарвина) внутреннее

стремление к гедонизму (конкретно — образ принцессы Дианы), окружённому и обеспеченному соответствующей техносферой (конкретно — образ практически неизвестного нам британского судостроителя и железнодорожника XIX века) и явленного вовне политическим господством (конкретно — образ сэра Уинстона Черчилля), то в случае с русскими и украинцами социальная психология совершенно иная. Это — основанное на «языковом космосе» внутреннее стремление к политическому господству, окружённому и обеспеченному личной (общественной) безопасностью и явленному вовне «золотым веком», для которого нет прошлого, настоящего и будущего.

Для России этот «золотой век» — по видимости, алогично, но, по сути, точно — ассоциируется с фигурой князя Александра Невского, сделавшего свой цивилизационный выбор (непримиримая борьба на Западе, мир на Востоке). А для Украины — с фигурой Ярослава Мудрого, автора свода законов «Русской правды» (не «Украинской правды», заметьте!), при котором никакого цивилизационного разделения на Европу и Русь (Россию) вообще не существовало (Анна Ярославна — королева Франции, будущие норвежские и датские короли десятилетиями служат киевскому великокняжескому столу и т.д.).

Куда более исторически и политически оправданное сопоставление между Александром Невским и Даниилом Галицким, впервые обоснованное, кажется, Львом Гумилёвым, для украинской социальной психологии категорически неприемлемо, поскольку судьбу Галицко-Волынского княжества трудно считать приемлемым образом «золотого века», идеалом, к которому надо стремиться. Эту тонкость, кстати, совершенно не понимают российские национал-демократы, один из идеологов которых, поэт Алексей Широпаев, так в своё время прокомментировал итоги указанных выше медиапроектов: «Война Москвы против Киева — это всего лишь новая форма старого спора, начатого ещё в XIII веке. Спора между Даниилом Галицким и Александром Невским.

Нет, это не просто конфликт «Газпрома» с «Нафтогазом».

Это опять — Орда против Руси. Евразия против Европы.

Александр Невский и Даниил Галицкий — не просто имена. Это «кармические» имена двух народов: русских и украинцев...

И то, что в конце 2008 года Александр Невский победил в проекте «Имя Россия», — глу-

боко не случайно. Думаю, это не подтасовка. За этой победой кроется реальное дремучее состояние русских умов.

Мы как бы дали согласие на дальнейшее прозябание в азиатском безвременье. Имя Украины — конечно, князь Даниил Галицкий, современник и политический враг Невского. Не случайно, что Галицко-Волынское княжество, просуществовавшее почти столетие, считается предтечей современного украинского государства. Импульс, заданный Даниилом, прошёл через века, воплощаясь то в подвигах Выговского и Мазепы, то в строках Шевченко, то в борьбе Бандеры и Шухевича, то в «оранжевом» Майдане декабря 2004-го...».

Между прочим, младший брат Александра Невского, Андрей, долгое время находился при дворе Даниила Галицкого, был его зятем (его свадьба с дочерью Даниила Галицкого Устиньей состоялась в 1250 году), а сам «король Руси», получивший этот титул из рук папы римского, доводился победителю шведских и тевтонских рыцарей... четвероюродным племянником, хотя и по старшей ветви Мономашичей, и был старше своего «дядьки» почти на 20 лет.

Ярослав Владимирович Мудрый (р. 978 или 983/986)

Всеволод Ярославич (р. 1030)

Владимир Всеволодович Мономах (р. 1053)

*Мстислав Владимирович
Великий (р. 1076)*

*Юрий Владимирович
Долгорукий
(80–90-е гг. XI в.?)*

*Изяслав Мстиславич
(р. 1097)*

*Всеволод Юрьевич
Большое Гнездо (р. 1154)*

*Мстислав Изяславич
(р. 1125/1126)*

*Ярослав Всеволодович
(р. 1191)*

*Роман Мстиславич
Великий (р. 1150)*

*Александр Ярославич
Невский (р. 1221)*

*Даниил Романович
Галицкий
(р. 1201 или 1204)*

Кроме того, немаловажно, что Ярослав Мудрый, прапрапрапрадед Александра Невского, в отличие от Даниила Галицкого, в качестве «имени Украины» по отношению к «имени России» обладает несомненным старшинством — точно так же, как Киев, «мать городов русских», обладает несомненным старшинством по отношению к «первопрестольной» Москве, чего, например, в отношении того же Новгорода, где, кстати, княжил Александр Невский, нет и быть не может.

Всё это указывает на то, что Украину и Россию объединяет не только общая история, но и общий «имперский», или, если угодно, «государственнический», социальный психотип с опорой на «языковой космос», в котором одни и те же позиции занимает разный набор фигур, в украинском случае — как бы отрицающий актуальность раскола православия и католицизма в 1054 году, а в качестве актуального политического вождя, выдвигающего униата по конфессиональной принадлежности, то есть «греко-католика» Степана Бандеру.

Иными словами, «украинство», по сути своей, является таким же проектом «трансформационной войны» Ватикана среди восточного православного славянства, как и «хорватство» среди славянства южного. Однако его реализация, стоит повторить, началась гораздо позже и пока практически не продвинулась дальше степени подмены персоналий «ценностного пантеона». Ещё не много, но уже и не мало. Как раз хватило на Евромайдан и гражданскую войну против русскокультурной Новороссии.

«НИКОГДА МЫ НЕ БУДЕМ БРАТЬЯМИ...»

«Словоцентричность» общественного сознания Украины и России, равно как особенно-сти феномена «украинства», сознательного или бессознательного, можно проиллюстрировать получившим широчайший резонанс стихотворением, написанным на русском языке молодой украинской поэтессой Анастасией (Настей) Дмитрук (1991 г.р.) родом из города Нежин (Черниговская область). Стихотворение заслуживает того, чтобы привести его целиком.

*Никогда мы не будем братьями
ни по родине, ни по матери.
Духа нет у вас быть свободными —
нам не стать с вами даже сводными.*

*Вы себя окрестили «старшими» —
нам бы младшими, да не вашими.
Вас так много, а жаль — безликие.
Вы — огромные, мы — великие.*

*А вы жмёте... вы всё маётесь,
своей завистью вы подавитесь.
«Воля» — слово вам незнакомое,
вы все с детства в цепи закованы.*

*У вас дома «молчанье — золото»,
а у нас жгут «коктейли Молотова»,*

*да, у нас в сердце кровь горячая,
что ж вы нам за «родня» незрячая?*

*А у нас всех глаза бесстрашные,
без оружия мы опасные.*

*Повзрослели и стали смелыми
все у снайперов под прицелами.*

*Нас каты на колени ставили —
мы восстали и всё исправили.
И зря прячутся крысы, молятся —
они кровью своей умоются.*

*Вам шлют новые указания —
а у нас тут огни восстания.
У вас Царь, у нас — Демократия.
Никогда мы не будем братьями.*

Иногда его цитируют в ещё более «жёстком» варианте — с первой строкой «Никогда мы не станем братьями...». «Жёстким» этот вариант следует считать потому, что если «не будем», то хотя бы раньше были или могли быть, а если «не станем» — то и не были никогда. Что, в общем, не соответствует ни исторической правде, ни особенностям этногенеза (тюркско-монгольский компонент в русском и черкесский — в украинском), ни даже данным генетического анализа по гаплогруппам ДНК Y-хромосомы и РНК митохондрий (первое указывает на «родство по отцу», второе — на «родство по матери»).

Впрочем, мифология «братских народов», в том числе русского и украинского, всегда страдала, страдает и будет страдать существенным недостатком: «братские» отношения не являются синонимом хороших отношений. Кто убил Авеля? Его родной брат Каин. Кто продал Иосифа в египетское рабство? Его родные братья. Как возник Рим? После того, как Ромул убил своего брата-близнеца Рема, — причём обоих вскормила легендарная капитолийская волчица. Да и помимо мифов и легенд — редки ли аналогичные случаи в истории? Кто убил первых русских святых, князей Бориса и Глеба Владимировичей, братьев Ярослава Мудрого? Их родной брат по отцу — Святополк Владимирович Окаянный.

Так что дело не в «братстве» как таковом. А в принадлежности к единой коммуникативной системе, что предполагает актуальное единство ценностей, единство каналов коммуникации и единство смыслового пространства.

В случае с «украинством» даже на примере стихотворения Анастасии Дмитрук можно

видеть, что единства ценностей больше нет: ценностные установки на «свободу» и «демократию» в нынешнем сознании приверженцев «украинства» полностью доминируют и над принципом порядка, и над принципом справедливости. Что абсолютно соответствует и ценностным установкам «креативного класса» внутри России.

И уже в силу этого «украинство», как и отечественный «либерализм», не может рассматриваться как адекватная и жизнеспособная альтернатива троичности традиционного русского сознания, в рамках которого должны сочетаться все три принципа общественного устройства (понятие «устройство», кстати, содержит в самом себе принцип троичности — наш язык намного «умнее» каждого из нас и даже всех нас, вместе взятых).

Недавно, выступая на одном круглом столе, посвящённом такому в общем-то политически прикладному и одновременно философски фундаментальному вопросу, как «идеология Новороссии», неожиданно, «сам собой» сформулировался следующий тезис: «Любая идеология есть оформление некоей центральной идеи». Тезис, казалось бы, банальный, очевидный и незначимый, — но только на первый взгляд.

Потому что он был дополнен тезисом ограниченности количества этих самых «центральных идей», которых у человечества на протяжении всей его истории было, есть и будет всего-навсего три: идея порядка (Бога), идея развития (прогресса) и идея свободы.

Поскольку в современном мире идея свободы явно господствует над двумя другими, основную часть выступления пришлось посвятить именно этой идее. После чего выслушать ответную критику: мол, нельзя так категорически противопоставлять одну идею другой и настаивать на их несовместимости.

Но по зрелом размышлении готов признать, что мои оппоненты были отчасти правы, и наш спор, похоже, оказался одним из тех ныне редких споров, в которых действительно рождается пусть не истина, но всё равно нечто живое и интересное.

Да, идея свободы совместима и с идеей порядка, и с идеей развития. Но не с ними обеими сразу. Это важно. Можно совместить идею свободы с идеей порядка — но в ущерб идее развития. Можно совместить идею свободы с идеей развития — но в ущерб идее порядка. И можно совместить идею порядка с идеей развития — но в ущерб идее свободы.

Та же самая ситуация, что и с любым делом, которое, как известно, можно сделать дёшево, качественно и быстро, — но только по двум позициям из трёх. Если дёшево и качественно — то медленно. Если дёшево и быстро — то некачественно. А если качественно и быстро — то недёшево.

Два из трех — то самое «число Антихриста», 666 из тысячи и так далее. «Западная» идея, будучи в основе своей ущербно-двоичной, всё-таки совмещает (совмещала?) в себе принципы свободы и развития. Идея «украинства» основана на идее свободы как таковой, а потому является инструментальной для её бенефициаров и самоубийственной для её носителей.

И тот факт, что все «герои» «украинства», от Мазепы и Бандеры, до «небесной сотни Майдана», никаких подвигов не совершали, зато отличались повышенной тягой к предательству и смерти, наглядно свидетельствует в пользу такого предположения.

Как известно, дьявол ничего не может создать, но он может извратить, испортить и уничтожить созданное Богом. Модераторы «украинства» не создали его, а негативно трансформировали часть Русского мира.

ТРОИЦА СОВРЕМЕННОЙ ВОЙНЫ

«У России есть только два союзника — её армия и её флот» — эти слова предпоследнего российского императора Александра III чрезвычайно популярны. Хотя, если вдуматься, главе государства назвать собственные армию и флот «союзниками» — это всё равно, что назвать «союзниками» собственные руки и ноги.

Союзники в политике — это всё-таки нечто иное. Их отсутствие — даже самых временных и ненадёжных — верный признак геостратегической катастрофы того или иного государства: если не идущей «здесь и сейчас», то неминуемой, хотя и отложенной на годы

и даже десятилетия. Что, собственно, и демонстрирует нам исторический опыт Российской империи, распавшейся в 1917 году.

К тому же «армия и флот» — весьма специфические «союзники», способные продемонстрировать свою силу и оказать реальную помощь только при условии адекватности государственной власти национальным интересам. Первоклассные Вооружённые силы Советского Союза, как известно, не выступили в 1991 году на защиту собственного государства, хотя воинскую присягу сделать это давали все: от рядовых запаса до маршалов.

Но — приказ не был отдан, и СССР исчез с карты мира, а на его месте появилось с полтора десятка «новых независимых государств» — уже со своими собственными армиями (а некоторые — и с флотом). Украина и Российская Федерация в том числе.

Эти примеры свидетельствуют прежде всего о том, что «армия и флот» суть инструменты

для ведения только одного типа войны, а именно — войны деформационной, материальной, когда гремят пушки, летят ракеты, когда объектом военного воздействия становятся человеческие плоть и кровь, а также военная техника, заводы, поля и дороги противника.

Победы в таких «деформационных» войнах не сказать чтобы легко достижимы, — нет, они наглядны, но весьма условны и непрочны. Типичным примером такой победы можно назвать победу Антанты над Германией и Австро-Венгрией в Первой мировой войне — буквально через двадцать лет вчерашние победители были разгромлены побеждёнными, и Гитлер в 1940 году принимал капитуляцию французов. Но точно такими же непрочными оказались и гитлеровские победы.

Войны «второго уровня» — это войны информационные, в последнее время неотделимые от войн «первого уровня» и во всё большей мере предшествующие им. Америке мало было напасть на Югославию или Ирак — ей было важно обосновать свои действия перед всем миром. И не потому, что в противном случае бомбы с «обеднённым» ураном наносили бы меньший ущерб, а с целью сохранить за собой «право сильного», навязать окружающим свою точку зрения, свои нормы и ценности. Это было настолько важно, что Вашингтон и его союзники спокойно шли на подлог: что в Югославии, где была инсценирована бомбежка Сараево, что в Ираке, который совершенно безосновательно обвинили в создании оружия массового поражения.

Типичным примером победы в войнах «второго уровня» может служить победа союзников во Второй мировой войне, приведшая к созданию так называемого Ялтинско-Потсдамского мира — с «впечатыванием» в побеждённые Германию, Японию и их союзников совершенно иные законы бытия: американские — по ту сторону «железного занавеса» и советские — по эту.

Для лучшего понимания того, что представляет собой информационная война, война «второго уровня», в сравнении с «обычной» войной, можно привести такую аналогию. До середины XIX столетия военные действия шли в основном на суше и на море. С изобретением воздухоплавания, а особенно — с созданием самолётов, прежние границы и навыки войны во многом утратили своё значение. Господство в воздушном пространстве давало возможность спокойно перелетать самые укрепленные «линии Мажино» и бомбить города

противника, даже не слишком вступая в наземные столкновения. Точно так же с выходом в космос прежнее «господство в воздухе» стало значить гораздо меньше: что толку защищать своё воздушное пространство самолётами и зенитными ракетами, если оно при этом насквозь «простреливается» с околоземной орбиты?

В данной сквозной аналогии «приращения пространства войны» «обычным» войнам соответствует земноводная стихия, «информационным» — воздушная, а космос пресловутых «звёздных войн» находится в сопряжении с войной трансформационной, о которой некогда говорил апостол Павел: «Брань наша не против плоти и крови». И он, сам некогда претерпевший чудесное превращение из фарисея и гонителя христиан Савла, хорошо знал, о чём говорил.

Трансформационная война — это даже не снисхождение внешних союзников, это превращение вчерашних врагов и недоброжелателей в последователей и друзей. Причем не просто следующих международной военно-политической конъюнктуре, а в значительной мере эту конъюнктуру создающих.

Гигантское «приращение пространства» в этом смысле, несомненно, способно дать нам православие — не в его ритуально-обрядовой и доступной каждому верующему церковной ипостаси, но в ипостаси постижения и открытия высших, божественных смыслов бытия человека, общества и мира.

Конечно, сохранить триединство всех уровней войны — задача не из лёгких. Увлечение и превознесение одного из них в ущерб другим способно превратить нас в некое подобие участников одного антиколониального восстания в Китае, которые верили, что специальные духовные практики сделают всех их неуязвимыми для пуль и снарядов «заморских белых чертей». Или, напротив, в другое подобие — старцев брежневского Политбюро, видимо, искренне веривших в то, что наличие тысяч ракет с ядерными боеголовками раз и навсегда избавит их от всех остальных проблем.

Способно ли освоить государственное руководство России методы ведения всей этой «троицы современной войны»? Положительный ответ на этот вопрос выглядит сегодня маловероятным. Но он не исключен в принципе. А нынешний конфликт на Украине и вокруг Украины — да, к сожалению, ценой большой крови и больших разрушений — в немалой степени способствует такому освоению.

/ Евгений ТАРАСЮК /

Евромайдан — спецоперация США

Украинский кризис, первая фаза которого завершилась государственным переворотом 22 февраля 2014 года, после чего началась вторая фаза — фаза гражданской войны, стал очередным эпизодом холодной войны Запада против России, длящейся уже не первое столетие. Он отчётливо высветил главную цель США: путём провоцирования постоянных конфликтов в мире, в том числе и на Украине, а потом и в России, добиваться сохранения и укрепления Pax Americana и Pax Dollars. Механизм этой убийственной стратегии частично был вскрыт Джоном Перкинсом в его бестселлере «Исповедь экономического убийцы». На Украине американцы пустили в ход весь свой арсенал: от бесчисленного количества контролируемых ими фондов и общественных организаций до агентуры влияния во всех структурах власти, включая ближайшее окружение Виктора Януковича. Были выброшены — как оказалось, совсем не на ветер — около 5 млрд долларов, о чём гордо всему миру заявила заместитель главы Госдепартамента США Виктория Нуланд.

Новые свидетельства американской работы на Украине ещё всплывут, но даже то, что известно сегодня, позволяет утверждать: официальный Вашингтон действовал и действует на Украине так же нагло и беззастенчиво, как некогда в «банановых республиках» Латинской Америки.

В конце ноября 2013 года спецслужбы доложили президенту Украины Виктору Януковичу о том, что американцы обратились с необычным запросом: разрешить приземление в аэропорту Борисполя двух военно-транспортных самолётов ВВС США «Геркулес» с «дипломатическим грузом». Что это за груз, американцы не поясняли. Однако глава СБУ Украины Александр Якименко пояснил Януковичу, что в чреве американских самолётов находятся ящики с 60 миллионами долларов. Мелкими купюрами для активистов Евромайдана.

В то время киевляне дружно выходили на центральную площадь своего города поддерживать протестующих, которые требовали немедленно подписать соглашение об ассоциации с ЕС и выгнать правительство Азарова, которое в одночасье отобрало у них иллюзию «жить, как в Европе». Движущей силой Евромайдана были студенты. Власть приняла разумное решение не разгонять протестующих, а вступить с ними в диалог. И часть студенчества пошла навстречу власти: она даже объявила свой Майдан на другой площади — Европейской и гнала оттуда всех оппозиционных политиков, которые

пытались оседлать очередную протестную волну, чтобы на ней прийти к власти.

Киевское студенчество — весьма неоднородно. Большая его часть — выходцы из западных регионов Украины. Благодарить за это нужно Виктора Ющенко, министром образования в правительстве которого стал ректор Львовского государственного университета Иван Вакарчук, отец лидера популярной группы «Океан Эльзы». Стараниями папы талантливого музыканта в Киев устремились толпы студентов-«западнцев», а вместе с ними — и идеология украинского интегрального национализма, попросту говоря, украинского фашизма, главными проповедниками которого были Степан Бандера и Роман Шухевич...

Американские «Геркулесы» приземлились в нужное время в нужном месте: для дальнейшей раскачки Евромайдана требовалась серьёзная финансовая подпитка. Об этом послу США на Украине Джеффри Пайетту все уши прожужжал главный киевский оппозиционер Арсений Яценюк. В американское посольство он ездил, как к себе на работу. Ему там не хватало разве что спальни комнаты. О тесных связях Яценюка с посольством стало широко известно накануне парламентских выборов на Украине в октябре 2012 года. За несколько дней до выборов группа граждан решила проверить украинских оппозиционеров «на вшивость». Для пущей достоверности весь эксперимент был снят на видео, а разговоры записаны на диктофоны.

Время проведения эксперимента тоже выбрали не случайно: на Украину американцы командировали организатора многих революций Марко Ивковича вместе с целой группой «иностраннных консультантов». Зарубежные гости прибыли на открывшийся в Киеве тренинг активистов майданного движения «Тех-Камп» вместе с Аликом Россом. Этот политтехнолог прославился своей работой по разжиганию «цветных революций» в Тунисе, Египте, Сирии, Ливии. Алика Росса посол США на Украине до августа 2013 года Джон Теффт представил своим слушателям как «революционера» и «героя».

Для проверки политиков решили предложить им 5 млн долларов на осуществление революции в Киеве. Якобы деньги был готов выделить американский конгрессмен. «Розыгрыш» вёлся от имени консультанта сенатора Неда Михайлека и помощника конгрессмена Джона Шнайдера. Их представители предложили Арсению Яценюку, депутату Верховной рады Сергею Власенко, а также лидеру партии

«Свобода» Олегу Тягнибоку встретиться и обсудить все детали заманчивого предложения.

Первым откликнулся «Фронт перемен» Арсения Яценюка. Его секретарь Ирина Бочар с рабочего телефона, а потом и с мобильного охотно сообщила, что всю почту Арсений Петрович получает через посольство США, поэтому надо обращаться туда. Участники эксперимента тут же отправились в посольство, где с ними встретились улыбчивый сотрудник посольства Стивен Пейдж и его неотразимая помощница Анна Бондаренко. Они обещали в ближайшее время созвониться с представителями конгрессменов.

Когда вся эта информация выплеснулась в украинские СМИ, появилась на ютьюбе и в блогах, многие задались вопросом: почему и зачем Арсений Яценюк работает на Украине «через американское посольство»? Кто такие те дипломаты, которые контролируют всю его переписку? Кураторы? Тогда от какой организации? Вопросы эти так и остались без ответа, а когда журналисты пытались выяснить это лично у Арсения Петровича, он объявлял их провокаторами. Вместо Яценюка на этот вопрос через какое-то время ответила уже упомянутая выше Виктория Нуланд. Достоинством гласности стала запись её телефонного разговора с послом США на Украине Джеффри Пайеттом, в ходе которого она распределяла портфели в будущем правительстве Украины при ещё действующем президенте Януковиче и крыла матом Евросоюз за нерешительность. За Арсением госдеповская дама зарезервировала пост премьер-министра, куда он благополучно и попал после госпереворота. Всё сошлось: а где ж ещё, как не в посольстве США, будущему премьеру Украины вести всю свою переписку и получать указания из Госдепа?

Скандалная запись развеяла последние сомнения в том, что на Украине Госдепартамент и ЦРУ США работают рука об руку с оппозиционными политиками. Первые их подбирают, вторые обеспечивают каналы финансирования. Прилетевшие «Геркулесы» и должны были сделать Арсения Яценюка хозяином Евромайдана, а значит — и лидером оппозиции. Уже через три дня спецслужбы Украины доложили Януковичу о том, что у митингующих на Майдане в большом количестве появились новенькие купюры номиналом в 20, 50 и 100 долларов США. И на этот раз Янукович молча проглотил информацию.

А ведь в ходе первого доклада о предстоящем приземлении «Геркулесов» президенту предла-

гали американцев «наказать». Взять с поличным доставку долларов, заснять всё это на видео и предъявить всему миру в качестве весомого доказательства вмешательства во внутренние дела Украины. Первым, кто восстал против такого поворота событий, стал глава администрации президента Сергей Лёвочкин, который тут же стал пугать своего шефа реакцией Америки. И, похоже, добился своего — Янукович глубокомысленно заметил: «Действительно, зачем нам скандал? Теперь мы уж точно знаем, кто финансирует Майдан». И в Госдепе, и в ЦРУ, где о ситуации моментально стало известно, сделали вывод: Янукович — трус, держать удар не умеет, можно без всяких церемоний сносить этот режим.

Какую роль сыграли в осуществлении госпереворота глава администрации президента Украины Сергей Лёвочкин и его вечный спонсор олигарх Дмитрий Фирташ?

Летом 2011 года на стол Виктору Януковичу положили прослушку разговоров самой влиятельной тогда тройцы на Украине: уже упомянутых выше Сергея Лёвочкина и Дмитрия Фирташа, а также первого заместителя премьер-министра Украины Валерия Хорошковского на даче последнего. Разговор шёл о том, как лучше организовать отстранение Януковича от власти. Виктор Федорович внимательно читал эту запись с ручкой в руках, но на вопрос о том, не нужно ли сместить «заговорщиков» с их должностей, поморщившись, ответил: «Если я их выгоню, то больше никогда не узнаю об их планах. А так они у меня под колпаком». Реакция, мягко говоря, неадекватная и не вполне объяснимая... Хотя попытаться понять и объяснить её можно.

История сотрудничества главы администрации президента Украины с американцами берёт начало с того времени, как в штаб-квартире Партии регионов на Липском бульваре появились американские политехнологи во главе с Полом Манафортом. Произошло это осенью 2005 года по рекомендации Рината Ахметова, донецкого олигарха и главного в то время спонсора «регионалов». С той поры американцы, с некоторыми перерывами, консультировали Партию регионов, включая оперативную подготовку депутатского корпуса «регионалов» и самого Виктора Януковича к парламентским выборам в марте 2006 года.

Пол Манафорт в жизни Виктора Януковича сыграл трагическую роль. Этот импозантный господин, одетый с иголочки, всегда при ярком галстуке, не скрывал, что может помочь быв-

шему донецкому губернатору ориентироваться в хитросплетениях вашингтонской политики. Наивный Янукович верил, что Пол если не сделает его «своим» для Вашингтона, то, по крайней мере, наладит ему каналы неформального общения с вашингтонским олимпом, которые уже имели и Виктор Ющенко, и Юлия Тимошенко. Янукович и его соратники по партии верили, что в лице Манафорта они получили своего человека в вашингтонских коридорах власти. Оправдались ли эти расчёты четвёртого президента Украины?

Надо сказать, что Манафорт в течение многих лет неплохо работал в США на ниве политического пиара с республиканцами. Он участвовал в нескольких кампаниях. Звёзд с неба не хватало, но нужными связями обзавёлся и вполне мог претендовать на роль «своего среди чужих» в глазах регионалов. С одной лишь оговоркой: на появление человека такого калибра в окружении лидера считавшейся в США пророссийской партии тут же обратили внимание в ЦРУ. Американцы заметили стремление «регионалов» отойти от имиджа пророссийской силы и начать сближение с Западом. Когда в феврале 2009 года руководство Партии регионов в лице Рината Ахметова и Бориса Колесникова подписало новое соглашение с командой Пола Манафорта о предоставлении услуг по «строительству партии», к команде американского политтехнолога тут же прикомандировали нескольких сотрудников ЦРУ. Манафарту старшие товарищи порекомендовали взять на себя опросы общественного мнения. ЦРУ хотело знать температуру пациента для того, чтобы знать, какими медикаментами добиться нужного ей состояния. Хотели же американцы одного: закрепления Партии регионов на антироссийских позициях, а для этого не было лучшего средства, чем дрейф в сторону Евросоюза, который уже давно вёл переговоры с официальным Киевом о подписании соглашения об ассоциации.

Первой проверкой связей Манафорта стала идея уходящего президента и русофоба Виктора Ющенко договориться с Януковичем о сохранении себя во власти. Американцы сценарий Ющенко одобрили, но не считали его приоритетным.

Как писал украинский политолог Кость Бондаренко, Ющенко «искренне верит в своё высшее предназначение и в то, что провидение не оставит его. У Ющенко предпринимаются слабые попытки повторить с Партией регионов старый «фокус» — договориться о схеме, при которой он или становится премьером у президента

Атаман Николай Иванович КОЗИЦЫН

Януковича, или избирается президентом в Раде при премьере Януковиче». По словам Бондаренко, «американские друзья украинского президента» эти варианты рассматривали всерьёз. Естественно, они могли стать реальностью только при условии принятия новой конституции с двухпалатным парламентом, в верхней палате которого Ющенко автоматически становился пожизненным сенатором.

Однако эта схема не сработала, так как Янукович не был признан «своим» в Вашингтоне. «Регионалы» попросили Пола Манафорта пролоббировать изменение имиджа Виктора Януковича в США. Тот заказ принял и в декабре 2009 года договорился о поездке главы Партии регионов в Вашингтон. Но вместо Януковича туда полетел будущий глава администрации президента Сергей Лёвочкин, который провёл неофициальные переговоры в аппарате Совета национальной безопасности и в Госдепартаменте США. Эти смотрины Лёвочкин выдержал и убедил своих вашингтонских контрагентов,

что он сможет надёжно присматривать за Януковичем и укреплять в нём антироссийские настроения. Обещать и сделать это было не трудно, поскольку для Януковича материальные интересы всегда стояли выше политических, не говоря уже об идеологических. Да и в Москве в то время никто не требовал от украинских политиков «присягать на верность». В политических кругах России доминировало убеждение о том, что Украина никуда не денется и обречена быть вместе с Россией. Что касается «братских связей», «единого канонического пространства», «исторической общности», то все эти категории давно покрылись пылью и для Киева, и для Москвы. О них вспоминали разве что во время церемониальных застолий Ельцина и Кучмы. Пока в Первопрестольной доминировал чисто коммерческий подход к Украине, Пол Манафорт за деньги регионалов начал кампанию по позиционированию Януковича как прозападного политика.

В конце 2009 года в американской прессе появилась серия публикаций, утверждавших, что победа Януковича вовсе не является триумфом Москвы. Например, влиятельный американский журнал Newsweek писал, что «во многих отношениях он (Янукович) больше не человек Москвы», а «Украина в любом случае слишком изменилась, чтобы её можно было вновь сделать российским вассалом». Для Вашингтона всё складывалось весьма удачно: при новом президенте Украины обосновалась целая группа американцев во главе с Полом Манафортом и «своим» главой администрации президента — Сергеем Лёвочкиным. Который постоянно внушал Виктору Януковичу, что его позиции в стране и в мире лишь окрепнут, если он отправит в отставку правительство «ретрограда» Николая Азарова.

Кем же собирались заменить премьера Лёвочкин и его кураторы из США? На эту роль готовился Валерий Хорошковский. И с утроенной энергией Лёвочкин принялся лепить биографию, как он надеялся, будущего президента Украины. А для этого при каждом удобном случае в адрес Азарова летели обвинения, что он — консерватор, что возраст не позволяет ему оперативно реагировать на вызовы в стране и в мире. Что всё его правительство создано из его друзей, не способных осуществлять реформы. Хорошковский же — другое дело: и молод, и талантлив, и горит желанием заняться реформированием экономики страны. А самое главное — знает, как это делать. Свою карьеру Хорошковский начал при Юлии Тимошенко: отвечал у неё за таможенно. Но когда Тимошенко решила конфисковать 11 млрд кубометров газа у Дмитрия Фирташа, Хорошковский, тесно связанный с Фирташем, демонстративно подал в отставку и перешёл в лагерь регионалов. После победы Януковича Лёвочкин продавил его назначение руководителем Службы безопасности Украины. Хорошковский занялся крышеванием контрабанды, которая под его руководством широким потоком потекла в страну. С каждой фуры, с каждого борта самолёта, с каждого корабля взимались поборы. И всё это попадало в руки Хорошковского, который «делился с друзьями», а значительная часть этих денег шла ещё выше. Лёвочкин был убеждён, что тем самым Хорошковский заработает в глазах президента нужные политические очки, которые в конечном итоге помогут ему занять премьерское кресло. А чтобы это случилось поскорее, Хорошковский занялся поиском компромата на премьера Николая Азарова. То небольшое, что удалось найти: у сына

Алексея — дом в Австрии, у его жены — в Вене какой-то художественный салон, — тут же передавалось известному украинскому журналисту, борцу с коррупцией Сергею Лещенко. Последний исправно разгонял этот «мусор» по украинским СМИ. Сегодня Лещенко отрешивается от обвинений в том, что кормился с руки Сергея Лёвочкина, в благодарность усердно швыряя компромат на врагов своего спонсора в медиапространство Украины, да и всего мира. «Непримиримый борец» с коррупцией морщится, когда его коллеги-журналисты напоминают ему об этом. Оно и понятно: после «перемоги Майдана» он идёт кандидатом в депутаты Верховной рады.

Но планам Сергея Лёвочкина протащить «хоть чуелом, хоть тушкой» Хорошковского в премьеры не суждено было сбыться. Президенту продолжали сообщать, что Хорошковский рвётся в премьеры для того, чтобы участвовать в президентских выборах 2015 года. И не просто сообщали, а показали документы, из которых следовало, что главным оппонентом Хорошковский видит действующего, четвёртого президента Украины и всячески дискредитирует его. Всё это задело Януковича за живое и, убедившись в серьёзности намерений Хорошковского, он обрушил на него свой гнев. Да с такой яростью, что бывшему вице-премьеру пришлось срочно сбежать из страны. Пакуя чемоданы, Хорошковский на прощание громко хлопнул дверью, заявив, что подаёт в отставку в знак протеста против повторного назначения Николая Азарова на должность премьер-министра. То, что ещё вчера было тайным, стало явным.

Однако на этом миссия Сергея Лёвочкина не завершилась. Хитроумный глава администрации решил воспользоваться взаимной ненавистью Януковича к Юлии Тимошенко. Как известно, «женщина с косой» была единственным политиком на Украине, который мог бросить вызов Януковичу и сорвать его планы переизбраться на второй срок. В своё время Янукович провёл почти полтора года в упорных переговорах с Тимошенко о создании широкой коалиции, в рамках которой та предлагала разделить власть в стране: ему — пост президента, которого избирает парламент, а ей — должность премьера. Всё это должна была зафиксировать новая конституция, которая зафиксировала бы раздел страны между двумя кланами: Януковича и Тимошенко.

Но эта политическая сделка, уже близкая к завершению, была сорвана олигархом Дми-

трием Фирташем вместе с Сергеем Лёвочкиным. Причина банальная: Тимошенко, став премьером, выкинула бы Фирташа из газового бизнеса. Лёвочкин и Фирташ сыграли на недоверии Януковича к Тимошенко: убедили президента, что как только Тимошенко заполучит премьерство, то откажется от всех договорённостей. И Янукович в последний момент отказался поставить свою подпись под уже готовым соглашением. Тимошенко была в ярости. И старые враги снова схлестнулись между собой: сначала — в борьбе за парламент, а потом — и за пост президента. В январе 2010 года, сразу после победы на первом туре президентских выборов, у Януковича прошло совещание по вопросу о том, что делать с Тимошенко. Сергей Лёвочкин решил воспользоваться этим шансом, чтобы подтолкнуть президента на развязывание судебного преследования Тимошенко. С полного согласия американцев он предложил Януковичу инициировать против Тимошенко судебное разбирательство по подписанному в январе 2009 года газовому соглашению с Россией. Глава администрации надеялся направить судебный процесс таким образом, чтобы можно было заодно облить грязью и президента России Владимира Путина. По планам ЦРУ, одновременно должно было начаться расследование о деятельности «Газпрома» в Европе.

На стол президенту лёг и другой вариант судебного преследования Тимошенко. Влиятельные соратники президента говорили ему, что не стоит отправлять Тимошенко в тюрьму и делать из неё второго «Нельсона Манделу». Они предлагали вернуться к уголовному делу бывшего премьер-министра Павла Лазаренко, который уже сидел в США за отмывание денег. По этому делу проходила и Юлия Тимошенко в качестве соучастницы. В декабре 2009 года генпрокуратура США инициировала новый судебный процесс против Павла Лазаренко с целью конфискации 250 млн долларов бывшего премьер-министра, которые были заморожены на его счетах. Целью судебного разбирательства должна стать конфискация незаконных средств Лазаренко, состоящих из откатов. Доля Тимошенко в этой сумме составляла 160 млн долларов.

Такой поворот категорически не устраивал Сергея Лёвочкина. Не нравился он и американцам, которые в своё время спасли Юлию Тимошенко от судебного преследования в США: до сих пор нет внятного объяснения решению судьи Дженкинса, который начал процесс над Лазаренко в 2004 году, в ходе которого неожиданно принял решение изъять все ма-

териалы следствия относительно Тимошенко. Ясно было одно: в дело вмешался Госдеп, так как Тимошенко в феврале 2005 года стала премьер-министром Украины. Что пообещала Тимошенко американцам в обмен на изъятие всех этих материалов, до сих пор остаётся загадкой. Поворот к делу Лазаренко в 2010 году явно не устраивал американцев, так как из их шкафов могло вывалиться множество скелетов. Поэтому Сергей Лёвочкин сделал всё, чтобы забраковать вариант судебного преследования за соучастие в преступлениях Павла Лазаренко. Вместо этого он подталкивал Януковича дать отмашку посадить Тимошенко за газовый договор с Россией 2009 года, по которому Украина была обязана закупать газ у России по баснословно высокой тогда цене 450 долларов.

Одновременно с началом судебного разбирательства по газовой сделке приступила к работе и созданная в Верховной раде комиссия. Её председателем стала Инна Богословская, которая в политических кругах Украины была известна своей близостью к Сергею Лёвочкину. По планам главы администрации, Богословская и должна была придать расследованию парламентской комиссии антироссийский характер. Американцы уже радостно потирали руки. И Инна Богословская не обманула надежд своих американских кураторов. С первых дней работы комиссии она стала делать громкие заявления о том, что следует допросить обо всех обстоятельствах этой скандальной сделки и Владимира Путина. Как будто Путин был виноват в том, что украинский премьер-министр поставила свою подпись под этой действительно странной сделкой: на момент подписания договора цена российского газа для Украины была самой высокой в Европе.

Как только первые заявления Богословской разлетелись по всему миру, к президенту Януковичу в кабинет вошёл премьер-министр Николай Азаров. В эмоциональном разговоре он объяснил главе государства, что ненависть ненавистью, но втягивать в судебные разборки руководителя соседней страны — вещь опасная. Янукович отступил и дал команду дезавуировать заявление Богословской. Переговорил по телефону с ретивым не в меру депутатом и премьер-министр Украины. Дело замяли, но дурное «послевкусие» от всей этой возни осталось. Были недовольны и американские кураторы Лёвочкина.

Судебный процесс над Юлией Тимошенко по газовой сделке, как и ожидалось, повлёк за собой определённые осложнения в отношениях

не только с Россией, но и с Евросоюзом. Именно на этом и строился расчёт американцев: вбить клин в отношения России и Украины, изолировать Януковича от Европы и сделать марионеткой в американских руках. А в 2015 году заменить его на куда более управляемого президента. Но реализации этого сценария препятствовал премьер-министр Николай Азаров. Его надо было убирать, так как он не пользовался доверием американцев и не шёл ни на какие компрометирующие контакты с Вашингтоном.

В своих подозрениях американцы оказались правы: осенью 2013 года премьер-министр Украины положил на стол президенту Януковичу расчёты о том, сколько Украина будет терять ежемесячно, если в ноябре подпишет ассоциацию с Евросоюзом. Вырисовывалась очень неутешительная картина. Стоило только России в августе 2013 года объявить о приостановке торговли с Украиной под предлогом отсутствия согласованных технических регламентов, как доходы казначейства стали стремительно таять. Каждый месяц Украина теряла до 2 млрд долларов. С августа по ноябрь торговый оборот упал на 25%. Выходило, что уже к декабрю Украина обанкротится. В сознании Януковича произошёл перелом. Было принято решение не подписывать ассоциацию с ЕС и начать разворот в сторону России. В ответ на решение кабинета министров Украины отложить подписание соглашения о евроассоциации в стране вспыхнули массовые акции протеста. А в Вашингтоне тут же приняли решение, что время разговоров закончилось и надо избавляться от президента Януковича и премьера Азарова. Был дан «зелёный свет» на включение всех рычагов и ресурсов для свержения «промоковского» режима на Украине.

Только сейчас становятся известными скандальные подробности ночного разгона студенческого городка на Евромайдане в ночь с 30 ноября на 1 декабря 2013 года, который был представлен всему миру как «зверское избиение детей». С этого разгона у Евромайдана появилось второе дыхание, а на смену студентам киевских вузов туда пришли боевики «неправительственных» националистических организаций, вступившие в схватки с милицией и «Беркутом». С января 2014 года на Майдане запыхали «коктейли Молотова»: в действие вступил план американцев по силовому свержению режима Януковича. Из-за войны между бывшим главой администрации президента Сергеем Лёвочкиным и олигархом Дмитрием Фирташем с губернатором Днепропетровской

области Игорем Коломойским в прессе всплыли детали того самого злосчастного разгона студентов.

Оказывается, СБУ Украины зафиксировало SMS-сообщение с одного из телефонов Сергея Лёвочкина на телефон Арсения Яценюка. В сообщении речь шла о том, что в ночь с 30 ноября на 1 декабря готовится зачистка студенческого Майдана под предлогом установления новогодней ёлки. Приказ об этом дал лично Лёвочкин. В полночь на Майдан действительно выдвинулся «Беркут» и подъехали грузовики для демонтажа палаток. Но самое удивительное: в это же время вокруг всего Майдана стали разворачивать свои кинокамеры крупнейшие телеканалы страны. Разумеется, оппозиция тут же сообщила о ночной операции представителям СМИ. Но этим дело не закончилось: на видео отчётливо видно, как к палаткам выдвинулись около 100–150 человек, далеко не студенческого возраста, которые стали провоцировать «беркутов». В них полетели камни, палки, горящие поленья... «Беркуту» дали команду ответить провокаторам, и началась «зачистка Майдана». На следующий день все украинские и мировые СМИ с утра до вечера, как по команде, крутили одни и те же окровавленные лица студентов, а вся оппозиционная тусовка с придыханием вопила: «онижедети!» Но мало кто обращал внимание на список пострадавших, доставленных в ближайшее отделение больницы возле Крещатика. Там были в основном крепкие мужчины из западных регионов Украины в возрасте от 40 до 50 лет — члены той боевой группы, в основном из членов партии «Свобода», которые и должны были спровоцировать «Беркут» на жёсткую зачистку протестующих. На следующий день глава администрации президента демонстративно подал в отставку, а его жена отправилась на Майдан, который забыл про «европейский выбор», проклиная «кровавый режим» и «убийцу» Януковича. На Евромайдане пролилась первая кровь. Всё пошло по знакомому сценарию «цветных революций». И самое удивительное было в том, что Янукович так и не уволил главу своей администрации, жена которого на Майдане гневно обличала власть в «зверском избиении детей». Сергей Лёвочкин со своей работой, в общем-то, справился. Как и его кураторы в Вашингтоне, которые в мгновение ока приняли решение о выделении 60 млн долларов на финансирование свержения режима Януковича.

Методы американцев по свержению неугодных им режимов отличаются известным

творчеством, но в них неизменно одно: снизу общество расшатывает огромная сеть неправительственных организаций, которых на Украине было около 3000. Опутав этой сетью всю общественную жизнь страны, американцы создают питательную среду для того, чтобы разжигать и направлять протестное движение снизу. На низовую работу денег не жалеют. А вот в работе с «верхами» в дело включаются олигархи, все счета и бизнес которых в основном находятся на Западе. Олигархи подбирают и коррумпируют чиновников, проникают во власть, формируют свои сферы влияния. В нужный момент эта сложная и системная работа даёт свои плоды. Вспомним «Исповедь экономического убийцы» Перкинса. Там рассказывается, как американцы втягивали «верхи» разных стран в свои сети, позволяя тем воровать и прятать деньги в своих банках, а потом с помощью «народного гнева» свержали и конфисковывали награбленное в свою пользу. По той же схеме они сработали и на Украине.

Наталия НАРОЧНИЦКАЯ. Сосредоточение России. Битва за Русский мир
(«Коллекция Изборского клуба»). —

М.: Книжный мир, 2014. — 320 с.

Лейтмотивом данного сборника, как явствует из названия, стала знаменитая фраза министра иностранных дел, а затем — и канцлера Российской империи Александра Михайловича Горчакова: «Россию упрекают в том, что она изолируется и молчит перед лицом таких фактов, которые не гармонируют ни с правом, ни со справедливостью. Говорят, что Россия сердится... Россия не сердится, Россия сосредотачивается», — использованная и президентом РФ Владимиром Путиным в его предвыборной статье «Россия сосредотачивается — вызовы, на которые мы должны ответить» («Известия», 16 января 2012 г.).

Нынешний конфликт на Украине и вокруг неё придал этим историческим параллелям новое измерение — ведь слова Горчакова были произнесены практически сразу после поражения России в Крымской войне, а сегодня, через 160 лет после её начала, они звучат в книге Наталии Алексеевны Нарочницкой не только как лозунг нового воссоединения Крыма с Россией, но и в целом — нынешнего периода собирания, восстановления, сосредоточения и мобилизации всего Русского мира: от Приднестровья и Новороссии до Дальнего Востока и Крайнего Севера.

Сергей ГЛАЗЬЕВ. Украинская катастрофа: от американской агрессии к мировой войне? («Коллекция Изборского клуба»). —

М.: Книжный мир, 2014. — 444 с.

Относительно происходящих на Украине с осени 2013 года событий высказано уже множество самых разных и зачастую взаимоисключающих мнений. Известный российский ученый-экономист, автор получившей признание во всем мире теории глобальных технологических укладов (ГТУ), постоянный член Изборского клуба, академик РАН Сергей Юрьевич Глазьев на основе целого комплекса экономических данных доказывает, что целью организованного США государственного переворота на Украине является «отбрасывание» и уничтожение России как полноценного субъекта мировой идеологии,

политики и экономики. Выбор именно такой цели обусловлен объективным кризисом пятого ГТУ, в рамках которого последние десятилетия американское лидерство было тотальным и неоспоримым. Однако неизбежный и уже начавшийся с конца 90-х годов XX века переход человеческой цивилизации к шестому ГТУ влечёт за собой и смену глобального лидера, что неприемлемо для властителей «империи доллара». Поэтому у России, выбранной в качестве «сакральной жертвы» доллару и Америке, есть все шансы не только избежать губительных для себя сценариев, но и стать одним из лидеров XXI столетия.

Николай СТАРИКОВ, Дмитрий БЕЛЯЕВ. Россия. Крым. История. —

СПб.: Питер, 2014. — 256 с.

Россия и Крым. Крым и Россия. Это одно целое, это сплетение истории и геополитики. Это героические страницы двух оборон Севастополя. Это Суворов и Кутузов, это адмиралы Нахимов, Корнилов и Истомин. Это мудрая политика Екатерины Великой и граничащее с предательством сумасбродство Никиты Хрущева.

Каждый раз, когда Россия обретала Крым, она становилась сверхдержавой. Каждая потеря Крыма приводила к потере этого статуса. И вот в 2014 году наша страна вновь стала сверхдержавой, благодаря мужеству и стойкости крымчан и политической воле российского президента.

Обо всем этом — в новой книге Николая Старикова (автора бестселлеров «Геополитика. Как это делается», «Национализация рубля — путь к свободе

России») и Дмитрия Беляева (автора книги «Разруха в головах. Информационная война против России»).

— Как Крым вернулся домой в 2014 году?

— Кто и зачем организовал госпереворот в Киеве?

— Какова была история потери Крыма в 1991 году?

— Почему Хрущев отдал Крым Украине и чуть не отдал Курилы Японии?

— Что происходило в Крыму в годы Великой Отечественной войны?

— Какие ужасы творились на полуострове во время Гражданской войны?

Крым и Россия. Россия и Крым. Единое целое, единая страна, единая история.

Теперь — навсегда.

Хронология мероприятий клуба

27 сентября 2014 года

Фото: редакция «ИК»

**Круглый стол Брянского регионального представительства Изборского клуба,
6 сентября 2014 года**

3–7 сентября 2014 года

На традиционной 27-й Московской международной книжной выставке-ярмарке были представлены книги Виталия Аверьянова, Михаила Делягина, Михаила Леонтьева, Андрея Фурсова, а также двухтомник «Путин. Замковый камень российской государственности» и «Путин в зеркале Изборского клуба», вышедшие в серии «Коллекция Изборского клуба», — совместного проекта Изборского клуба с издательством «Книжный мир».

члены Изборского клуба: руководитель аналитического центра «Копьё Пересвета» Олег Розанов, а также известный российский писатель, историк, общественный и политический деятель Николай Стариков.

17 сентября 2014 года

В Доме книги «Молодая гвардия» прошла презентация нового романа председателя Изборского клуба Александра Проханова «Крым» (издательство «Центрполиграф»).

6 сентября 2014 года

Брянское региональное отделение Изборского клуба заседанием на тему «Российско-украинские отношения и будущее Новороссии» открыло осенний дискуссионный сезон. В мероприятии приняли участие постоянные

26 сентября 2014 года

В музее-заповеднике «Изборск» (Псковская область) состоялось заседание историко-краеведческого объединения «Изборская пятница», посвящённое открытию выставки «Вехи и лица Изборского клуба».

Председатель Изборского клуба Александр Проханов выступил на Поклонной горе в ходе митинга, посвящённого поддержке Новороссии. «Ополченцы Новороссии, освобождая свои родные поселки и города, где побывали укронацисты, находят рвы, заполненные телами погибших. Этих людей не просто убивали — их мучили перед смертью, из живых вырезали органы. Фашизм — это религия тьмы. Бог фашизма — это космический мрак, которому фашизм поклоняется и создаёт вокруг этого мрачного божества свои чудовищные ритуалы. Театр фашизма требует мучений напоказ — мучений изуверских, долгих... На Украине жертвами фашизма являются люди. Жертвами фашизма являются целые города, страны и народы. Если фашизм сегодня не остановить, то такие же расстрельные рвы появятся под Парижем, под Варшавой, под Берлином. В 1945 году эту тьму остановили красные витязи. Они задушили фашизм. Но его личинка странным, таинственным образом сохранилась в мутных лабиринтах истории. И на Майдане она снова вылезла под жирную копоть горящих автопокрышек. Сегодня с фашизмом сражается Новороссия. Сегодня Новороссия является тем оплотом, у которого останавливается фашизм. Той стеной, о которую разбивает свою башку это мохнатое чудовище. Здесь, поминая погибших, творя наше надгробное рыдание, мы должны понимать, что чудовище фашизма уже близко, уже у нашего порога. Создание антифашистской лиги, мирового антифашистского комитета — вот первоочередная задача для всех свободолюбивых, понимающих истинный смысл мироздания людей. Сейчас, когда окончится наша панихида, я пойду в храм и поставлю две свечи. Одну — за упокой всех измученных и убитых мирных жителей и ополченцев Новороссии, которые пали смертью храбрых. А вторую, заздравную, — за тех героев, которые сейчас сражаются за славную и восхитительную страну Новороссию. Во славу негасимого русского солнца. За победу!»

/ Олег БОРОДКИН /

«Средь наших оставленных богом равнин...»

ПУТЁМ ЗЕРНА

Олег Бородин — своего рода поэтический миф нашей эпохи, конца XX — начала XXI века. Он — везде, и он — нигде. Он — есть, и его — нет. Откройте нынешнюю библию — «Википедию» и постарайтесь найти там хоть строчку про Олега Бородин. Не найдёте! Всякие Дмитрии Быковы, Игори Иртеньевы и прочие стихотворцы современности — в наличии, со всеми регалиями. А вот Бородин — нет. Хотя его стихи, его строки можно услышать от любого жителя «этой страны», который и не знает, чьими словами говорит. Или это Бородин говорит языком своей страны и своего народа?

«Полное собрание сочинений Олега Бородин», наверное, не выйдет никогда — слишком много им написано, утеряно и забыто, как то самое зерно из евангельской притчи, которое «аще падь на земли не умреть, то едино пребывает: аще же умреть, многь плодь сотворить».

Но ничто никуда не делось. И не надо считать Бородин «поэтическим экс-

тримистом», искать за его формулами какой-то идеологический или политический подтекст, — он, скорее, похож на того младенца, устами которого глаголет истина, или мальчика из сказки Андерсена, который в простоте своей произнёс убийственное: «А король-то — голый!»

«Блаженны нищие духом...» И к словам юродивого Николки у Пушкина с тревогой прислушивался царь Борис.

«стоит кусок дерьма со свечкой в храме и думает, что будет так всегда...» — навеяно известными телекадрами ельцинского времени.

А это — бородинское или нет:

«когда помотришь ты в глаза Швидкому, возникнет вдруг — неясно, почему, — желание участвовать в погромах и покупать плохую хохлому...»?

И еще:

«в Москве пьют оборванцы «Лёвенбраун» и, бытия превозмогая бред, простым «Ярливом» тешится поэт. ему слегка обидно за державу...»

А ещё:

«интеллигентов надо убивать, мочить в сортире, бане и борделе...»

Стоп!

Цитировать Бородин можно бесконечно. Причём многие его стихи неожиданно «оживают» через много лет после их написания — верный признак истинного поэта:

*в России не бывает тупиков.
взять тварь,
за хрен моржовый раскрутить
и выбросить на свалку,
гулко крикнув.
с врагом по-молодецки поступать
нисколько не зазорно,
уж поверьте.
так наши ненавязчивые предки,
с очередной протрацией покончив,
поганные крушили черепа.*

Дата — сентябрь 1999 года, «ненавязчивые предки» — и их «вежливые потомки» в весеннем Крыму 2014 года...

Впрочем, читайте сами!

Георгий СУДОВЦЕВ

ТЕСНОТА

в жестокой пребывая тесноте,
я чувствую, что люди здесь не те.
вернее, те ещё живут здесь люди,
и то ещё со мною дальше будет.

РОДИНЕ

мама, подари мне автомат.
в сплетни ты, пожалуйста, не верь.
я умею бешено стрелять
в самую пленительную цель.

я умею бегать босиком
по цветному битому стеклу.
я умею грызть прохладный лёд
в самую проклятую жару.

я умею спорить по ночам
с призраками спившихся царей.
я умею верить через раз
в правду неприятельских соплей.

только ты не спрашивай, зачем
злой язык шевелится во рту.
лучше подари мне автомат.
я тебя вовек не подведу.

* * *

огромные рыбы по небу плывут,
и капает с неба морская вода.
почти несмертелен осенний капут —
чем больше страданий,
тем слаще беда.

но кто-то же тонет,
уходит на дно...
ты пережил приступ цинизма.
теперь
из этой воды нужно сделать вино.
нет, всё-таки осень есть время потерь.

к тому же приходится быть подлецом,
меняя на деньги весь список обид.
цветастые листья летят мне в лицо.
сегодня и ветер отменно сердит.

причудливы также и новости дня:
«в Орле марсианами съеден раввин...»
чем тешатся люди?
тем тешусь и я
среди наших оставленных богом равнин,

где строгая стража преступников ждёт
на многих извечно дырявых постах,
и друг мой сердешный куда-то бредёт
с беспечной улыбкой на мертвых устах?

ЖАБА

гулять водил он жабу на цепочке.
но как-то раз цепочка порвалась.
и жаба та,
почувствовав свободу,
с блаженным видом устремилась
в грязь.

а после куролесила,
бесилась,
пронзительно кричала: «вашу мать!»
и, развалившись
в позе непристойной,
грозила жизнь хозяину сломать.

ОХОТНИКИ НА СНЕГУ

*Питер Брейгель Старший, 1565 г.,
дерево, масло, 117х162 см*

кто пал их жертвой:
мамонт или вепрь?
Бог знает...
кончив дело,
как-никак
они бредут,

презрев глубокий снег,
в приятном окружении собак
к себе в средневековый городок,
застывший на картине навсегда,
где режет допотопнейшим коньком
прилежный обыватель твердь пруда.

где черные деревья чёрных птиц
зовут на миг прервать лихой полёт.
где цветом лёд похож на небеса,
а небеса суть тот же самый лёд.
и хочется туда,
на полотно,
в игрушечный голландский фатализм.
что значит настоящая зима!
что значит настоящий реализм!

четыре сотни лет тому назад
в Европе приключившийся мороз
отрадно наблюдать...
к чему скрывать:
фламандец был изрядный виртуоз.
на фоне современной пачкотни
П. Брейгель как дельфин среди медуз.
а впрочем,
дело вкуса, господа...
естественно,
когда имеешь вкус.

ВОСТОК И ЗАПАД

*Павел Филонов, 1912-1913 гг.,
бумага, масло, темпера, гуашь, 38,5х42 см*

восток, конечно, дело тонкое.
но коль
порвётся, то чреват
сплошной резнёю:
брат старший уж и враг,
и просто ноль...
модерн частенько
кажется бронёю,
однако нацодежды
бьёт и моль,
и пули, и...
мы все здесь рыбаки...
Евразия,
пора бы вам очнуться!..
рыб разноцветных
тащим косяки
сетями из воды мы,
и смеются
над нами рыбы:
браво, мужики!

* * *

в пластмассовом мире стараешься быть деревянным
и верить: Земля — это диск, но, конечно, не шар.
тебя здесь напутствуют часто напутствием бранным,
и снится тебе по ночам интересный кошмар.

а в небе в обычном порядке гуляют светила.
народы привычно долдонят Талмуд и Коран,
в которых содержится много эпической силы.
тебе же по нраву пейзажи нордических стран.

ты любишь холодную зиму и тёплое лето,
ты любишь месить сапогами осеннюю грязь.
побывать иногда небесмысленно в шкуре аскета.
полезней, чем с кем-то вступить во внебрачную связь.

в пластмассовом мире всё время боишься подделок
и хочется плоских равнин без искусственных гор.
и пламя костра эстетичней огня из горелок.
и лучше ворует ни разу не пойманный вор.

а лохов по-прежнему держат начальники в страхе.
и, банду тупых астрономов бессовестно зля,
стоят три слона на огромной, как танк, черепахе,
и к спинам слонов приспособлена наша Земля.

* * *

прощальный взмах смуглеющей рукой.
остывшая сентябрьская жара.
с осенней бесприютнейшей тоской
о жизни можно думать до утра.
...миндалевидным станет круглый глаз,
зашепчут тарабарщину уста.
шагнешь —
и не успеешь впасть в экстаз.
шагнешь —
и выйдешь в райские места,
где грешнику без всякого труда
ко лбу приложат древнюю печать...
нас ждёт большая порка, господи.
за триппер духа нужно отвечать.

* * *

мне чуть не заплатили за стихи
какие-то безумцы в чёрных шляпах,
но шёл от шляп густой чесночный запах,
и много любопытной чепухи
услышал я по поводу стихов...
нет, прав был член ЦК Иосиф Сталин —
их ангел слеплен вовсе не из стали,
а из ошибок наших и грехов.

и Сталин с упоением год за годом
топил в сырой реке врагов народа —
за то,
что те икру любили есть,
любили со стены сорвать икону
и заслужить по волчьему закону
возмездие, похожее на месть...

* * *

выкармливаю Сталина. он мал.
живёт пока что в хлебнице на кухне.

киндзмараули из напёрстка пьёт,
и трубочка его всё время тухнет.

но знайте, суки: Сталин подрастёт
и сделает крапивку всем уродам,
и всунет острый красный перец в рот
любителям порнухи и свободы.

сегодня в это верится с трудом.
прошло как будто время великанов.
и маленький мой Сталин лишь сопит
и режет бедных мух да тараканов.

но косится уже на воробьёв
и слушает, как каркают вороны.
здесь также есть вредители-врачи,
троцкисты и германские шпионы.

полно интеллигенции гнилой,
полно билет порвавших коммунистов...
страдает русский, бедствует грузин...
пока терзают Родину садисты,

выкармливаю Сталина. он вновь
загонит много сволочи в могилу.
ведь сила наша — вовсе не в деньгах,
а в правде, только в правде наша сила.

ЛИЧНОЕ МНЕНИЕ

в Московии же осень беспредельна
и сыростью, и диким буйством красок.
по большей части жизнь людей бесцельна.
на лицах, впрочем, много разных масок.
в любом из нас есть что-то и от вора,
и от судьи, но больше — от Ивана.
избавишься от этого нескоро,
не раньше, чем афганец — от Корана.

в Москве вообще разнузданная осень.
в ней есть и привкус ржавого железа,
и привкус гари... души сами просят
по ним царапать гранью стеклореза.
а глотки вечно просят алкоголя.
а мощи просят отдыха и ласки.
пожалуй, невозможно жить без боли,
без горечи, без драмы, без развязки...

ах, осень обернётся вдруг зимою,
и потеряет смысл её загадка.
я от нагрузок жизненных завою
и снова успокоюсь: было гадко,
но стало сладко... ждут нас снег и водка,
и Третий Рим, и взятие Казани,
и к этому всему: грибы, селёдка,
салат и крах публичных предсказаний.

ת.ת. 82

מסרתי

10 ימים

מס'מס'

מס'מס' 416

60-12
23-19-88

78-5
6011-7-92
12-19-88

4 6 2 7 0 8 5 3 1 0 0 1 3